

Татьяна КАТРИЧ

*Жизнь
в стиле драйв*

Кемерово
Кузбассвузиздат
2022

Часть 1

Старые письма

1

Марина Алексеевна наконец собралась на дачу. Собственно, Мариной Алексеевной называла только она сама себя, ведя нескончаемые внутренние диалоги. Все окружающие называли ее просто – Мариной. В свои тридцать два года она выглядела едва на двадцать пять. Эта невысокая хрупкая барышня была стремительна в движениях и имела летящую походку. В разговоре она произносила не «я пошла», а «я побежала», и, действительно, неслась куда-то сломя голову, даже если торопиться было некуда.

Второй день как установилась теплая погода. Закончились весенние холода, нудные июньские дожди, и вот оно, счастье, – в конце месяца началось лето. Прогноз радовал, и Марина, весело перепрыгивая через ступеньки, носила коробки и баулы, загружая багажник старой зеленой «Лады». Пожитков набиралось немало, потому что она не хотела постоянно мотаться в город за нужными вещами. Минут через пятнадцать веселой кутерьмы все было готово к отъезду и, помахав рукой соседке, наблюдавшей из окна за ее хлопотами, резко газанув, выкатила драндулет на улицу.

Стояло раннее утро, машин на дороге было мало. Марина специально выбралась пораньше, чтобы успеть до пробок, да и ехать до дачи было неблизко: километров семьдесят. Собственно, дача была не дачей, а старым деревенским домом, построенным родителями мужа, который он благородно уступил ей при разводе. После одиннадцати лет брака она уже три года была свободна и почти довольна своим состоянием.

Катрич Татьяна

К29 Жизнь в стиле драйв / Татьяна Катрич. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2022. – 294 с.

ISBN 978-5-202-01537-3

Роман состоит из криминальных историй, в которые неожиданно для себя оказывается втянута главная героиня. Ее мирная жизнь прерывается трагическими ситуациями, а авантюрная и неравнодушная натура заставляет вмешиваться в ход следствия, привлекая к расследованию друзей и родственников. Благодаря общим усилиям преступник, как принято в детективах, оказывается найденным, а герои возвращаются к повседневности.

ББК 84Р7-4

© Катрич Н. В., 2022
© Оформление. ООО «АИ Кузбасс-
вуиздат», 2022

ISBN 978-5-202-01537-3

С мужем, откликавшимся на имя Юрий, Марина была знакома всю жизнь, они росли в одном дворе, ходили в одну школу, а потом – в институт. Само собой, поженились и думали, что проживут вместе всю жизнь. Но судьба решила, что это скучно и подготовила свой вариант. Работать они начали вместе в мэрии, но Юрий, деятельный и инициативный, недолго там задержался. Он быстро сделал карьеру, переходя из фирмы в фирму, и, в конце концов, был приглашен в очень крупную, солидную компанию. Она осталась на прежней работе. И вот на новом месте с Юрием случилась «сумасшедшая любовь». Такими словами он сообщил жене о событии, круто изменившем их жизни. Марина на удивление пережила это спокойно. Немного погоревав, переехала в свою прежнюю квартиру, в которой прошли первые восемнадцать лет жизни. Отец к тому времени умер, а мама, еще молодая красивая женщина, удачно вышла замуж во второй раз и укатила жить в город на берегу Черного моря. Так она вновь оказалась в доме, где прошло детство.

Сейчас Марина ехала на дачу писать роман (иронизируя, делала ударение на первом слоге). Причем второй роман, первый был написан и представлял собой скорее большую повесть. Она написала его, пытаясь преодолеть одиночество после расставания с мужем, и вложила в него ощущения молодости, счастья, любви, институтскую романтику, иронию и легкий ненавязчивый юмор. Повесть читалась взахлеб, имела неожиданный успех, принесла приличные деньги и договор на две другие. В издательство нужно было отдавать рукописи по одной в год, и первые полгода уже прошли. Марина решила, что откладывать больше нельзя и именно на даче ее посетит вдохновение. Самым неприятным являлось то, что сюжета не было, совсем не было. Потом, припомнив фразу, что жизнь человека делится на три этапа: любовь, развод и похороны, она решила голову не ломать, а написать про развод. Благо опыта ей не занимать.

Пока дорога была относительно ровной, Марина обдумывала некоторые сюжетные линии, чтобы, приехав, сразу начать работать, но, когда она свернула на гравийку, ведущую к деревне, стало не до раздумий. Мало того, что дорога была трудная и требовала большого внимания, она была узкая, а по обеим сторонам тянулся лес. Ка-

мельные стволы сосен и светлые – берез дружно выбегали к самому краю дороги и смыкали кроны над головой, создавая темно-зеленую арку, уходящую вдаль. Езда по такой дороге таинственна и немного страшновата. Когда дорога неожиданно выбегала из леса, свет ударял по глазам, впереди открывался вид на пойму небольшой реки и деревню на берегу. Неожиданный переход из тьмы в свет у редкого водителя или пассажира не вызывал возглас восхищения. Марина любила эту дорогу, называла «темной аллеей» и считала очень романтичной.

Часа через два после выезда из города дорога привела ее в деревню, залевав машину в грязи по самую крышу. Еще спасибо, что автомобиль не застрял, потому что гравийка была почти уничтожена бесконечными дождями. Деревня, большая по нынешним временам, насчитывала больше ста дворов и имела две улицы. Одна, центральная, тянулась вдоль реки, другая шла параллельно и огородами выходила на лес. Также в деревне работали магазин и фельдшерский пункт. Только школа закрылась, и детям приходилось ходить в соседнее село, но в деревне жили в основном люди пожилые.

Дом располагался на второй улице – выходившей к лесу. Подъехав, Марина вышла из машины и попыталась открыть ворота, но массивная деревянная щеколда разбухла от влаги и не желала поддаваться. С трудом удалось обойтись без посторонней помощи, и она заехала во двор. Дом был срублен из огромных почерневших от времени бревен, выглядел немного обветшалым, но производил впечатление основательного. Здесь она не была давно, почти со времени развода, но дом любила в отличие от Юрия. Казалось, он стеснялся этого не-презентабельного строения, поэтому радостно презентовал его при разводе. Марина при разделе имущества на это самое имущество не претендовала, но отказываться от предложения посчитала глупым, и дом перешел в ее собственность.

Засунув руку под крыльцо, хозяйка не нашла ключа на обычном месте, вздохнула: «Все-таки придется идти к соседям». То, что встречи не избежать, она знала, но идти сразу с дороги не хотелось: поездка неожиданно утомила. Соседка была женщина боевая и разговорчивая, муж ее умер лет пять назад, а единственный сын редко наезжал к матери, мотаясь по гарнизонам, он был военным. Дома

особо разговаривать было не с кем, и, дорвавшись до собеседника, она заговаривала его «усмерть». С соседкой Юрий всегда договаривался о присмотре за домом, за что она имела право распоряжаться приусадебным участком по своему усмотрению.

Марина повернулась к калитке и увидела, что соседка уже несется на всех парах в их двор.

– Мариночка, радость моя, – запричитала она, – да как же так случилось-то, горе-то какое, вы ж такая красивая пара...

Они не виделась после развода, и сейчас пришлось выдержать порцию соболезнований о давно случившемся событии.

– Теть Зоя, – прервала Марина причтания соседки, – мне бы ключ. Не знаете, где он? А то я в дом попасть не могу.

– Так я ж тебе его инесу. Забрала себе, когда приборку после зимы делала, нечего ему зря валяться, – затараторила Зоя.

Марина открыла дверь и вошла внутрь. В доме было чисто, но витал запах запустения и какой-то настороженности, как будто дом всматривался в гостей и решал, кто это такие, чего им нужно и как к ним относиться.

– Здравствуй, дом, миленький мой, забросили мы тебя совсем. Ничего, мы теперь с тобой все лето вместе жить будем, – сказала она, голос гулко раздался и растворился в пространстве дома.

Он еще звучал, но сразу что-то изменилось вокруг, исчезло напряжение, повеяло теплом и радостью. Дом явно обрадовался ей, узнал, принял, даже старая мебель поскрипывала, будто разговаривала с хозяйкой, желая окружить уютом и заботой.

– Ну ладно, ты отдохай с дороги, вещи разберешь, приходи, обедать будем, – выдвинула ультиматум увязавшаяся следом соседка и, не слушая возражений, быстро покинула дом.

Марина понимала, что разговоров не избежать, но ей до чертиков не хотелось ворочить давно пережитое.

«Делать нечего, придется. Надо будет объяснить, что я приехала работать, и книгу подарить. Дня на три, глядишь, хватит. Может быть, меньше приставать будет», – размышляла она, обходя дом.

Он был не мал: просторная прихожая, большая кухня, гостиная на первом этаже и несколько спален на втором. Было еще несколь-

ко подсобных помещений вроде кладовок, даже баня, пристроенная к дому. Умывшись и переодевшись, она направилась в гости. С собой прихватила печенье и приличный кусок сыра. Ее встретили в нарядном платье, из чего Марина заключила, что гость она желанный и так просто отделаться от соседки не удастся.

– Чего зря тратилась, печенья мы сами стряпаем, получше городских будут. А за сыр – спасибо, в нашем магазине, если и завезут, то все дрянь, да и дорогущий. Твой, поди, вкусный, – частила Зоя, хлопча у стола. На середину она торжественно водрузила бутылку беленькой.

– Теть Зо-о-о-й, – протянула Марина, – я ж не пью.

– А кто пьет-то, кто пьет? Так, пригубим со свиданьицем по маленькой. Столько не виделись, грех не выпить. Юрий, поди, больше не покажется здесь, – неожиданно заключила соседка.

– Что ему тут делать? Он человек женатый, занятой, карьеру делает, ребенок родился, – отвечала она неохотно.

– Вот-вот, у молодухи не забалуешь, было бы у вас дите, не делся бы никуда, – вставила Зоя свои пять копеек.

Марина опустила голову. То, что у них не было детей, ее привычная боль. Странное дело, оба здоровы, детей хотели, но их не случилось. Себе она объясняла это тем, что, видно, не были они друг другу предназначены, раз Господь не дал им ребенка. Это и было сказано соседке, и она ловко перевела разговор на тему своего писательства. Когда подписала книгу и протянула ее Зое, произошло неожиданное. Соседка осторожно двумя пальцами взяла книгу, прочитала дарственную надпись и залилась слезами.

Марина опешила:

– Теть Зоя, ты чего?

– Неужто сама написала? Настоящая писательница, оказывается, – всхлипывала она.

– Сама. А чего рыдаешь-то?

– Так я в жизни ни одного живого писателя не видела, – проговорила Зоя, утирая слезы. – От радости плачу, всей деревне показывать буду, – хвастливо заключила она.

– Писательница не писательница, а новую книгу надо писать,

вот к вам в тишину приехала, надеюсь, мне тут мешать будет некому, – сказала Марина с намеком.

За разговором они пообедали и даже приговорили полбутилки. Пить она не любила, объясняя: «Свою бочку я уже выпила», что и говорить, молодость у них с Юркой была бурная. Но неожиданно для себя легко выпила пару рюмок, под такую закуску грех было не выпить. Соседка расстаралась: на столе чего только не было, особенно выделялись малосольные хрусткие огурчики, с мизинец величиной, называемые Зоей «пикулечками», и прошлогодние соленые грузди, белевшие круглыми шляпками, похожими на детские пяточки. После обеда соседка потащила ее на речку, а Марина, поняв, что день все равно пропал, больше не сопротивлялась. Потом ходили по соседям, Зоя везде показывала подписанную книгу, и к вечеру не было человека в деревне, который бы не знал, что соседка Зои – писательница и приехала в деревню писать книгу.

2

Уже в полной темноте Марина явилась домой, наскоро умывшись, упала в кровать и уснула, как будто провалилась в черную яму. Когда проснулась, было уже позднее утро даже по городским меркам. Она прикинула, что проспала часов одиннадцать, не меньше. Чувствовала себя так, будто только что родилась: хотелось бежать, копать, писать, короче, горы свернуть.

– Арбайтн, арбайтн, работать, работать, – весело пропела она вслух.

Умылась, натянула сарафан и выглянула в окно, сад встретил приветливым шелестом веток и пением птиц.

«Надо завтрак приготовить», – решила она и, достав пачку овсянки, привезенную с собой, отправилась в летнюю кухню, которая скрывалась за домом. Там было удобно варить еду и делать заготовки, поэтому в доме печка летом не топилась и было всегда прохладно. Летняя кухня состояла из одной комнаты, большую часть которой занимала печь, ее топили, когда делали заготовки или сушили грибы и ягоды. Для других надобностей использовали небольшую газовую плиту. Открывая дверь кухни, Марина почувствовала неприятный запах.

«Мышь сдохла, что ли?» – подумала она и замерла на пороге. Пачка овсянки выпала из рук, а сама она ухватилась за дверной косяк. На диванчике возле стола, прямо напротив двери, сидел человек. Его голова склонилась набок, и казалось, что он вот-вот упадет, серые глаза смотрели прямо на нее, а на лице застыла приветливая, немного удивленная улыбка. При этом, она поняла сразу, он был совершенно мертв.

«Ничего себе!» – пронеслось в голове у Марины.

Человеку было не больше тридцати. От живого его отличала неестественная бледность и небольшое бурое пятно на светлом свитере, в районе сердца. Не в силах повернуться спиной, Марина попятилась к выходу. Переступив порог летней кухни, побежала не разбирай дороги, пока не оставили силы. Тогда, запыхавшись, остановилась и, осмотревшись, поняла, что прибежала куда нужно. Она стояла возле магазина, напротив его располагался опорный пункт, единственный на несколько окрестных деревень. Толкнула дверь, которая, к счастью, оказалась незапертой, и вошла внутрь.

Участковый, едва взглянув на нее, поднялся и, надев фуражку, двинулся к двери.

– Что? Где? – коротко спросил он.

Запыхавшись, не в силах сказать ни слова, она только махнула рукой в сторону своего дома и вышла на улицу. Участковый быстрошел за ней, наконец, нарушил молчание:

– Уже скажи, что случилось-то? Немая ты, что ли?

Марина вздохнула и назвала адрес, объяснила, что является хозяйкой дома, вчера только приехала, а сегодня обнаружила убитого человека. Они быстро дошли до дома. Оглядев место происшествия, участковый начал звонить в район, чтобы выслали оперативно-следственную группу. Пока ожидали группу, участковый спросил ее и Зою по поводу ужасного происшествия. Зоя, увидев убитого, сразу его вспомнила. Дней десять назад в деревню на своем автомобиле приезжал парень и спрашивал про Юрия, бывшего мужа хозяйки. Парень назвался армейским другом и уточнял, как найти хозяев, бывают ли они в доме, а если нет, не знает ли соседка их городского адреса. Зоя нового адреса не знала и рассказала парню, что хозяин развелся

с женой, и где Юрий теперь живет, не знает. По ее словам, он сразу уехал, и больше она его не видела.

– Бедолага, молодой совсем, жить бы да жить, – заключила она.

Подъехала группа из района, и следствие покатилось по стандартным рельсам. Нашли понятых, начали осмотр места происшествия, а судмедэксперт занялся убитым. Осмотрев летнюю кухню, оперативники решили, что молодой человек незаметно проник сюда и тайно жил. Свет не зажигал – нашли огарки свечей, а в холодильнике было полно еды, так как в магазине его не видели, решили, что продукты он привозил из города. Прочесав окрестности, под кучей лапника нашли серый автомобиль, в котором тоже не оказалось никаких документов. Установить личность убитого с наскока не удалось. Группа всех опросила, все сфотографировала, запротоколировала, забрала убиенного и отбыла, предупредив, что в случае надобности понятых и свидетелей вызовут в район. А потрясенные жители еще долго шумели и обсуждали происшествие.

– Ну и лето выдалось, – покачала головой Зоя, – писательница в деревню приехала, мужика неизвестного грохнули. Лет пятьдесят вспоминать будут: «А помнишь, это было в то лето, когда...».

Марина молчала и понимала только одно: она не может ночевать в доме, где произошло убийство. Пусть не в самом доме, а рядом, но лицо пострадавшего стояло перед ней, и она не могла отделаться от этого видения. Когда она училась в институте, проходила практику в Следственном комитете и трупов повидала немало, но находить их на собственной кухне не доводилось. Практика отбила романтическое желание искать и ловить злодеев, и, вернувшись в институт, она решительно сменила специализацию. Печальное событие всколыхнуло неприятные воспоминания, а еще она все время думала, что лицо парня ей знакомо.

Встряхнув головой, Марина спросила у соседки:

– Теть Зой, можно я у тебя сегодня переночую?

– Да и спрашивать нечего, неужто я тебя отпущу в тот дом ночевать. Самой и то страшно, – призналась соседка.

– Только давай попросим кого-нибудь из мужиков этот страшный диван из кухни выбросить, – попросила Марина.

– Счас организуем, – воодушевилась возможностью что-то делать Зоя.

Действительно, через полчаса двое мужиков зашли в кухню и куда-то потащили диван.

– И что с ним делать будут?

– Помоют, проветрят и продадут в другую деревню, там, не зная, купят. На выпивку заработают, и ладно, – заключила Зоя.

Вечером они долго чаевничали, и даже разговорчивая соседка молчала. Говорить об обычных житейских делах не поворачивался язык, а говорить постоянно о происшествии уже не было сил. Выпив пару рюмок для снятия стресса и за помин души незнакомца, улеглись спать. Марина спала плохо, все время просыпалась и забывалась тревожным сном. Наступило утро, и, завершив нехитрые утренние процедуры, она поняла, что надо ехать в город. То, что местные следователи дело не раскроют, сомнений почти не было. «Готовый «висяк». Надо ехать к Пашке», – решила она.

Павел был однокурсником, учился вместе с ней и Юрием, и даже после института их связывали дружеские отношения. Работал в Следственном комитете, и то, что он попытается помочь, Марина не сомневалась. А ее зацепило это происшествие, не отпускали непонятная тревога и смутное чувство, что парень знаком, только откуда, понять не могла. По дороге домой она заехала в район, нашла следователя, который приезжал вчера, и сообщила о своем отбытии в город. Попросила фотографию убитого, мало ли, вдруг понадобится. Фото скинули на телефон, а по поводу убийства следователь сказал, что ничего нового пока нет. Доехав до города, Марина решила сначала позвонить бывшему мужу, все же раньше дом был его, а парень выдавал себя за его армейского друга, хотя Юра никогда в армии не служил.

«Может быть, Юрий его знает, и загадка исчезнет», – думала она.

Да и привыкла советоваться с Юрием обо всем важном. Хотя они расстались, но оставались близкими друзьями и он продолжал заботиться о ней, считая легкомысленной и не очень приспособленной к жизни. Юрий отозвался на звонок сразу, как будто только его и ждал.

– Ты почему не звонишь? В твоем доме людей убивают, а от тебя ни слуху ни духу! – накинулся на нее бывший.

– А самому позвонить не судьба? – огрызнулась Марина, удивленная таким напором. – Между прочим, твоего армейского дружка грохнули.

Юрий запнулся на полуслове.

– Моего?! – возмутился он. – Полицию понять можно, а ты чего ерунду несешь? Какой армейский друг? Я в армии не служил.

Разговаривая, они не слишком церемонились друг с другом, частенько пересыпая речь нелитературными словечками, так они общались с самого рождения.

– Слушай, не время сейчас цапаться, давай лучше встретимся, я все расскажу, – сказала примирительно Марина. – Возле твоего офиса в кафешке через час. Сможешь с работы сорваться? – спросила она. – И я еще хотела с Пашкой поговорить. Может быть, сразу ему позвонить, чтобы не рассказывать каждому по отдельности?

– Добро, – коротко отозвался Юрий.

Позвонив Павлу, Марина рассказала «убийственную» новость.

– Ничего себе, – протянул тот, выслушав ее.

Договорились встретиться в обеденный перерыв, сейчас Павел был занят. Перезвонив Юрию, она передала новую информацию о времени встречи и поехала домой.

Дома было тихо и спокойно.

«Неужели я уехала только вчера утром? – подумала Марина. – Кажется, это было в другой жизни».

Приняв душ, соорудила из пушистых светло-русых волос замысловатую прическу, нанесла соответствующий макияж. Не хотелось ударить в грязь лицом, особенно перед бывшим, да и Пашка всегда засматривался на нее. Он был не женат и лелеял мечту когда-нибудь стать для Марины больше, чем другом. Его институтская любовь не закончилась браком, у них с Людой родился сын, но она предпочла выйти замуж за солидного бизнесмена. Проживала Людмила теперь в городе Барселона. Сына Павел официально усыновил, и несостоявшаяся жена милостиво отпускала его к отцу на летние каникулы.

Марина осталась довольна внешним видом и поехала в кафе. Мужчины только что встретились, переговаривались радостно-возбужденно, что понятно, виделись они теперь нечасто. Когда она вошла, оба замерли, а потом встали ей навстречу, рассыпая комплименты.

«Да, Марина Алексеевна, повезло тебе с друзьями. Слева – бывший, справа – будущий, если захочешь. И красивые, и спортивные, и «прикид» что надо. Вон как барышни завистливо поглядывают», – подумала она.

Радостное оживление немного прошло, и, сделав заказ, Юрий рассказал, что к нему приезжал следователь, спрашивал про незнакомца. Он, естественно, ответил, что понятия не имеет, кто этот человек и откуда его знает. К счастью, во время гибели парня Юрий находился в заграничной командировке и только что вернулся.

– У меня алиби, – закончил он рассказ и вопросительно посмотрел на бывшую жену, ожидая продолжения. Она в свою очередь вкратце рассказала о происшествии на даче:

– Я не стала бы беспокоиться и вас обоих тревожить, пусть районы разбираются, но лицо пострадавшего показалось знакомым. Сейчас, глядя на тебя, убедилась: он же вылитый ты. Юра, у тебя случайно родственника нет, о котором я не знаю?

– Если только я сам о нем не знаю. Отец мог завести ненароком незаконного отпрыска. Еще у отца был младший брат, но он погиб, когда служил. Жениться не успел, и детей у него не было, – ответил Юрий.

Павел внимательно рассматривал фотографию.

– У Маринки глаз – алмаз, он правда на тебя похож, – заключил следователь.

– И еще несколько странностей, – продолжала Марина. – Зачем он обращался к соседке – засвечивался? Если он прятался, логичнее было жить в доме тайно, никто бы не знал.

– Это понятно, – сказал Павел. – Видимо, парень был неглуп. Если его искали бандиты и вдруг напали на след, они расспросили бы соседку. А та рассказала бы про приезжавшего незнакомца и что он тут же уехал. Получается, он сделал петлю и вернулся на прежнее место, как заяц, а преследователи отправились искать его дальше.

– С чего ты взял, что охотились за ним? Может быть, это он нарушитель закона и прятался, чтобы не нашли, – возразила Марина.

– Его убили. Возможно, он не преступник, а его хитрость не сработала, – сказал Юрий.

– Его не бандиты нашли. Когда я увидела его у нас на кухне, он сидел с приветливым лицом и даже слегка улыбался. Вряд ли бы улыбался бандитам, а они не стали бы палить с порога. Раз они за ним охотились, значит, был нужен живым. Может быть, он что-то украл, или был должен, или сведения им нужные имел. Сначала бы допросили, а потом порешили. Но тот, кто убил, по его мнению, не представлял для него угрозы. Вот только как убиенного выследили? Скорее всего, если сам сообщил, где искать, – развивала мысль Павла Марина.

– Исчерпывающе, мисс Марпл! – Юрий шутливо похлопал в ладоши. – Вполне возможно, это была женщина.

– Ребята, у меня обеденный перерыв заканчивается, – спохватился Павел, – у тебя тоже, друг любезный. Не все у нас свободные художники. – Он подмигнул Марине. – Фото я прогоню по всем социальным сетям, – продолжал Павел. – Не такое нынче время, чтобы человек где-нибудь не засветился. И машину пробью. Юр, ты с отцом поговори. Дело непростое. Если есть что скрывать, убийство должно ему язык развязать. А ты, мисс Марпл, давай набросай нам планчик оперативно-разыскных мероприятий. Завтра часов в семь встречаемся у Маринки, – раздал задания Павел.

– Издеваешься? С чего ты Марплой обзываешься? Эти мисс в телевизоре убийц ловят, а я ничего расследовать не собираюсь. Сами свои планы набрасывайте. Я вам информацию к размышлению подкинула, дерзайте, – отреагировала она на повторное обращение.

– Не лезь в бутылку, я же шутя-любя, – примирительным тоном сказал Павел. – Какие мы щепетильные!

Возвратившись домой, Марина загрустила. Было жалко, что не может поехать на дачу, придется торчать в душном городе. Она вспоминала речку, лес, прохладный бревенчатый дом, старую яблоню, под которой ставила любимое уютное кресло. Но делать нечего, вздохнув, она открыла ноутбук и начала писать. Увлекшись работой

и набросав несколько страниц, довольная собой, под утро заснула прямо за компьютером.

3

Проснулась ближе к обеду. Увидев пропущенный звонок от Юрия, прочла эсэмэс, что у него есть новости, часам к семи подъедет. Чтобы внести лепту в расследование, Марина позвонила следователю. Тот неохотно сообщил, что оружие, из которого убили потерпевшего, засветилось в давней разборке в Иркутской области, но установить личность убитого пока не удалось. Потом, спохватившись, что наговорил лишнего, строго наказал, чтобы больше не звонила, не мешала ходу следствия, а если будет нужна, ее вызовут.

Вечером вся команда собралась у нее в гостиной, и, поужинав, друзья принялись обсуждать имеющиеся сведения и новые факты. Юрий поговорил с отцом, тот был категоричен: никаких сыновей на стороне у него нет. Но вспомнил, что брат Максим, служивший в Иркутске, познакомился с девушкой, и они несколько месяцев перед его гибелью встречались. Максим теоретически мог иметь ребенка. Отец принялся искать письма брата, уверяя, что пропасть они не могли, его мать очень ими дорожила и перед смертью передала ему. После долгих поисков письма нашли на антресолях. Их было немногого, и, перечитывая письма вместе с отцом, Юрий наткнулся на имя и фамилию девушки. Брат собирался жениться, сообщал, что они с невестой очень любят друг друга, поэтому вернутся из армии вместе.

Рассказав эту историю, Юрий задумчиво протянул:

– Мало ли, кто на кого похож, но генетическую экспертизу придется провести. Чем черт не шутит, может быть, это правда мой брат двоюродный.

Вопрос, как это подтвердить. Законных вариантов добить генетический материал убитого, который находился в районном морге, не было. Марина припомнила, что районная бригада забрала с собой только вещи убитого, но человек жил на даче не меньше недели, умывался, пил, ел, наверняка что-то пригодное для анализа могло остаться.

– Да и вещи свои мне надо привезти, я на лето туда собираюсь, роман писать, так что завтра поеду, вещи привезу, а заодно поищу

материал, – заключила Марина. – А ты сдавай материал сейчас. – Она протянула Юрию палочку с ваткой на конце. Запечатав палочку в прозрачный пакетик, отдала Павлу.

– Возьми, если не найду, придется морг штурмом брать.

– Зачем штурм? За бутылку из морга можно вынести черта, а за сотню баксов труп вместе с санитарами, – отмахнулся Павел.

Далее он сообщил, что ни в одной из существующих сетей найти следы погибшего не удалось, и это странно.

– Настороживает, – отметил Павел, – нынче обычный человек не может существовать без сетей. Если тебя нет в сетях, тебя просто нет. С машиной тоже непонятно, в базе ГИБДД не числится, в угоне нет.

Марина в свою очередь рассказала про оружие и только подтвердила, что корни истории – в Иркутской области. Разошлись поздно, следующая встреча заранее не планировалась. Юрию вообще стоило больших трудов вырваться из семейных уз. Вратить жене он не стал, объяснив, что у него встреча с однокурсниками.

– Ты смотри, своей волчице ничего не рассказывай. Кто знает, что она выкинет, – предупредила бывшего Марина.

Междусобой друзья так называли жену Юрия. Он страшно обижался на это прозвище, но не мог не признавать, что хватка у его жены железная, и в чем-то прозвище оправданно.

– Не удивлюсь, если возможные родственные связи нам просто померещились. А вроде и так нескучно живем! – воскликнул Павел, прощаясь. – Ну, на связи.

Марина в душе понимала, что историю затеяла она, оторвала друзей от важных дел и просто от жизни и, желая загладить придурманную самой вину, сказала:

– Зато повод нашелся встретиться, а то живем в одном городе...

На том и простились. Когда за друзьями закрылась дверь, хозяйка обессиленно опустилась в кресло.

Юрий гнал машину, напряженно думая, что сказать жене. Вратить ее бессмысленно, она чувствовала малейший обман и сразу просекла бы, что он что-то скрывает. Но и рассказать, зачем встречался с друзьями, было нельзя, раз обещал не говорить. Неожиданно всплыло

неприятное воспоминание о давнем разговоре с Павлом. Разговор случился сразу после ухода от Марины. Новая жизнь Юрия и новая любовь, в которую он бросился так стремительно, тревожили друга. Тогда впервые прозвучало слово «волчица». Алина была дочерью крупного акционера компании, в которую Юра перешел работать, фактически хозяина фирмы, имевшего контрольный пакет. Сама тоже занимала в фирме солидную должность.

– Ты не понимаешь, – говорил Павел, – это волчья стая, ты не сможешь в ней прижиться, ты другой крови. Слышалось, что волчица уводит за собой в лес крупного пса, но он в стае всегда остается чужаком, и порвут его при первой возможности новые сородичи. Для тебя главное – жить по закону. Что ты будешь делать в мире, где закон не писан?

Юрий тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания. Друг даже не представлял, насколько был прав тогда. Впрочем, в фирме Юрий занимался только законными сделками, а их было большинство. Алина как умная женщина оберегала его от фирмы, а фирму от него.

Приехав домой, наткнулся на неласковый взгляд жены, она не любила, чтобы он проводил время вне дома. Сам тоже находил много приятного в домашних вечерах и не особенно стремился покидать семью. Он очень любил свою красавицу. Глядя на ее тонкий четкий профиль, огромные черные глаза, Юрий пожалел о нескольких часах, которые провел вдали от нее и сына.

– Егорша спит уже? – спросил жену.

– А ты как думаешь, ребенок в десять часов вечера что должен делать? – вопросом на вопрос отвечала Алина.

– Не начинай. Я и так редко отлучаюсь из дома, в кои-то веки встретился с друзьями, – примирительно сказал Юрий.

– Кто были твои друзья, ради которых семью бросил? О чем важном говорили? – прокурорским тоном поинтересовалась Алина.

– Павел просил о встрече, давно не виделись, он в отпуск собирается. Еще Маринка была...

Дальше Юрий мог не продолжать, Алина вскипела как молоко на плите:

– Так ты с бывшей встречался? Еще Павла припел.

И началось... Юрий удовлетворенно хмыкнул, теперь можно было не беспокоиться, что Алину заинтересует содержание разговора. Факт встречи с бывшей женой всегда выводил ее из себя.

Выслушав кучу упреков, Юрий выкинул примирительный флаг.

– Мне показалось, Павел просто искал предлога встретиться с Мариной, а я ему был нужен для поддержки. Я тебе не раз говорил, что Пашка к ней неровно дышит еще с института, – промурлыкал Юрий, обнимая жену за тонкую талию.

Допрос и разнос на этом прекратились, дальнейшее примирение произошло уже в спальне.

На следующий день Марина помчалась в деревню. В доме все было так, как она оставила. Собрав силы, Марина прошла в летнюю кухню. Дивана не было, запах выветрился. Зоя позаботилась, оставив дверь открытой, но трагедия осталась, она витала в воздухе, делая воздух в домике более плотным, и казалось, дышать здесь труднее.

«Интересно, пройдет это когда-нибудь? Может быть, вообще кухню разобрать?» – подумалось ей.

Ничего любопытного на глаза не попадалось. Открыв дверь одного из подвесных шкафчиков, Марина не поверила глазам: в кружке стояли зубная паста и щетка. Она поразилась такой удаче и, радостно запаковав щетку в пакет, выскочила из домика. Тут как тут нарисовалась Зоя. «Господи, никуда от нее не денешься!» – простонала про себя Марина, тем не менее радостно улыбнулась соседке.

– Теть Зоя, я за вещами приехала, после происшествия расхотелось на даче жить. Вчера рванула отсюда, про все забыла, – сообщила она.

– Ну да, ну да, – закивала Зоя, – мне было бы куда уехать, так съехала бы. Жутковато тут стало, особенно ночью.

– Ты к сыну съезди. Он у тебя давненько не был, повидаетесь, – посоветовала Марина.

– И на кого я два огорода кину? – возмутилась Зоя. – Нет уж, обыкнусь.

Сложив вещи, которые даже не успела разобрать, в машину, она вернулась в город. Позвонив Павлу, сообщила, что разгром моргу не

угрожает, материал она добыла. Они пересеклись в городе, и, передав Павлу зубную щетку, она вздохнула облегченно. Можно отвлечься от этой истории, пока будут делать анализ.

Все дни напряженно работала над книгой. Она нашла неплохое решение: история с разводом велась и от лица бывшего мужа, и от лица бывшей жены. Прием, не раз использованный в литературе, показался забавным, давал пропасть сюжетных ходов и массу комических ситуаций. Ей казалось, что она неплохо разбирается в мужской психологии и вполне может писать от лица мужчины. На исходе третьего дня закончились силы и вдохновение. Написано было уже страниц сорок, перечитав, Марина решила, что сама бы такую книжку с удовольствием почитала. Удовлетворенная работой, решила, что может позволить небольшой отдых и, приведя себя в порядок, отправилась на вечернюю прогулку. В тот момент, когда она сидела на террасе кафе, наслаждаясь вечерней прохладой и любимым пирожным, позвонил Павел.

– Все подтвердились: погибший парень оказался Юркиным двоюродным братом. Ты сейчас где? – спросил он.

– Сижу в кафе. Пирожное ем.

– Дождись, сейчас подскочу.

Марина пожала плечами, она никуда не торопилась. Известие не порадовало и не огорчило, в глубине души она это знала без всяких экспертиз. Минут через двадцать подъехал Павел. Они единодушно решили пока ничего не говорить Юрию.

– Вчера сын приехал из Испании. Здоровый лоб, а ведет себя безобразно: капризничает, как барышня. Я в отпуск ухожу со следующей недели, а в Иркутске работает бывший сослуживец, – продолжал Павел. – Почему не совместить приятное с полезным: поехать в Иркутск в отпуск, заодно заняться нашим делом. Личность новоявленного брата надо установить, родственников найти. С другом я связался, он с радостью нас примет, заодно устрою Денису своему настоящую мужскую жизнь. На Байкал съездим, от Иркутска километров семьдесят всего. Как смотришь? – закончил вопросом пространную тираду Павел.

– Замечательная идея! Отсюда все равно ничего узнать невозможно, надо на месте искать, разбираться. Ты молоток, здорово придумал! – похвалила Марина.

– Я про тебя тоже договорился, слово за тобой. Не беспокойся, – предварил он вопрос Марины, – я объяснил, что ты моя подруга, сокурсница и жена лучшего друга.

– Ну ты даешь! – удивилась она. – А Денис?

– А что Денис? Он тебя помнит с детства, найдете общий язык.

– Но у меня работа, хоть на полставки, я не совсем свободный художник, как ты меня дразнишь, – растерянно протянула она.

– Решай свои рабочие дела. Не думаю, что твой шеф так в тебе нуждается, обойдется пару недель.

Домой Марина вернулась в растрепанных чувствах: встревожила придуманная Павлом поездка. Нет, ей, конечно, хотелось поучаствовать в этом деле, и на Байкале давно мечтала побывать. Ее беспокоили отношения с Павлом, которые давно были непроясненными, и почему-то не хотелось эти отношения прояснить. Она почти не спала ночь, но под утро решила наплевать на условности и поехать. Ранним утром Марина созвонилась с шефом и слезно умоляла отпустить в отпуск.

– С ума ты спятила! – выслушав бессвязную чепуху, которую она несла, возмутился шеф. – Ты в своей деревне грибами укурилась, что ли? Лето, у меня и так все в отпусках.

– Уволюсь, – привела последний аргумент Марина. – Ну, Иван Тимофеевич, миленький, очень надо! Я зря разве прошу когда?

Шеф вздохнул.

– Приезжай пиши заявление. Веревки из меня вьешь, несносная девчонка! – И бросил трубку.

Теплое, почти отеческое отношение шефа было выстрадано Мариной многолетней совместной работой. Она пришла в юридический отдел мэрии выпускницей по рекомендации декана факультета. За долгие годы шеф много вложил в нее и ценил свой труд. А год назад, когда собралась уходить на вольные писательские хлеба, удержал на работе. Иван Тимофеевич предложил перейти на полставки и работать из дома. Подумав, она согласилась. Марина умела рабочий проект привести в соответствие с нормативными документами и в то же время сохранить особенности, на которых настаивали разработчики. Выполняла она это быстро и блестяще. Решив вопрос с отпуском, начала собираться в путешествие.

4

Павел хмуро смотрел в окно машины – Иркутск ему не нравился. С момента приземления их маленькой компании и встречи с Константином ему не нравилось все. В первую очередь он не ожидал увидеть вместо простого компанейского парня, каким помнил прежнего Костика, холеного, модно и дорого одетого господина. Костик же неподдельно радовался встрече и, оборачиваясь с переднего места рядом с шофером, возбужденно задавал вопросы о прежних знакомых, рассказывал про свою жизнь, при этом успевал махать в окно, обращая их внимание на иркутские достопримечательности. Вялую реакцию Павла он принял за усталость от перелета и угомонился.

– Заболтал я вас совсем, ну уж очень рад тебя видеть! Так часто наших ребят вспоминаю, какие мы были зеленые, веселые, все «ноу проблемс»...

– Ага, «погони, засады, перестрелки». Это он любит рассказывать, – втярля в монолог Костика Марина.

– Да, – вздохнул Костик, – крутые были денечки. Теперь все иначе: кабинет, компьютер, бумаги...

Машина въехала в фешенебельный двор с охраной, и они последовали за Константином в не менее фешенебельное многоэтажное строение.

– Я вас разместил у наших друзей, они сейчас отдыхают в Марбеллье и вернутся не раньше сентября. Ключи доверили, чтобы мы цветы поливали и за котом ухаживали. С хозяевами вопрос согласован, не переживайте, – объяснял Костик, открывая дверь квартиры. – Разберетесь сами, устраивайтесь, отдыхайте, а в семь часов – к нам на ужин, покорнейше просим. – Костик шутовски раскланялся и пошаркал ножкой.

Гости и Константин вошли в гостиную и застыли на пороге. Посреди гостиной, растянувшись во весь ковер, лежал огромный дымчатый кот. Марина ахнула и рухнула на колени рядом с котом. Она обхватила его огромную голову руками и уткнулась лбом в лоб кота.

– Какая же ты красотища! – замурлыкала она. – Как же нас, таких красивых, зовут?

Величественный котяра только крутил огромной головой, потрясенный непривычным обхождением. Он таращил глаза на вошедших, как бы спрашивая: «Эт-то что такое? Как она смеет?»

Наконец, утомленный такой дерзостью, он высвободил голову из рук Марини и, брезгливо тряхнув задней лапой, удалился.

Костик, застывший от удивления, отмер.

– Ну ты даешь! – прошептал он. – Да этого кота сами хозяева боятся. И как только он тебя живьем не съел? Я, пожалуй, пойду. Надеюсь, подружитесь. Располагайтесь. – И ретировался.

Когда за Костиком закрылась дверь, Павел, оглядев хоромы метров на сто пятьдесят, загрустил еще больше.

– Да ладно, не парься. Нам просто повезло: жилье зачетное, Константин тебе рад. Чего еще желать? – попыталась его встряхнуть Марина.

– Можно подумать, ты не понимаешь, откуда взялось такое благосостояние у служителя Фемиды, – буркнул Павел.

– А не надо завидовать, – пропела Марина, кружась по роскошно обставленной гостиной. – Мне здесь нравится, и Костик хороший.

– Ох уж эти женщины – непостоянные создания! То они про волчьи стаи рассуждают, а то покупаются на раз за минимальный комфорт, – укоризненно протянул Павел.

– Какие стаи? – удивилась Марина.

– Ладно, потом поговорим, напомню. А сейчас выбирайте комнаты, приводите себя в порядок – и в гости.

– Слышишь меня? – крикнул Павел сыну, выдернув наушник из его уха. – Ты в реал хоть иногда выныривай. А то смысла нет, что приехал, все равно отсутствуешь. Будешь торчать в наушниках, на Байкал не возьму, – и повторил то, что уже сказал Марине, с комментарием: – Я тебе не суплер по нескольку раз одно и то же повторять.

– Нужен мне ваш Байкал, и в гости я не пойду, – огрызнулся сын.

– Не ходи, – пожал плечами Павел, – только учти, что ужин нынче не предусмотрен, кормят только в гостях.

После недолгих разговоров все разошлись по облюбованным комнатам и занялись своими делами. Марина разбирала сумку и ругала себя за то, что не подумала прихватить хоть парочку брендовых

вещиц, в которых не стыдно показаться на людях. Кто знал, что они попадут в такие условия. Она на Байкал собиралась, а не на тусовку к богатеньким Буратинам.

«И где была твоя голова, Марина Алексеевна, когда собирались? Вроде эта блузка вполне приличная. И хорошо, хоть джинсы фирменные. Будем играть роль королевы на отдыхе, – хмыкнула она про себя, – королева Елизавета ходит в платочек и ботах, своими глазами видела по телевизору, а я чем хуже».

Жена Константина неожиданно оказалась приветливой женщиной с усталым миловидным лицом. Вела себя просто, не кичилась богатством и легко поддерживала беседу на любую тему. Павлу она явно понравилась, его лицо утратило хмурое выражение, постепенно он стал разговорчивым и обаятельным, так что ужин прошел в «простой дружеской обстановке». Даже Денис был нейтрализован компанией племянника Светланы, так звали жену Костика. Подростки, наскоро перекусив, отправились в другую комнату и больше не мешали взрослым общаться. Расходились поздно, все были довольны проведенным временем и друг другом.

Дениса поручили заботам Димона, племянника Светланы, и на следующий день Марина с Павлом смогли приступить к выполнению плана розыска Юркиного брата. Накануне отъезда они встретились с Юрием и получили письма Максима, погибшего младшего брата отца. Письма были единственной ниточкой, ведущей к убитому. В них они нашли номер части, а в одном письме упоминалось имя любимой девушки: Валентина Коваленко. Но прошло тридцать лет, она могла выйти замуж, поменять фамилию, да мало ли что в жизни за тридцать лет может случиться. Решили пока Константина не привлекать к расследованию и самостоятельно съездить в воинскую часть.

Часов в десять утра друзья отправились в путь. Народу в автобусе почти не было, и они уютно устроились на заднем сидении. Утомившись молчанием, Павел начал подначивать спутницу:

– Короткая у тебя память, Маринка. Неужели забыла, как нам впаривала свои идеи насчет устройства государства? «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь». Типа правящие элиты – это пастухи: умные стригут свои народы, дурные – режут.

Собаки стада охраняют – это армия, правоохранители, а волки – это бандиты, воры, все, кто вредит государству. Нас с Юрием назвала охранниками, волкодавами.

– Нашел чего вспомнить, – в полудреме проворчала Марина. – Это я не про государство вам говорила, а про Пушкина. Юрий всегда высмеивал мою любовь к нему: «Маринка со своим Пушкиным вечно носится, банальное мышление». И я начала его цитировать, ведь про все у Пушкина написано, про любовь, жизнь, свободу, про все-все. Я всегда у него получаю ответы, даже если у меня вопросов нет.

– Любовь твоя к Пушкину известна, но мне понравилось про волков и волкодавов, очень приятно осознавать себя волкодавом. Жалко только, что Юрка наш теперь с волками живет из-за любви к волчице.

– Это точно: волкодав ты и есть, – подтвердила Марина. – А нынешнее окружение Юры – настоящая волчья стая. Ладно, закругляйся и за остановками следи, а то проедем.

– Так вот же остановка наша, шевелись! – воскликнул Павел, схватил ее за руку, и они быстро выскочили из автобуса.

В воинской части Марина и Павел никак не могли добиться встречи у начальника и от скуки разговорились с дежурным. Павел спросил, не осталось ли в части людей, которые служили здесь лет тридцать назад, поскольку они ищут родственника.

– Никого не осталось, у нас столько не живут, – хмыкнул дежурный. – Хотя, погодите, недавно на пенсию Клавдию, – с ударением на «и» произнес дежурный, – со столовки проводили, может быть, она и работала лет тридцать назад, не знаю.

– А как бы нам эту Клавдию разыскать? – спросила Марина.

– И что, не будете больше к начальнику рваться? – вопросом на вопрос ответил дежурный.

– Не бу-у-дем, – протянула Марина, – только адресок нам организуй.

Дежурный позвонил кадровикам и выпросил адрес поварихи, сказав, что Клавдию ищут родственники. Решили вызвать такси, чтобы не морочить голову поисками адресата. И оказались правы, даже на такси пришлось ехать почти сорок минут.

– Трудновато Клавдии приходилось на работу добираться, – посетовала Марина, – наверное, потому и уволилась.

Такси остановилось возле типового четырехэтажного здания, и через несколько минут они уже стояли на пороге квартиры под вопросительным взглядом пожилой, но еще крепкой женщины. После невразумительных объяснений Клавдия вздохнула и, отступив на пару шагов вглубь квартиры, пригласила зайти.

– Говорите толком, зачем я вам понадобилась, – сказала женщина, усадив непрошеных гостей вокруг стола. – Сейчас чай принесу, почавничаем, поговорим.

– Мы не уверены, что вы сможете нам помочь. Мы разыскиваем людей, которые знают Максима Волтина. Оказались на отдыхе в Иркутске, и наш друг попросил выяснить обстоятельства его гибели, а главное, разыскать Валентину Коваленко, его девушку, – объяснил хозяйке Павел.

– Максимка! Как мне его не помнить? – вздохнула Клавдия. – Вам повезло, что вы обратились ко мне. Хороший мальчик был. Я тогда только устроилась в столовую, а он за самоволки наряды получал частенько, вот и прижился у нас на кухне. И Валечку я его знала, такая чудесная девочка была, он к ней в самоволки бегал. – Клавдия смахнула слезу. – За самоволки эти Максим и пострадал. Собрался в очередную самоволку, а возле забора его старшина поймал. Старшина, здоровенный парень, врезал ему от души. Скользко было, Максим на ногах не удержался – и прямо виском о бетонный стол... На месте умер. Что делать? Получается, несчастный случай, не собирался старшина парня убивать. Замяли дело.

Клавдия замолчала, Марина с Павлом тоже молчали.

– Не успели они с Валечкой пожениться, а она уже беременная была, – продолжала Клавдия. – Как по нему эта девочка убивалась, но что поделаешь. Такая им судьба выпала. Жила я тогда недалеко от части, а Валя в соседках у меня была, так что и про дальнейшую ее судьбу знаю. Вырастила она Максимова сына, замуж не вышла, всю жизнь сыночку посвятила. Парень славный получился. Семья у него имеется: жена, сынок, а Валентина померла пару лет назад. Ну что вам еще рассказать?

– Спасибо вам, мы не ожидали, что сможем так быстро на след Максима выйти, – поблагодарил Павел. – А как нам найти его сына?

– Не подскажу, он от матери отдельно жил, я его адреса не знала. Не видела его давно, со смерти Валечки, – с сожалением отозвалась Клавдия.

– Ну что ж, будем искать, вы нам только скажите его фамилию, имя, – попросила Марина.

– Фамилию ему Валентина Максимову дала, и имя, и отчество, так что зовется он Волгин Максим Максимович. Поздновато только родственники спохватились его искать, – в голосе Клавдии послышался явный упрек.

– Так получилось. Племянник Максима случайно нашел его письма, решил прояснить старую семейную историю, а мы в Иркутск собрались, вот и совпало все, – произнесла виноватым голосом Марина.

Попрощавшись с хозяйкой, Марина с Павлом вышли на улицу.

– Что до меня, на сегодня мне хватит, – сказала Марина. – Предлагаю пообедать и по городу побродить. Мне показалось, что город реально красивый.

– Согласен, – отозвался Павел. После разговора с Клавдией он тоже выглядел подавленным.

Обедали в симпатичном кафе на Нижней набережной. День был солнечным, даже жарким, но на веранде кафе хозяйничал свежий ветер с Ангары, и было прохладно. Широкое полотно реки цветом напоминало закаленный стальной клинок, когда изгибается в надежных руках мастера, и по нему пробегают синие сполохи. Солнце усиливало необычный эффект, добавляя к синим сполохам россыпи искр, как будто в клинок были вмонтированы драгоценные камни.

– Сама себе не верю, что сижу на берегу Ангары. Я про нее в детстве легенды читала: «Была у богатого отца сурового Байкала большая семья, триста сыновей и дочерей, а самая любимая – своюенравная красавица Ангара. И полюбила она веселого могучего богатыря Енисея, но вредный отец был против их брака, тогда влюбленная решила бежать. Само собой, отец подался за ней в погоню, видя, что не сможет догнать, схватил скалу и бросил вдогонку, но ее и камень не удержал». А дальше не помню, короче, все умерли, как

и положено в легендах. В книжке еще было про Бий-Хем и Каа-Хем, так местные народы Большой и Малый Енисей называли. Надо же, забыла. У каждого народа, у каждой местности есть похожие легенды, в детстве мне эти легенды очень нравились, – говорила Марина.

Павел слушал с удовольствием, открывавшийся перед ними речной простор и красивые виды располагали к романтическим беседам.

– Замечательная легенда, очень романтично, – Павел взял руку Марины и поднес к губам, но она осторожно выкрутила свою руку из его рук.

– Паша, это лишнее, мы договорились: я здесь – твоя подруга, – укоризненно произнесла она.

– Можно подумать, в других местах ты мне не подруга. Не притворяйся, ты прекрасно понимаешь: роль твоего друга изрядно меня утомила, – с огорчением вымолвил Павел.

– Пока я не готова наши роли менять, мы договорились. Будешь настаивать, брошу все и уеду, – попыталась с грозной интонацией сказать Марина, но голос получился тоненьkim и смешным.

От этого ее охватила ярость на саму себя, она вскочила со стула и с искаженным гневом лицом понеслась к выходу из кафе. Обескураженный Павел был вынужден остаться – надо было расплатиться. Он потерял несколько минут, пока искал официанта, когда вышел из кафе, Марины нигде не было.

«До чего вредная баба, куда только подевалась. Черт меня дернул с романтикой к ней соваться. Ладно, пусть побегает – успокоится, актриса погорелого театра, – сердито думал Павел, – погуляли называется».

Вокруг действительно было красиво. Неподалеку располагалась необыкновенно яркая церковь, с синими куполами и красными стенами, виднелся шпиль католического собора.

«О, как у них дружно: и православные, и католики в одном месте. Но гулять одному скучно», – думал расстроенный Павел.

Чтобы убить время, набрал номер сына, тот оказался недоступен. Разволновавшись, позвонил Константину, который сразу откликнулся:

– Не переживай, он с Димоном и его друзьями. Может быть, зарядка закончилась.

Павел немного успокоился и спросил:

– Хорошо. Ты не смог бы нам помочь с адресом Волгина Максима Максимовича. Мой друг попросил его найти, но адреса не знает сам.

– Не вопрос, – отозвался Костик, – через часок перезвони. Напоминаю: вы у нас ужинаете, мы вчера договорились.

– Костя, неудобно, тебе с нами столько хлопот, – промямлил Павел.

– Не придумывай, если бы я к тебе на неделю завернул погостить, ты что, со мной не возился бы? Не верю. Ты даже не представляешь, как я рад твоему приезду, это как глоток свежего воздуха, какозвращение в молодость, – разразился тирадой Костик.

– Хорошо-хорошо, согласен, мы будем сегодня у вас на ужине.

5

К вечеру Марина вернулась на квартиру. Ей было неловко за свою несдержанность. Они оба сделали вид, что ничего не случилось – недосказанность давно стала основой их отношений. Павел коротко сказал, что их ждут на ужине у Костика, и Марина решила не спорить, хотя очень не хотелось быть сейчас среди чужих людей. К семи появился усталый и довольный Денис. На вопросы отца, где болтался и что делал, удостоил ответом, что был с ребятами. Про телефон ответил, что тот разрядился и он про него забыл. Этим ответом сын, обычно не выпускающий гаджетов из рук, так удивил Павла, что он оставил парня в покое.

На ужине Марину ждал неприятный сюрприз: хозяевами были приглашены две пары. Она сразу почувствовала себя неуютно и раздосадовалась. Сегодня совершенно не хотелось общаться. Тем более что пришедшие раньше гости затеяли разговор о феминизме. Одна из приглашенных дам, бизнес-вумен, разглагольствовала, как здорово с этим вопросом на Западе и как бедных женщин угнетают в России. Она не слушала эту белиберду и вяло ковыряла вилкой в тарелке. Но отмолчаться не позволили.

– А вы что думаете по этому вопросу? Светлана говорит, вы писатель, инженер человеческих душ, так сказать, – обратилась к Марине бизнес-вумен.

Она поморщилась, неохотно ответила:

– Какой я писатель, одна книга не делает человека писателем.

– Не скромничайте, не скромничайте, – не отставала дамочка.

– По данному вопросу я ничего не думаю, он меня не интересует.

Я равноправие понимаю как равноправие человека перед законом независимо от пола. Такое равноправие в России есть. Кстати, предоставление преимуществ одному из полов считаю мракобесием, то, что сейчас творится на Западе.

После тирады Марины все замолчали и уставились на нее, как будто она сказала что-то неприличное, повисло тяжелое молчание.

Положение спасла хозяйка, она неожиданно захлопала в ладони и, улыбаясь, сказала:

– Вот это я понимаю – профессионал. Двумя предложениями все поставила на свои места.

За Светланой облегченно захлопали мужчины, а дама буркнула про себя, что это профессиональная деформация. Ох, зря она это. И тут Остапа понесло.

– А как быть с биологической деформацией? – наехала Марина на даму. – Природа миллионы лет трудилась, каждому полу свою задачу определяла, чтобы была природная гармония. А сейчас полный хаос: женщины наращивают мускулы, мужчины озабочены внешностью. Про прочее просто неприлично говорить в обществе. И к чему это приведет? Вымрем, вот весь ваш феминизм сам собой закончится, – заключила она.

Присутствующие за столом выслушали Марину в полной тишине и сделали вид, что ничего не произошло. Все продолжили болтать, переключившись на другие темы. За столом воцарился мир, но трогать ее никто больше не решился, а она не выражала желания вступать в разговор.

Когда вернулись к себе, Павел молча покрутил пальцем у виска, а она показала язык, на том и разошлись по своим комнатам. Зато Денис за спиной у отца показал большой палец, они с Димоном немало позабавились этой сценой.

Марина уснула сразу, сны ей не снились, но среди ночи она неожиданно почувствовала рядом с собой тепло и тяжесть чужого тела.

– Ты, Пашка, совсем охренел, что ли?! – возмутилась и протянула руку, чтобы столкнуть непрошеного гостя на пол, но неожиданно наткнулась на что-то мягкое и пушистое. «Елки, это кот», – поняла она.

Котяра расположил филейную часть и пушистый хвост на соседней подушке, засунув голову под одеяло. Марина облегченно вздохнула, обхватила толстую ляжку кота и, пробормотав: «Ах ты, противный Бегемот», снова крепко заснула. Когда утром открыла глаза, кота рядом не было.

В планах Марины и Павла на этот день было посещение жены Юркиного брата. Адрес им вчера дал Костик. Они были уверены, что женщина – на работе, но нашли дом, позвонили в дверь и от бдительной соседки получили подтверждение, что хозяйки нет и вернется не раньше семи часов вечера. Тогда они отправились искать отделение полиции. Оказавшись около отделения, поинтересовались доской с объявлениями. На стенде, где находились фотографии с потерявшимися людьми, они обнаружили фото Максима.

– Его здесь разыскивают, – сказал Павел. – Что ж, поможем коллегам.

Их направили к следователю, которому был поручен розыск пропавшего. Павел сообщил о гибели Волгина Максима Максимовича, заодно сообщив координаты отдела полиции, занимающегося расследованием обстоятельств его гибели. Следователь показался неравнодушным парнем, а Пашино удостоверение работника Следственного комитета сделало его более разговорчивым. Поместив показания в папку, он огорченно произнес:

– Эх, придется теперь жену оповещать. Самое неприятное в нашей работе – это сообщать людям о гибели близких. Сколько лет работаю, никак не привыкну. А жена у вашего Максима такая, – он замолчал, подыскивая подходящее слово, – трепетная. Видимо, любит его, переживает очень.

– Не надо, мы вечером посетим, сообщим на правах родственников, – утешила его Марина.

Капитан благодарно посмотрел на нее.

– А я почти ничего сделать не успел. Только на работе побывал, в музее. Жена говорит: «В командировку послали», там говорят: «Не посыпали никуда». У них, в этом музее, эпидемия несчастных случаев. Один сотрудник пропал, другого избили до полусмерти, без сознания был, недавно пришел в себя. Может быть, Волгин ваш его избил, а потом испугался и скрылся. Но кто же тогда у вас его убил? – Капитан покрутил головой. – Запутанная история, однако.

– Разберутся, – ответил Павел.

– Ничего у них не пропало? – предположила Марина.

– Спрашивал. Начальство музейное говорит, все на месте. Посетил парня в больнице, вдруг он про Волгина в курсе. Молчит, вроде не в курсе. Спрашивал: «Кто избил?» Говорит: «Не видел – ударили сзади». Может быть, никакой связи между этими происшествиями нет. Мало ли хулиганья. Волгин и подавно теперь ничего не скажет. – Капитан махнул рукой. – Нам бы с реальными делами разобраться, антикварами и тяжкими телесными другие занимаются. Вы координаты оставьте, вдруг понадобитесь, – попросил он Павла и Марину.

– А вы не подскажете, в какой больнице этот парень лежит? Мы бы его навестили, – спросила Марина.

– Сходите, – отозвался капитан, – может быть, вам расскажет, вы родня, не полиция. – Он черкнул на бумажке данные избитого парня и адрес больницы. – Вот, пользуйтесь моей добротой, а скажет чего дельного, вы мне сообщите, я ребятам передам, которые его делом занимаются.

– Само собой, – подтвердил Павел.

Попрощавшись с капитаном, они вышли на улицу.

– Работнички! – фыркнула Марина. – Лишь бы ничего не делать.

– Скажи спасибо, а то знать бы не знали про музейщика. На работе могли не рассказать. А я чувствую, что таких совпадений не бывает. Нутром чую: здесь нечисто. И адрес больницы в тему, повезло нам.

– Заступаешься за своих волкодавов. Только не все вы одной крови, среди вас самих сейчас больше волков. Волкодавы все в сериалах, там они молодцы, а в жизни... Даже говорить не хочу, – сердито отозвалась Марина.

– Вот и помолчи лучше, – потребовал Павел, – критиковать всегда легче, чем работать. Ты же не пошла в следствие. Еще неизвестно, как бы сама работала, – продолжил свою отповедь Марине. – А лишняя информация ни нам, ни им не помешает.

– Надо в больницу ехать, – помолчав, продолжил он. Думаю, туда мы отправимся завтра, мы в отпуске, у нас с тобой впереди целый свободный день, пора посвятить его знакомству с городом, раз вчера не получилось, – предложил Павел примирительно.

Марина услышала в этой фразе затаенный упрек, но сочла за лучшее этого не замечать. Павел позвонил Константину и попросил «увольнительную» на сегодняшний вечер, объяснив, что они вечером должны посетить знакомого. В трагические события, случившиеся у них дома, Павел решил пока друга не посвящать. Они раздобыли карту города и, засев в кафе, принялись ее изучать, составляя план экскурсии. В городе оказалось полно достопримечательностей, путешественники решили начать с музея декабристов.

Когда через несколько часов они оказались на улице, Марина сказала:

– Я знала, что они неплохо жили в Сибири, но что настолько неплохо, даже представить не могла.

– Это они так замечательно устроились, когда каторгу отбыли. Дома просто дворцы, но дом Трубецких понравился больше, у него такая необычная архитектура. Ты не забывай, что Волконские – князья, Трубецкие – графы, родственники их не бросили, помогали. У других декабристов положение было намного хуже, – ответил Павел. – А экскурсовод хороший, интересно рассказывает.

– Я в детстве была очень декабристами увлечена, они казались такими героями – красавцы, вольнодумцы. А теперь думаю, это восстание – полная бессмыслица, неподготовленное, бестолковое. И в детстве, и сейчас особенно жалко солдат. Они ни за что пострадали. Командиры скомандовали, они подчинились и стояли на площади, ничего не понимая, а их потом в кандалы – и в Сибирь, да еще через шпигурены прогнали. А вообще настоящие герои для меня – женщины-декабристки, ангелы-хранители, без них сгинули бы эти изнеженные бары в сибирской глупши, – возбужденно говорила Марина.

Она так раз волновалась, произнося свою речь, что остановилась и стала размахивать руками прямо посреди улицы, пока Павел не взял ее крепко за локоть и не перевел на тротуар.

– Все, что ты говоришь, может быть, правда, но не хватало под машину угодить, – заметил он с легкой укоризной.

– О, елки, чего разошлась, неудавшееся восстание всегда кажется неподготовленным и бессмысленным. Сколько у нас было этих дворцовых переворотов, и вряд ли другие были подготовлены лучше. Россия – страна дворцовых переворотов. Одним везет, другим – нет, – сказала Марина, приходя в себя.

Потом они обедали, гуляли по городу, особенно им понравилась центральная площадь города – площадь Сперанского. Просторная, с фонтаном и большим количеством оригинально разбитых клумб. Забрали в художественный музей, двухэтажный особняк в центре города. Коллекция была крепкая, как сказала Марина, встречались работы Репина, Маковского, Сурикова. Павел к живописи был равнодушен, но послушно брел за ней по залам и даже делал вид, что разделяет ее восхищение, когда она указывала на ту или иную картину. В здравом уме он бы не потащился в музей. Куда лучше засесть в кафе, попивать сухое красное, разглядывать прохожих, травить веселые байки, чтобы Маринка смеялась. Он любил, когда она смеялась. И главное, никуда не торопиться, но, увы, она предложила такой способ убить время до встречи, он решил не спорить. Уставшие от пеших прогулок и впечатлений, они приехали к дому Волгиных.

– Нам придется сейчас сказать женщине, что ее муж погиб, и лишить надежды. Давай не с порога, хоть поговорим, – поежившись как от холода, попросила Марина Павла.

Он согласно кивнул:

– Будем посмотреть по обстановке.

Глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, Павел нажал на кнопку звонка, и они, тревожно переглянувшись, уставились на дверь. Она распахнулась тотчас же, как будто хозяйка стояла рядом и ждала.

– Вы Анастасия Волгина? – спросил Павел белокурую синеглазую женщину, открывшую им дверь.

«Удивительно ей подходит имя Анастасия, – подумала Марина, – такой чисто русский тип, статная, крепкая, и коса – это такая редкость сейчас».

– Да, это я, – ответила тревожно женщина. – Кто вы, что вам нужно?

– Не бойтесь, мы друзья родных вашего мужа, отправились в Иркутск, и они попросили разыскать и навестить его родню. Впрочем, может быть, вы не знаете, но у вашего мужа есть родственники. А с вашей стороны было бы любезно пригласить нас в дом, – предложил Павел.

– Да, конечно, проходите, но мужа сейчас нет дома, – нервно сказала женщина.

– Собственно, нам ничего не нужно, – ответила Марина, – мы хотели познакомиться. Я жена двоюродного брата вашего мужа, меня зовут Марина, это лучший друг моего мужа Павел, а еще у него есть родной дядя и маленький племянник.

– Макс узнал о родне пару месяцев назад, – ответила Анастасия, проводя непрошеных гостей в большую комнату. – Располагайтесь, я сейчас займусь сына, чтобы он не мешал нам разговаривать...

После возвращения она продолжила:

– Макс весной разбирал вещи на даче, собирался делать ремонт и наткнулся на неотправленные письма. Мать писала несколько писем в разное время родне Макса про смерть мужа, про то, что у него родился сын, но, видимо, не решилась отправить. Он всегда считал, что у них с мамой нет родни. После смерти матери думал, что остался совсем один и, кроме нас, у него никого нет. Обрадовался, но не было времени заняться новоявленной родней. В последнее время он очень много работал, был срочный заказ.

– А кто он по профессии? – спросил Павел.

– Айтишник, и очень неплохой. Сейчас работает в одном из музеев, делает программы, электронную базу по фондам, помогает оцифровывать документы. Недели две назад Макс вернулся домой поздно, сказал, что уезжает в срочную командировку, собрался за полчаса и уехал. На следующий день я пытались с ним связаться, но он оказался недоступен. На работе говорят, что в командировку

его никто не посыпал. Вестей от него нет, и я недавно обратилась в полицию. Только от нашей полиции толку никакого, хорошо хоть заявление приняли. Не хотелось бы думать о Максе как о пропавшем, но его нет так давно. Вы случайно не знаете? – Анастасия закончила пространный монолог и тревожно взглянула на гостей.

– У вас есть фотографии? Может быть, посмотрим? – спросила Марина.

– Фотографии вам зачем? – вопросом на вопрос ответила Анастасия.

– Как зачем? Самого хозяина, как мы поняли, не увидим, так хоть на фото посмотрим, – нашлась Марина.

– Конечно есть, у нас много фотографий, сейчас принесу, – поднялась Анастасия.

Пока она уходила вглубь квартиры, Павел спросил:

– Что делать будем? Говорить? И зачем тебе фотографии?

– Сама не знаю зачем. Сказать про Макса язык не поворачивается, вот и ляпнула. А что нам остается? – шепотом ответила она. – Мы же в полиции наобещали.

– Вот последние наши, мы фотографировались весной в парке, – вошла Анастасия с альбомом.

– Какие вы молодцы, фотографии делаете, – похвалила Марина. – Сейчас, кажется, никто не размещает фотографии в альбоме, народ фотки хранит в телефонах.

– Макс не любит «цифру», он снимки делает на пленку. Говорит, «цифра» убивает душу, делает фотографию плоской, неживой, – пояснила Анастасия.

Марина взяла альбом и, хотя знала, что увидит лицо Макса, не справилась с собой, альбом выскользнул из ее рук и упал бы на пол, если бы Павел не подхватил его. Анастасия во все глаза смотрела на нее и не могла не заметить волнение.

– Я чувствую: вы что-то знаете, – вопросительно-утвердительно сказала она.

– Да, Настя, знаем, но не знаем, как сказать... Очень не хочется... Ваш муж погиб, – с легкой заминкой произнесла Марина.

Они оба тревожно уставились на Анастасию, не зная, что дальше делать и говорить, ожидать можно было всего.

Анастасия только побледнела и тихо сказала:

– Я гнала от себя эту мысль, но сердце не обманешь, – она помолчала несколько минут, забыв о гостях, потом через силу спросила: – Как это произошло?

– Мы сами не знаем. Его нашли мертвым на нашей даче, и до сих пор непонятно, как он туда попал и кто его убил, – ответила Марина. – Мы пытаемся это выяснить. Он очень похож на моего мужа, провели генетическую экспертизу, которая подтвердила родство. Потом уже нашли письма его отца, в которых он писал про Валю Коваленко. Так мы вышли на вас. Но живым мы его не видели.

Анастасия сидела, опустив руки на колени, и слушала. Попросила:

– Оставьте меня, пожалуйста. Завтра приходите, завтра, мне нужно побывать одной.

Павел и Марина, неловко попрощавшись, заторопились к выходу. Павел черкнул на блокнотном листке свой телефон и оставил в прихожей. Когда Анастасия придет в себя, она будет знать, как их найти. Выйдя на улицу, долго молчали, жадно вдыхая теплый пахнущий бензином и летом воздух. На душе было тоскливо, не хотелось даже думать, что сейчас творится в душе женщины, только что узнавшей о смерти любимого человека.

6

На следующий день, накупив соков и фруктов, они приехали в больницу к музейщику, так они стали называть сослуживца Макса.

– Да, кстати, не стоит ему говорить, что Макса убили, он на-верняка напуган. Лучше сказать, что пропал, и родственники его ищут, – предупредил Павел Марину, она тихо буркнула, что согласна.

Вначале нашли лечащего врача, узнали о состоянии пациента. Врач сказал, что пациент средней тяжести, непременно пойдет на поправку и выкарабкается. Насчет того, нужны ли дополнительные лекарства, врач жадничать не стал, объяснил, что не в лекарствах дело. На данном этапе решающую роль играет молодость больного.

Разрешил посещение минут на десять, потому что волновать больного неполезно.

Посетители осторожно заглянули в палату. Пациент лежал один и смотрел в потолок. У парня были забинтованы голова, грудь и даже одна нога. Встретил он незнакомых посетителей нервно, Марине пришлось долго убеждать его, что она жена брата Макса. Поверив, разразился проклятиями в его адрес. Удивившись, она остановила поток ругательств.

– Пожалуйста, расскажите нам все, что знаете, мы теряемся в догадках, куда подевался Макс, жена переживает, – уговаривала паренька Марина.

Наконец парень прекратил ругаться, и у него развязался язык.

– Макс собирался податься в Питер, – неохотно выдавил он из себя. На вопрос: «Зачем Максу Питер?» – закатил настоящую истерику: – Потому что дурак, был бы умный, я бы сейчас не лежал тут, а его бы не пришлось искать. Послушал бы меня, мы оба были бы в шоколаде.

Видя, что родственники ничего не поняли, замолчал и отвернулся к стене, буркнув, что устал.

– Вот что, друг, – решительно вмешался Павел, – сказал «а», говори уже и «бэ». Нам нужно понять, что случилось.

– А он кто? – спросил парень у Маринды.

– Он друг брата и частный детектив, мы не имеем отношения к полиции. Нам ты можешь рассказать.

– Хорошо, я расскажу. Все равно теперь, раз ничего не получилось. Макс ваш все испортил, – опять заныл избитый и начал рассказывать. – Вы не поверите, но я случайно нашел неизвестное письмо Пушкина, когда готовил переписку Волконских для оцифровки. Неизвестная Лиззи писала Марии Волконской пространное письмо на шести страницах на французском языке, две из них оказались склеены уголками. Видимо, сотрудники письмо просматривали бегло, тут пропасть этих писем, целый архив, и не нашли ничего интересного. Так, светская болтовня. Но когда я разъединил страницы, оттуда выпал небольшой листок, в половину тетрадной страницы, весь исписанный и тоже на французском языке. Я сразу узнал его

руку. И чуть не сошел с ума: найти неизвестное письмо Пушкина! Это как найти клад!

Он замолчал, лицо исказилось, по нему потекли слезы. Марина и Павел молчали, ошеломленные, они ждали, когда парень снова начнет говорить.

– Я знал одного солидного антиквара и предложил автограф ему. Сначала он мне не поверил, но я предоставил экспертизу. Ее сам нарисовал, не привлекать же настоящих экспертов, а в подлинности письма я не сомневался. Мы говорились на сто тысяч евро, но в день, когда я должен был встретиться с покупателем, передать автограф и получить деньги, в мою машину сел Макс. Прямо возле музея после работы. Он раньше случайно увидел меня с этим мутным типом и решил проследить за мной. Макс потребовал все рассказать, а когда узнал, в чем дело, велел отдать автограф ему. Я упрашивал его, предлагал войти в долю, подстражовать меня при передаче, деньги предлагал, десять тысяч евро просто за молчание. Но с ним невозможно было договориться, он нес чушь про то, что письмо надо отвезти в Пушкинский дом. В конце концов он треснул меня чем-то по голове, и я потерял сознание. Когда очнулся, не было ни Макса, ни письма, ни оружия, которое я купил на всякий случай. Больше я про вашего Макса ничего не знаю и знать не хочу, может быть, этого дурака убили в Питере, раз он пропал. – Парень замолчал, по лицу снова потекли слезы. – Антиквар не поверил, что на меня напали, решил, что я соврал про автограф, надуть хотел. Его телохранители отделали меня, хорошо хоть жив остался. Я боюсь, что он и дальше будет мне мстить.

– Всего этого просто не может быть, потому что не может быть. Сознайся, ты все выдумал? – потрясенно сказал Павел.

– Ничего я не выдумал, так все и было, – огрызнулся музейщик.

– Если ты не сказал, кто на тебя напал и отобрал автограф, то эти бандиты ничего не знают о Максе, – сделала вывод Марина. – Но почему он пропал? Ты не сочиняешь часом?

– А какой смысл мне был его называть? Если бы Макса нашли бандиты, денег бы они мне не заплатили.

– Да не переживай за деньги, они бы тебе и так не заплатили, – «утешила» Марина, – зачем платить, если можно отнять. Ты полиции

не рассказывай, а то отправят в психушку голову лечить. Тем более что автографа у тебя нет, как нет и доказательств. Или привлекут за кражу ценного экспоната.

– А то я дурней вас, – проворчал парень.

Покинув больницу, они долго молчали.

– Я даже не знаю, что тут обсуждать и что теперь делать. И еще надо придумать, что сказать капитану, раз обещали. Не рассказывать же ему этот бред, – наконец сказал Павел.

– Да-а уж... – протянула Марина. – Вот мы и знаем тайну Макса, но это ничуть не приблизило нас к пониманию, кто его убил. Зато мы теперь знаем за что.

– И ты всерьез веришь в это? – спросил Павел. – А сумму он называл несусветную. Неужели автограф может так дорого стоить?

– Он стоит намного дороже, я читала, за границей вообще нет автографов Пушкина, последний продали неизвестным русским меценатам тысяч за триста евро предположительно. За шесть строчек. Если музейщик правду говорит, это письмо стоит намного больше и на аукционе может потянуть тысяч на пятьсот, тем более это неизвестный автограф... Пока придется поверить и держаться этой версии, она многое объясняет, – продолжала Марина. – Я надеюсь, парень не врет и не разболтал антиквару, кто забрал письмо. А если признать, что история про автограф правдива, то мы с тобой докатились до сокрытия улик. Но давай оставим на время эту тему, надо ее осмыслить. Нам теперь нужно озабочиться тем, что пришло время Макса достойно похоронить, он до сих пор лежит в морге среди неопознанных трупов. Анастасия должна поехать к нам и забрать тело домой.

– Ты права совершенно, сейчас позову Юрию, пусть поможет бедной женщине справиться с этими скорбными процедурами, – согласился Павел.

– Да, – отозвалась Марина, – это будет правильно.

Вечерний ужин, как всегда, прошел у Константина. Было просто, по-домашнему, без гостей и спиртного. А по дому носились два шумных белобрысых пацаненка лет пяти, абсолютно похожие друг на друга, дети Светланы и Костики, близнецы Бока и Вока (Борис и Владимир соответственно). Они на несколько дней были сосланы

к бабушке и теперь шумно выражали восторг от возвращения домой. Марина любила детей и с радостью присоединилась к шумному веселью. Они с удовольствием забивали мяч в импровизированные ворота из диванных подушек и вопили: «Гол!». Мальчишки были счастливы, что взрослая тетя разделила их игру. Из-за шума их сослали в детскую, где они продолжили веселье, играли во все игрушки и даже дрались на джедайских мечах. Пока Марина предавалась разгулу с детьми, Константин пригласил Павла на балкон.

– Я прекрасно понимаю, что ты думаешь, – начал Костик, – но ты сделал неправильные выводы. Я взяток не беру, дела не делаю. Стараюсь работать честно, насколько это в нашей системе возможно, и не тебе объяснять: не все зависит от нас. «Не расстреливал несчастных по темницам», – криво усмехнувшись, процитировал Есенина. – Да, то, что ты видишь, стоит больших денег, на мне тряпки нет дешевле тысячи баксов, но это честные деньги. Моя Светлана, классный хирург, руководит частной клиникой, еще и сама оперирует, ей платят несусветные по нашим меркам деньги. Нас в прокуратуре тоже сейчас не обижают, но она получает на порядок больше меня. Я этакий альфонс, живу на деньги жены, но на нее уговоры не действуют. Покупает мне дорогие вещи, обижается, когда отказываюсь носить. И квартира эта тоже ее, но дом за городом строю на свою зарплату, поэтому живем в городе. Пятый год строю, – Константин затянулся сигаретным дымом, закашлялся. – Бросаю курить, отвык, – пояснил он.

– Не переживай, Костик, – после некоторого молчания сказал Павел, – ты не должен мне ничего объяснять. То, что вы честные люди, мне Марина сказала. Как она это чувствует, я не знаю, но она никогда не ошибается.

– Она у тебя классная. Почему вы не вместе? Видно же, что ты ее любишь, – поинтересовался Костик.

– Вот именно, я люблю. Она три года назад развелась с мужем, моим лучшим другом, а я просто друг. Я слишком долго ее друг – это бесперспективно, – вздохнул Павел. – Ладно, нам пора, и вам нужно отдохнуть.

– Совсем забыл, готовьтесь, завтра мы едем на Байкал, – проговорил Костик, заходя в комнату.

Последнюю фразу услышали Денис и Димон. Соблазнившись тортом, они вылезли из своей берлоги.

– Ура-а-а! – завопили они. – Едем на Байкал!

На этой шумной радостной ноте гости удалились в свои хоромы.

7

Из Листвянки выехали в сумерках. Константин сказал, что не стоит выезжать раньше, а то на дороге пробки не миновать. Всю обратную дорогу до Иркутска Марина молчала, ее захлестывали эмоции. Мечта осуществилась: она побывала на Байкале. Сейчас она сидела в уголке машины и переживала недавние события.

Когда она впервые увидела Байкал, было сумрачно. Темные тучи висели над озером, дул сильный порывистый ветер, а озеро, казалось, было заполнено жидкотью ртутью. Вода и цветом, и плотностью напоминала этот металл. Серая, с металлическим отблеском, она тяжело перекатывалась под порывами ветра. Простора, как ожидала Марина, не было, озероказалось зажатым между лесистых холмов, которые совсем не походили на живописные скалы.

– А где же славное море, священный Байкал? – удивленно спросила она у Костика.

– Не переживай, – сказал Костик, – Байкал возле Листвянки не Байкал, вот пойдем в Коты, там увидишь. Да и погода здесь меняется постоянно, при солнце будет другой вид.

Вслед за словами Костика тучи стали постепенно расходиться, словно занавес на сцене, сдвигаясь от центра в стороны. Через десять минут засияло солнце, и озеро буквально вспыхнуло снопом синих искр. Цвет воды резко сменился на ультрамариновый. В тени холмов вода стала густо-синей, почти черной, ближе к берегу светлела и отливала лазурью, а возле самого берега плескалась чистая бирюза. Пологие горные хребты, идущие один за другим, повинувшись величественному ритму, из просто темных превратились в бурые, зеленые, синие, голубые... Еще через десяток минут на синем небе стала образовываться белая паутинка облаков, она постепенно уплотнялась, образовывая кучевые облака, которые, словно гимнасты на арене цирка, начали громоздиться друг на друга. Облака плавно перетекали

друг в друга. На небе, как на экране, появлялись фигуры драконов, верблюдов, жирафов, медленно превращаясь друг в друга. Проплывали эскадрильи самолетов или стаи гигантских рыб, колыхались кудрявые пальмы. Все было текучим, зыбким, непостоянным. Заходящее солнце подсветило облака косыми лучами, и они вспыхнули изнутри теплым медовым светом, а кайма облаков стала огненно-золотой. Эти видения продолжались весь вечер, пока солнце не нырнуло за один из холмов. Необыкновенная уха из байкальских деликатесов стала достойным завершением первого дня.

А потом была рыбалка около Больших Котов, где, как и обещал Константин, Байкал показался во всей красе и был похож на синее-синее море. Марина никогда не рыбачила, хотя жила возле большой воды. Рыбаков она не понимала и не любила. Рыба – тварь бессловесная, но живая. Поэтому не думала, что это может быть так азартно. Им выдали по катушке лески, на конце которой был прикреплен крючок. На крючок следовало наколоть червяка или мотыля и забросить в воду. Она откровенно скучала, но, когда счастье повело в сторону, а мужчины закричали: «Клюет! Тяни, тяни!», начала бешено накручивать леску на катушку, чувствуя сопротивление живого существа. В глубине чистейшей воды забелела рыба, которая показалась огромной. Правда, чем ближе рыба продвигалась к поверхности, тем меньше становилась, и, когда ее вытянули на борт катера, оказалась небольшой рыбешкой, чуть больше ладони. Но азарт уже охватил Марину, она категорически отказывалась прекратить рыбалку и поймала еще трех рыбешек, чуть больше первой рыбки.

– Теперь я понимаю, почему рыбаки преувеличивают улов, показывая пойманых рыб. Они их такими видят в воде, а потом не могут поверить в настоящий размер, – поделилась она догадкой.

Впрочем, азарту поддалась не она одна. Ребята и Павел тоже увлеклись рыбалкой, и Константину пришлось волевым решением завести мотор катера и увезти всех обратно в Листвянку, где они остановились в гостевом домике.

Много еще интересного довелось увидеть. Полюбовались Байкалом и окрестностями с высоты птичьего полета, для этого пришлось подняться на камень Черского. Путь хоть и недалекий – скала

имела высоту около семисот метров, но трудный. Зато вид, который им открылся сверху, вознаградил за тяжелый подъем. Увидели они и знаменитый Шаман-камень у истока Ангары, и музей деревянного зодчества. Отказалась Марина только посещать нерпинарий, она вообще терпеть не могла цирков и зоопарков. Было невыносимо видеть зверей в неволе, и сказки, как им там хорошо, на нее не действовали. Особенно невыносимо было смотреть на пленных дельфинов. Следом за древними греками она считала их морским народом, а содержание дельфинов в неволе приравнивала к похищению людей и как юрист жалела, что в законе нет соответствующей статьи.

В Иркутск прибыли затемно, небольшой пробки избежать не удалось. Все три дня, которые Марина и Павел провели на Байкале, они не вспоминали о деле, приведшем их в Иркутск. Но утром подвели итоги путешествия: все, что хотели увидеть, увидели, все, что могли узнать, узнали. Пора было возвращаться домой. Созвонились с Юрием, тот рассказал, что Анастасии выдали тело мужа после опознания. Приняли совместное решение кремировать его на месте. Прах разделили на две части: одна часть будет захоронена рядом с отцом и другими родственниками, а другая – доставлена Анастасией в Иркутск и захоронена рядом с матерью Макса. Юрий попросил их остаться до приезда Анастасии в Иркутск, помочь ей и поддержать. Так что их иркутская история продлилась еще на несколько дней. Узнавший об этом Денис был нескованно рад продолжению. После поездки на Байкал они с Димоном стали не разлей вода, Денис категорически не хотел уезжать.

За эти несколько дней Марина и Павел посетили следователя, заверили его, что не могут рассказать ничего нового про избитого парня. Капитан поделился неожиданным для него открытием: Макс убрал свои следы из всех существующих баз, даже в паспортном столе не было сведений о нем. Компьютерный отдел недавно обнаружил несанкционированный вход в систему и восстановил данные.

– Парень был талантом по компьютерной части, – с сожалением сказал капитан. – Жаль, это ему не помогло. Надеюсь, ваши ребята найдут его убийцу.

Встретили Анастасию, приняли участие в скромных похоронах. На печальном событии было немного народа: несколько старых друзей Макса, коллеги и родственники Анастасии, близкие соседи. Анастасия сильно изменилась: под глазами залегли темные тени, скулы заострились. Если начинала говорить, губы кривились, как у маленького ребенка, который собирается заплакать. Когда после поминок Марина и Павел подошли проститься, она посмотрела на них без выражения и, кажется, не поняла, кто они, смотрела внутрь себя, похоже, ничего не видела вокруг. Они были рады, что это тяжелое мероприятие закончилось и можно уйти.

Перед отъездом устроили прощальную отходную в «своей» квартире для Кости и Светланы. Настроение было грустное, за это время они привыкли друг к другу и понимали, что вряд ли скоро увидятся. Хотя Костик клятвенно обещал всей семьей приехать к Павлу на следующее лето, а если получится, то и на Новый год, все понимали, что вряд ли это случится.

Прилетев домой, они простились и впервые за две недели отправились по разным адресам. Дом встретил Марину тишиной, никто не порадовался ее приезду. Квартира, которая являлась убежищем, где ей всегда было тепло и уютно, нагоняла тоску. Она бродила по пустым комнатам, а в голове непрерывно крутился обрывок стихотворения: «...мне совершенно все равно, где совершенно одинокой быть».

«Докатилась до цветаевщины, Марина Алексеевна, актерка ты, актерка, одни цитаты на уме», – критиковала она себя.

Тезку она любила, но строчка была слишком уместна в этой ситуации. Она открыла ноутбук, и из электронной почты вывалилась куча работ. Документов было всего два, но они были такими объемными, что требовалось много времени, чтобы довести до ума.

«Сходила в отпуск! Ну и фрукт наш Тимофеевич! Отпустил, а от работы не освободил. Возмущаться теперь бесполезно, проще сделать», – решила Марина.

Пришлось работать над документами несколько дней. Отправив выполненное задание в отдел, Марина продолжила писать книгу, захотелось вставить в нее собственные впечатления от поездки на

Байкал. Несколько дней она билась над текстом, пытаясь перенести фантастические картины, виденные на Байкале, на бумагу, но ничего не получалось. В письменном виде всеказалось вымученным и бесцветным. Бросив это занятие, Марина вдруг осознала, что после приезда ей ни разу не позвонил Павел.

«Куда подевался мой дорогой друг? Как это он смеет забывать обо мне? Неужели я ему так надоела, что он решил со мной больше не общаться?» – спросила она неизвестно у кого, набирая номер Павла.

– Слушаю, – отозвался Павел.

– Слушает он! – возмущенно сказала Марина в трубку. – Ты что? Совсем про меня забыл? Друг называется.

– Некогда, занят, – ответил Павел. – Буду в седьм в твоем кафе. – И бросил трубку.

Чтобы убить время до встречи с Павлом и не сидеть дома, Марина решила побродить по еще летнему городу.

«Скоро лето пройдет, август, а впереди осень, зима, снова лето. Время бежит, несется, – размышляла она на ходу и вдруг остановилась прямо посреди тротуара: – Мама! Как я могла забыть о ней! Я так давно не звонила».

Она набрала номер и тут же сбросила, объяснив себе: «Боюсь, она же меня живьем запилит». У Мариной с детства были сложные отношения с матерью. И не успела она это проговорить про себя, как раздался звонок.

Звонила мама. С места в карьер начала скороговоркой выговаривать:

– Ну, слава богу, проявилась. Раз позвонила, и то звонок сорвался. Ты, конечно, взрослая женщина, я это помню, но совсем о матери забывать не стоит. Ты приехать собираешься?

– Мама, у меня отпуск закончился. Я его использовала: на Байкал ездила. Мама, я так рада, что ты у меня есть! Пока. Я обязательно приеду, но не сейчас.

Непривычно ласковые слова дочери огорчили мать, она не нашлась, что ответить, и быстро закончила разговор. А Марина решила, что на море съездить не помешает, но как это сделать, она подумает позже.

Павел опоздал всего на десять минут. Он сел напротив и молча уставился на Марину. Во взгляде ясно читался вопрос: «Какого черта тебе надо?».

Она вопрос поняла, но сделала вид, что очень рада видеть его.

– Ой, Пашенька, как я рада тебя видеть, – заворковала, – я так привыкла к вам с Деником за две недели. Кстати, как он там? Ты меня совсем забыл, а я так по вам соскучилась, все из рук валится, пироги не пекутся, книга не пишется. Все думаю, когда вспомнишь обо мне, бедной, – продолжала она ласково, положив руку ему на рукав.

– Ого, текст не твой: нежности не в твоем репертуаре. Я так понимаю, тебе что-то нужно, – недоверчиво протянул Павел.

– Что мне может быть от тебя нужно? Обидно стало: как можно взять и забыть про человека? – продолжала она гнуть свое.

– Маринка, мы с тобой месяцами не видимся, и слез по этому поводу я не припомню. Колись, зачем я тебе понадобился? Не иначе про расследование будешь пытать?

– Не веришь, что я правда соскучилась, – состроила она грустную мину. – А мы столько времени вместе провели. Да, расследование меня интересует, если не забыл, мы с тобой в Иркутске занимались поисками вместе. Районный следователь мне сказал, что дело забрали в город, и ты не можешь не знать о нем, – продолжала она уже с большей горячностью. – Я вот подумала... – сделала паузу и наткнулась на испуганно-дуршливый взгляд Павла.

– Пора начинать бояться? – таким же, дуршливым, тоном спросил он.

– Чего?

– Опыт общения подсказывает, после фразы «я подумала» случаются всякие неприятности.

– Фу, нашел повод для веселья. Лучше звучит «я не подумал»? Тебе это больше подходит, – не осталась в долгу Марина.

– Если серьезно, забудь об этом. Личность убитого мы с тобой установили, родственников нашли. Хватит, теперь делом занимаются профессионалы. И я не могу раскрывать тайну следствия. Впрочем,

пока раскрывать нечего. Это все, что я могу сказать, – сухо ответил Павел.

– Пашенька, послушай меня, я не могу не думать о деле. И снова скажу мысль, которую говорила в самом начале. Макс не мог сам появиться на этой даче, кто-то из окружения Юры его туда направил. Хорошо, что Юра был в командировке, а то он бы мог оказаться под подозрением, – Марина стояла на своем.

– Прекрасная идея. А ты не думаешь, что окружение Павла – это его жена и, например, мы с тобой. А ты не думала, что первой под подозрение попадаешь ты? Ты Макса нашла. Какое совпадение! Сухая статистика: чаще всего виновными оказываются те, кто нашел труп. В расследование втерлась. Пытаешься все выведать, держать руку на пульсе, направлять в нужном направлении. Что не так? – Павел запнулся на полуслове. Марина смотрела на него, задыхаясь, как будто он со всего маха ударил ее под дых.

– Ты сошел с ума? – наконец смогла она выдохнуть. – Что ты говоришь?! Я убийца?! Так арестуй меня. Статистика? Да вы кого поймаете рядом с трупом, тот вам и виноват. Вот ваша статистика. Ну ты сатрап! Я с тобой как с другом, а ты – следак! Тупой следак! – голос ее постепенно повышался, на них начали оборачиваться люди.

Павел попробовал прикрыть ей рот ладонью, но она вывернулась и опрометью бросилась из кафе. Это было неожиданное предательство, как можно такое подумать. Эти ужасные слова говорит человек, с которым она знакома пятнадцать лет. Человек, который, как ей казалось, любит ее. Что же остается думать чужим?

«Пытается повесить на меня убийство, – сидя на лавочке недалеко от кафе и слегка припудривая покрасневшее лицо, думала Марина. – Как я только его не пришибла на месте? Вот уж точно бы села, свидетелей полно».

Послышались шаги, Павел сзади обнял ее за плечи. Она попыталась подняться, рванулась, но силы были не равны, а отпускать он не собирался.

– Уйди лучше! Убью гада! – прошипела Марина.

– С чего ты моду взяла бегать? Слушай. Я не должен тебе ничего рассказывать, но на всякий случай будь готова к неприятностям.

У следствия много версий, рассматривают все, даже безумные. Пока мало доказательной базы, не ясен мотив. Но в кухне только твои и Зоинны отпечатки пальцев. Если бы убийца стирал свои отпечатки, стер бы и ваши. Согласна?

– Зоя каким боком? – Марина от возмущения и удивления даже забыла вырываться. – Зачем ей убивать чужого мужика?

– Незачем. Она могла увидеть свет в кухне и пойти с проверкой, Зоя – дама решительная. Что у них произошло, мы не знаем, может быть, убийство по неосторожности. А потом она испугалась того, что натворила, и ушла, как будто ничего не было, – продолжал Павел.

– Отличная версия, только доказательств никаких. Вам, следакам, фантастические романы писать с элементами детектива, цены не будет. В смысле романам. Если бы Зоя убила, была бы черепно-мозговая травма, без вариантов. Спонтанно огреть, не рассчитав силу, она может, остальное не про нее.

– Это версия. Зоя – рабочая версия, имеет право на существование. Тебя тоже не исключают. Проверку проводили. Отсмотрели камеры вдоль дороги на дачу, в тот день, когда убили Макса, твоей машины на камерах не нашли. Обнаружили в то время, когда ты говорила. Это алиби, но шаткое, не исключает, что ты могла приехать на другой машине.

– Снова здорово. У меня автопарк собственный, – съехидничала Марина. – И откуда я знала, что Макс на даче? И почему меня не вызовут? Не зададут эти вопросы?

– За этим дело не встанет. И вызовут, и спросят. Пока достаточно тех показаний, что ты давала следователю районного отдела. Откуда знала, может быть, ты его на даче поселила. Дверь кухни не взломана, а открыта родным ключом. Подозрительно.

– А Алина? Ее вызывали? Спрашивали? – вспомнила про жену Юрия. – Она из окружения Юрия, самого близкого.

– Алина при чем? Дача к ней отношения не имеет.

– Она всегда при чем, могла Макса грохнуть, лишь бы меня подставить.

– Тогда плохо постаралась, слабо подставила. Прямых улик против тебя нет. Как ты могла подумать, что я тебя подозреваю? Вы-

скочила из кафе, понеслась, дороги не разбирая. Надо тебе, старуха, нервы подлечить. – Павел задумался. – Хотя за Пушкина ты вполне могла грохнуть, как я раньше не подумал.

– Это точно, – согласилась Марина. – Мне за Пушкина давно хочется бошки откручивать. Это же надо, придумать, что Пушкин не актуален. Он не просто поэт, поэтов у нас не перечитывать. Он философ, пророк, он свои мысли зарифмовал, потому мы его за поэта держим, а он гораздо больше, чем поэт.

– Может быть, перестанешь мозг выносить своим Пушкинам. У нас разговор не об этом, – прервал ее монолог Павел.

– Сам первый начал. Он не мой, он и твой, и «всехний», он миру принадлежит. Впрочем, вы ничего сейчас не читаете, ты после работы не книжку в руки берешь, а в какие-нибудь «танчики» играешь, – возмутилась защитница.

– Я не играю, я напряжение снимаю, – возразил Павел. – Мне после работы только Пушкина не хватает.

– И то правда, зачем тратить слова на человека, которому они до лампочки. Паша, я устала от этого расследования. У сыщиков – никаких результатов. Сколько это может продолжаться? Пока дело не прикроют? И вдруг ты меня в убийстве подозреваешь. Как реагировать? «Висяки» никому не нужны, и будут искать козла отпущения. Они чужие люди, от них можно ждать чего угодно. Но ты – родной человек, и подозрения от тебя невыносимы. Вот и взбесилась.

– Нет у меня подозрений, про Пушкина пошутил, а про расследование надоело, что суешься, решил немного припугнуть, чтобы угомонилась. Я думаю, – продолжал задумчиво Павел, – ты свидетель, подписку с тебя не брали, так что съехала бы ты подальше. От греха.

– Ты предлагаешь мне скрываться от следствия? – изумилась Марина.

– Не скрываться, а исчезнуть из поля зрения. Это разные вещи. Без тебя разберутся, нервы лишний раз мотать не будут. А ты мне не будешь.

– Ты угадал, я хотела бы исчезнуть, меня мама к себе зовет.

– Мама – это неудачно. Предсказуемо. Найдут. Лучше уехать в место, не связанное с родными.

– Паш, ты опять шутить? Дошутишься. Пойду и расскажу про наши поиски в Иркутске, будешь знать, как скрывать факты от следствия.

– Хорошо, езжай к маме. Про нервы я не зря сказал. Море, солнце, пальмы – лучший лекарь. Красота. Как бы я сейчас туда рванул.

На том они расстались. Марина пообещала, что позвонит, когда вернется, предположительно через пару недель. Она решила сходить на работу на следующий день, предъявить себя. Сердясь на шефа за то, что подогнал работу в отпуске, решила отомстить. Взять с собой ноутбук и выполнить задания без отрыва от отдыха. В конце концов, какая ему разница, где она с этим ноутбуком находится. Отпуск все равно надо было использовать, она его и использовала. В отделе ей обрадовались. Наполни чаем с принесенным ею же тортом и рассказали кучу новостей в формате «Слухи, версии, сплетни».

Марина заглянула к Ивану Тимофеевичу, именно для него был организован показ себя на работе. Шеф искренне обрадовался:

– Отлично, что пришла, у хорошего юриста и нюх хороший. Все равно бы пришлось тебя вызывать. В строительном управлении умник завелся, не согласен с твоими правками, а другому юристу передавать не хочу, у тебя серьезный документ получается. Включай личное обаяние и как хочешь его уламывай.

– Слушаюсь, – козырнула Марина, прикрыв голову второй рукой, – я почти блондинка, попытаюсь заморочить.

Пришлось идти общаться. Молодой человек, недавно назначенный на пост начальника отдела, встретил враждебно и с порога заявил:

– Только не надо мне рассказывать, что проект документа не соответствует нормативной базе, дело юристов – посоветовать, как законы обойти, а не нудить: «Нельзя-нельзя».

– Ого, так вольно обращаться с законами могут только большие люди. Вас ждет блестящее будущее, – улыбнулась Марина, про себя подумав: «Если полиция не остановит». – Я буду ломать голову.

Она сразу поняла, что главное – не возражать, не стала спорить и тонко польстила,нейтрализовав его спесь, и спокойно отправилась пить чай дальше. Повозиться с проектом все же пришлось, в конце концов Марина согласовала документ. Ей удалось невозможное:

втиснуть почти все пожелания заказчика и не нарушить требования «нормативки». Некоторые мелочи портили документ, и она убедила строителя, что они не столь важны, с чем тот неожиданно согласился.

«Самовлюбленный индюк, – думала она по дороге домой, – с такими типами главное прикинуться смиренной овечкой, это усыпляет их бдительность. Но я немного перестаралась, еле отбилась от совместного обеда, а мне новый поклонник без надобности».

Когда Марина вернулась от мамы, в городе чувствовалось приближение осени. Еще светило солнце, было тепло, но при порывах ветра ощущалась прохлада. Ледяной сквознячок шаловливо и безнравственно пробирался за шиворот, под юбку, холодил поясницу. В воздухе плавали тончайшие паутинные нити. Попадая в луч света, они мгновенно вспыхивали, становясь видимыми, и так же мгновенно исчезали из поля зрения. Иногда они попадали на лицо, запутывались в волосах, прилипали к ресницам. Пышно и вызывающе цветли клумбы, как будто цветы предчувствовали скорую гибель. В парках и скверах кое-где на деревьях промелькивали желтые листья, словно ранняя седина в волосах пожившей, но еще молодящейся женщины.

Прогуливаясь по скверу, она с грустью ловила пока малозаметные приметы надвигающегося сентября. Марина отдохнула, загорела, светлые волосы выгорели на солнце, и выглядела она отлично.

«Какое нынче лето выдалось – лето путешествий. Как было замечательно на море, если бы не мама, – вздохнула она про себя. – За этот ад, за этот бред пошли мне сад на склоне лет», опять Цветаева вспоминается. У мамы есть дом, муж, и сад ей послали, значит, она не так уж плоха. Уговаривает бросить Сибирь, переехать к ней, собирается выдать меня замуж. Жить с ней? Это не про меня, мне ее в детстве хватило. Можно подумать, мне самой сложно найти мужа, но я не хочу замуж – я хочу любить. Надоело жить Снежной королевой. Юра? Я его любила и люблю, но это не та любовь, из-за которой теряют голову, совершают безумства. Павел? Его я тоже люблю, но это та же история».

«Не умеешь любить – сиди дружи», – вспомнила она очередную цитату и усмехнулась: «Актерство из тебя, Марина Алексеевна,

цитатами прет, своих мыслей нет, только чужие. Недаром говорят, что актер – это пустой сосуд, и чем более он пуст, тем более велик актер».

Она присела на лавочку и решила немного полюбоваться сквером, который начал готовиться к встрече осени, но был еще по-летнему ярок и красив угасающей красотой.

«Скоро осень, наш театр опять начнет репетиции. Я соскучилась по субботним спектаклям. А может быть, решимставить новую пьесу, хочется новенькоого. К старым спектаклям привыкаешь, и уже не так интересно. Мы не профессионалы, а любители, для удовольствия играем», – размышляла Марина.

Сколько себя помнила, она всегда играла на сцене: в школе, институтском театре миниатюр, именуемом СТЭМом, а теперь в народном театре.

«Скушать не придется, наш капитан (так между собой они называли режиссера) обязательно придумает интересненькое. – Марина улыбнулась в предвкушении интересных дней. – И по нашим соскучилась».

Неожиданно на лавку вспорхнул воробей и начал разглядывать ее, наклоняя голову и кося глазом, при этом совершенно не боялся человека. Был он взъерошенный, перья торчали в разные стороны, и от этого казался раза в полтора крупнее своих приглаженных собратьев, которые порхали рядом. Марина уставилась на него, соображая, кто это: слеток, который отился от своей стаи, или большой, которому нужна помощь. Но слеткам уже не время. Походив по лавке, воробей спрыгнул на землю и продолжил крутиться возле ее ног. Когда она протянула руку, не упорхнул, а неожиданно дал себе взять. Держа птичку в руке, она внимательно разглядывала ее. Повреждений видно не было, и, кроме странного поведения, воробей не особо отличался от сородичей. С таким поведением она столкнулась впервые.

– Не тащить же тебя в ветеринарную клинику, меня на смех поднимут, – обратилась она к воробью.

Он спрыгнул с руки к ней на юбку и, естественно, не ответил. Тут она не выдержала тесного общения с природой, посадила его обратно на траву и встала с лавки.

– Ну, хватит с меня, вдруг ты бешеный. Надо же, слышала, что животные бешеные бывают, но чтобы воробей... – Протерла руку влажной салфеткой и продолжила прогулку по скверу.

«А вдруг я ему понравилась? На меня даже воробы западают. Мало того, что на море ухажеры проходу не давали, так еще и воробей клеится». – Стало смешно, и она, не удержавшись, громко фыркнула от смеха.

Какая-то тетка сердито оглянулась на нее и вдруг закричала на весь сквер:

– Маринка! Это ты?!

Марина оглянулась и с трудом узнала в «тетке» однокурсницу. К своему стыду, она не помнила ее имени и в ответ крикнула:

– Ух ты! Привет!

Они немного пощебетали про знакомых, про то, как давно не виделись, и Раиса (с трудом вспомнила Марина ее имя) предложила развеяться и посидеть в ресторане сегодня вечером. В компанию Раиса решила пригласить еще одну однокурсницу. Марина не дружила с женщинами, подруг не водилось с детства, но приятельские отношения старалась поддерживать со многими. Исключение составляли соседка Валерия, которую она запросто называла Леркой, и одноклассница Аленка, которая давно и трагически погибла. Планов на вечер не было, и она согласилась.

Девчонки, как они себя называли, были рады поводу вырваться из семейного круга. Из «девчонок» получились респектабельные матроны, имевшие богатеньких мужей и по паре детишек. Поначалу они смотрели на Марину как на «разведенку» жалостливо и недоумевали, как она могла упустить Юрия, такого завидного мужа. Но она быстро заставила их забыть прелести замужней жизни. Выглядела замечательно, ее постоянно приглашали танцевать приятные кавалеры, которые к концу вечера чуть не передрались за даму сердца. Заливаясь соловьем, рассказывала о написанных книгах (уже во множественном числе), путешествиях, ролях в театре, приятелях, увлечениях, свободной, насыщенной и яркой жизни. Подвыпившие сокурсницы страшно завидовали, плакали в жилетку, жаловались на мужей, детей и прочие женские горести. С облегчением распро-

щавшись с этими клушами, Марина пожалела о потраченном зря вечере.

9

На следующее утро она проснулась от нескончаемого звонка в дверь. Посмотрев на часы, с удивлением обнаружила, что еще нет и семи.

– Это кто ж в такую рань заявился?!

Накинув халат, выскочила в коридор, отворила дверь и сняла Леркин палец с кнопки звонка.

– Ты, мать, совсем сдурела? Откуда взялась? Тебя вчера еще не было, – удивленно хлопала глазами Марина.

– Я ночью приехала и сразу к тебе. Мы целое лето не виделись! А ты ругаешься, – говоря это, Лера просочилась в комнату. – Старуха, исключительно выглядишь. – В комнате Лера повернула Марину к свету и начала трясти и душить в объятиях. – Колись, влюбилась?

– Ты моя девочка-ромашка, – радостно ответила Марина, – у тебя одна тема: любит, не любит. Как я рада тебя видеть. Сама как? Вернулась хоть с тем кавалером, с которым уезжала, или другого нашла?

– Да с тем, но надоел, как репей под седлом. Короче, мне сейчас некогда, убегаю. Вечером – у тебя, – не слушая возражений, сказала Лера, – все расскажу, все послушаю. – И удалилась.

Марина осталась в недоумении.

– А чего в такую рань притащилась-то? – вопрос повис в воздухе. Додумала про себя: «И когда успела объявиться? Вчера у тети Веры спрашивала, та ответила, не знает, когда вернется».

Она собралась спать еще пару часов, а потом приниматься за приготовление ужина. Лерка любила и умела поесть, вечерять придется до ночи, новостей накопилось, как головастиков в пруду в жаркую погоду.

Лера была соседкой Марины, с самого рождения они жили в одном подъезде. Учились, правда, в параллельных классах. Семья Леры состояла из мамы, папы и бабушки, и в их большой квартире никогда не закрывалась дверь. Там всегда толпилась куча народу, а из квартиры доносился бесконечный веселый гам и шум. Несмотря на неудобства,

соседи давно с этим смирились, семья отличалась не только шумным нравом, но и доброй деятельной энергией. Любой из семьи был готов прийти ближнему на помощь и выручить хоть рублем, хоть добрым словом, а то и делом. Бойкая Лера с детства пользовалась вниманием противоположного пола и умудрилась забеременеть сразу по окончании школы. Дружная семья помогла поднять ребенка и получить высшее образование. Лера окончила мединститут и сейчас работала в детском психоневрологическом диспансере. Замуж она так и не вышла и всю жизнь находилась в активном поиске. Отделавшись от очередного воздыхателя, Лера разочарованно махала рукой и коротко объясняла: «Подлец». Это словечко она позаимствовала у героини старого кинофильма и с тех пор беззастенчиво использовала.

Не успела Марина забраться под одеяло, как раздался звонок городского телефона. Звонил Павел.

– Наконец ты приехала, я времена от времени звоню, проверяю. Тебя здесь очень не хватает, – тусклым, усталым голосом сказал он.

– Мобильные уже отменили? – спросила она. – Набрать не судьба?

– Ждал, когда сама вернешься, не хотел, чтобы неслась домой сломя голову.

– Я день как приехала, сегодня собиралась тебе звонить. Я не слышу радости в голосе, меня случайно в федеральный розыск не подали? – шутливо спросила она.

– Да, Мариша, у нас тут не очень весело, вот и нерадостный, – отозвался друг. – Но разговор нетелефонный, я после работы к тебе зайду, – сказал Павел и повесил трубку.

Она нахмурилась, такие сюрпризы не любила, сказал бы сразу, что случилось, а то гадай до вечера. Набрала мобильный Юрия, он был недоступен.

– Вот гады! – в сердцах сказала она. – Назло им не буду волноваться, ничего тут не могло случиться.

Но понимала: спать больше не удастся, и, разочарованная этим обстоятельством, принялась за утренний туалет и хозяйственные дела.

Около шести вечера заявила Лера и с ходу обрушила на нее весь пыл экспансивной натуры. Очередной ухажер при ближайшем рассмо-

трении оказался подлецом. Пригубив коньяк, Лера принялась с жаром рассказывать обстоятельства отпуска и отношений с ним. Ничего не оставалось, как молча слушать подругу, иногда поддакивая или задавая вопрос, чтобы выказать заинтересованность рассказом. Они просидели за столом больше часа, когда раздался звонок в дверь, Марина вспомнила, что должен прийти Павел. Лера так заморочила голову своими рассказнями, что она совершенно забыла об утреннем разговоре. Пришлось долго извиняться перед Лерой, пока та, раздосадованная, не покинула квартиру и не оставила их с Павлом наедине. Он занял место Леры за столом и, перекусив, внимательно посмотрел на нее.

– Ей богу, я не знаю, с чего начать, – он помолчал, – Юра – в больнице, – Павел предостерегающе поднял руку. – Не бледней, сейчас его жизни ничего не угрожает, его перевели из реанимации в палату интенсивной терапии.

– Что с ним? – бледность продолжала расползаться по лицу Марины. – У него здоровье дай бог каждому. Что?

– Что? Еще спрашивает. Вы с ним вечно лезете, куда не просят. Он оказался на линии огня. Пуля сломала ребро, задела верхушку легкого, его прооперировали, он жив и скоро будет здоров. И не надо никуда бежать, – остановил ее Павел, – уже поздно, тебя к нему все равно не пустят. Завтра с утра помчишься.

– Ну да, – села Марина обратно на стул, – как я забыла, там же эта волчица возле него.

– Ее там нет. Алина погибла.

– Да что тут у вас творится?! – подскочила Марина. – Вот не думала, что с этой гадиной может что-то случиться.

– Попала в аварию. Разбилась на мотоцикле, – коротко объяснил Павел.

Марина долго сидела, обхватив голову руками, наконец посмотрела на Павла.

– Паша, дорогой, я правильно понимаю, что все эти ужасы связаны с гибелью Макса?

– Правильно понимаешь, – кивнул он.

Павел заговорил, останавливаясь после каждой фразы. Было видно, что он до сих пор вспоминает и переживает тот вечер:

– Компьютерный отдел давно «пробил соту» в районе твоей дачи. Всего несколько звонков и два телефонных номера. Один – незнакомый, потом установили, что это номер Макса, второй – Юрия. Дело вел молодой сотрудник, проверил алиби Юрки, он в командировке за границей был, и следователь упустил, что на звонки кто-то отвечал. Когда начальник опытному следователю дал посмотреть дело, не упустили ли чего, тот зацепился за этот факт. Ткнул парня носом, тот позвонил Юрию, спросил, где оставался телефон, Юра ответил, что дома.

– Подожди, – перебила Марина, – как он мог упустить такой очевидный факт? Не выяснить, кто пользовался телефоном в отсутствие Юрия?

– Кино тебе, что ли? – вопросом ответил Павел. – А то ты не знаешь, что у каждого следователя по пятнадцать, двадцать дел в производстве. Он не одно дело расследует, в голове иногда такая каша, свое имя забудешь, не то что мелкий факт. И не перебивай, что у тебя за мода такая? Молодой решил допросить свидетелей на месте, взял оперативника, и они отправились к Юрию домой. Я столкнулся с ребятами случайно и напросился поехать с ними… – он сделал паузу и снова продолжил: – А Юрке было ясно, кто мог звонить по его телефону, когда его не было. Решил поговорить с Алиной, выяснить, что случилось, искал объяснения для себя. Мы подъехали к дому. Дверь оказалась открытой. Вошли в холл, Юра стоял на лестнице, Алина – внизу. На ней была кожаная куртка, видимо, только приехала или собиралась уезжать. Увидев нас, она достала из кармана пистолет и крикнула, чтобы мы остановились. Оперативник не ожидал такой жесткой встречи и тоже схватился за оружие. Юра кинулся к ней, кричал, чтобы она не дурила, он будет ее защищать несмотря ни на что. Но оперативник двигался в ее сторону, и она пальнула в него, а под выстрел попал наш герой. Я увидел, что легкое задето, – пена кровавая появилась на губах. Крикнул, чтобы скорую вызывали, и кинулся к ней. Алина выскочила в дверь и мгновенно выбралась во двор к своему мотоциклу. Я – в машину, погнался за ней. Короче, кончилось все как в плохом кино. Видимо, не справилась с управлением. Не ушла… Когда подъехал, мотоцикл – в одной стороне,

она, вся в крови, – в другой. Шлем не успела надеть, когда из дома выбегала. Я к ней подбежал, она еще живая была. Успела сказать: «Я не хотела... Юра жив?...» Выгнулась, захрипела, и все...

Павел замолчал, потом попросил:

– Принеси выпить, что ли.

Марина принесла из холодильника водки, взяла две рюмки, налила Павлу, себе. Они, не чокаясь, выпили. Помолчали.

Павел проговорил:

– Про остальное тебе Юра расскажет подробнее. Я толком сам ничего не знаю. Алина ему рассказала обо всем, что случилось, когда Юрка ее начал спрашивать... Такие дела. Когда ты кричала, что она способна кого угодно грохнуть, лишь бы тебя подставить, я думал: просто ревность, а это чутье. Грохнула. Правда, причина была не в тебе. Ладно, пойду, устал сегодня.

Марина проводила Павла до двери и вернулась в комнату. Она механически убирала со стола, мысли были далеко. Думала о том, как теперь хреново ее Юрке. Она и после развода считала Юрия своим. Убрав посуду, вышла на балкон и, ничего не видя, смотрела на их старый двор. В этом дворе они с Юрай выросли, да что там во дворе, они выросли в одном манеже. Он был старше ее на пять месяцев. Мама Маринны высидела в декрете месяца два. Потом загадочным образом пропало молоко, и мать со спокойной совестью вернулась в институт, даже академ не брала. Мама Юрия дружила с ней и предложила присмотреть за ребенком, все равно дома сидит, а где один, там и два. Оказалось, что с двумя детьми хлопот намного меньше, дети развлекали друг друга и почти не нуждались в обществе взрослых. Потом они вместе пошли в детский сад, оттуда в школу. Их даже не дразнили женихом и невестой, настолько все привыкли, что эти двое неразлучны, и не воспринимали по отдельности. Окончив второй курс института, поженились. Иногда она думала, что это была большая ошибка. Немного любопытства, немного гормонов и детская привязанность – не самая лучшая основа для брака. Возможно, поэтому детей в семье не было, но все же одиннадцать лет жизни были счастливой порой, и вряд ли они решились бы расстаться, если бы Юра не встретил большую любовь.

После развода Марина некоторое время чувствовала себя как сиамский близнец после операции по разделению. Вначале рана немного болела, но это искупалось полной самостоятельностью, неожиданной безграничной свободой, которая оказалась очень приятной штукой. А глядя на влюбленного Юрку, она тоже начала грезить о необыкновенной любви, которая ей непременно встретится. Сейчас она задавала себе риторический вопрос: «И чем это закончилось? То-то и оно. И ты бросай мечтать о всяких глупостях, одни беды от этой любви».

10

Ранним утром Марина хотела сразу ехать в больницу. Но, подумав, решила, что больного надо кормить домашней едой, жены теперь у Юры нет. Она сделала крепкий бульон, нежные «индейские», как говорил Юра, котлетки и компот из сухофруктов, любимый бывшим. Поэтому она приехала в больницу ближе к обеду. Пропустили в палату, и она, приоткрыв дверь, заглянула внутрь. У кровати Юры спиной к двери сидела ее любимая свекровь Вероника Павловна, про которую она почему-то забыла, когда решила, что ухаживать теперь за бывшим некому. Марина на цыпочках подошла к ней и притронулась к плечу. Та, вздрогнув, обернулась и расплылась в радостной улыбке, Марину она любила.

– Маринушка! Приехала, а мы тебя так ждем! – воскликнула она.

– Второго дня приехала. Мне Паша только вчера рассказал, и я сразу к вам, – шепотом ответила Марина, глядя на бывшего мужа. Тот лежал на спине с закрытыми глазами.

– Устал. Уснул, – односложно пояснила свекровь.

– Ничего я не уснул, – послышался тихий голос Юрия, – просто глаза закрыл. Маринка, как я рад тебя видеть.

Пока они перебрасывались незначительными фразами, Вероника Павловна выскользнула из палаты, и они не заметили ее ухода. Минут через пять она вернулась.

– Я пойду, наверное, Юрочка, – сказала она. – Вы тут без меня обойдетесь. А я договорилась с заведующим, чтобы Марину пускали в палату, официально-то она тебе никто. Вот, пропуск тебе выписали. – Вероника Павловна протянула ей небольшой клочок бумаги.

– Хорошо, мама, тебе пора отдохнуть, Марина побудет со мной, мы давно не виделись, – отозвался Юрий.

Когда Вероника Павловна ушла, Марина заняла место свекрови у кровати. Она взяла его руку, бессильно лежащую на белой простыне, и прижалась к ней щекой, потом поднялась и притронулась губами к его лбу.

– Да у тебя температура, – испугалась она.

– Есть немного, мне капают антибиотики, – ответил он.

– Юрочка, дорогой мой, говорят, тебе лучше и скоро ты поправишься. А я ругаю себя: как же так, такие ужасные события, а сердце ничего не подсказывало, отыхаю и отыхаю, – продолжала она, снова беря его руку. – Как же я рада, что ты жив.

– Марин, перестань, не бери в голову, – запротестовал Юрий.

– Такая потеря для тебя, для Егорки, – сделала паузу и продолжила: – Ты мой первый и лучший друг, это навсегда. Даже не друг, ты мой брат. Я так соболезную тебе и так завидую, что у тебя была настоящая любовь. Ты ее потерял, но ведь она была, а это главное. Я заметила у мамы в глазах надежду, что теперь, когда Алины нет, мы снова будем вместе, но в одну воду дважды не входят. – Она по привычке называла Веронику Павловну мамой.

Юрий молчал, слушал ее монолог.

– Ты права, Алины нет, но я все равно люблю ее, мне больно, что я ее потерял, – наконец сказал он.

Помолчал, собираясь с силами, говорить ему было еще трудно.

– Алина была слишком яркой, авантюрной, амбициозной. В ней все было через край, даже красота. За это, наверное, и любил.

– И ты простил ей смерть брата? Ну, пусть даже не брата, но она же убила человека. Она в тебя стреляла, она могла тебя убить, – возмутилась Марина.

– В меня она не стреляла, она стреляла в полицейских, меня задела случайно, когда попыталась ее остановить. А брат... Я даже не знал, что он у меня есть... Был. Никогда не видел его и, прости меня, не могу по нему скорбеть. Он косвенный виновник всего. Если бы он не появился в нашем доме, все было бы как прежде.

– Опачки, так в полицейских, значит, можно стрелять, а брат, оказывается, виноват, что она его убила, как чистокровная... бандитка, – опять возмутилась Марина. – Молчу, молчу. О мертвых ничего или хорошо. Раз не могу хорошо – замолкаю, – заметив протестующий жест Юры, сказала она. Помолчали.

– Я принесла домашний обед и собираюсь тебя кормить, время обеденное, а тебе надо силы восстанавливать, – скомандовала она.

Пообедав, Юра блаженно улыбнулся.

– Какая же ты кулинарка, Маринка, у мамы тоже все очень вкусно, но твою еду я все равно люблю больше. А такой вкусный компот не варит никто.

– Я тебя кормила одиннадцать лет, было время привыкнуть к моей стряпне, – отвечала Марина. – А ты поспи, после обеда обязательно нужно спать. А почему тебе больничную еду не несут, ты же больной?

– Мама договорилась, чтобы не носили зря, как в сознание пришёл, так она меня домашним кормит. В холодильнике еда всегда стоит. А ты не обидишься, если я усну? Правда, очень хочется спать.

– Спи, дорогой, я почитаю. У тебя, смотрю, тут книжечки вляются, – согласилась она.

Взяла в руки потрепанный томик, но читать не стала. Довольно долго она сидела с книгой в руках и смотрела на спящего Юрия. Она тонула в противоположных эмоциях, жалость боролась со злостью, сожаление с возмущением. В голове бродила туча мыслей, наконец она вздохнула и, тряхнув головой, будто отгоняя назойливую муху, принялась за книгу.

– А как твоя книга продвигается? – услышала она. Оказывается, Юрий проснулся и смотрит на нее.

– Какая книга, без книги хватает всякого. Но сроки начали поджимать, а я совсем потеряла к ней интерес. Не знаю, что делать, – уныло ответила Марина. – Ты же знаешь, я не могу из-под палки работать, а вдохновения нет. Если тебе нетрудно говорить, может быть, ты мне потихоньку начнешь рассказывать, как вы расхлебывали кашу, которую я заварила. Паша не стал, говорит, сам ничего

толком не знает, рассказал только, как к вам полиция наведалась и про гибель Алины. Кстати, с тебя допрос уже снимали?

– Понятное дело, не успел в сознание прийти, нарисовались, – он помолчал. – Когда сообщили, что Макс звонил на мой телефон, я понял: на звонок могла откликнуться только Алина. Телефон я оставил дома, а в командировку взял корпоративный. Значит, она в курсе дела, конечно, об убийстве не подумал. Решил обсудить, что делать, ведь ее могут заподозрить. Алина только вернулась домой, я ей про телефон: «Макс позвонил мне, на звонок ответила ты»... А она ж такая... Сразу в лоб: «Да, это я его убила. Я не хотела, так получилось, ради нашего будущего». – «Ты с ума сошла? – говорю ей. – Убивать людей ради будущего?» – Юрий замолчал, переживал все заново.

– Вот вкратце, что она мне рассказала, чтобы точку на этом деле поставить. Я только уехал, а на мой телефон – звонок. Алина ответила, думала, может быть, я звоню. А это незнакомый парень, спрашивает меня, представляется моим братом и объясняет, что я сам об этом еще не знаю. Ей любопытно стало, пригласила к нам посмотреть, что за брат такой. И с первого взгляда поняла: не врет. Сама знаешь, как он на меня похож... был. Он письмо матери показал, объяснил, что в компьютерах разбирается, ему человека найти не проблема. Алина стол накрыла, а он, когда выпил, рассказал, что ему надо быть осторожным, за ним бандиты могут охотиться. Попросил, пока я не приеду, спрятать, потому что здесь его никто искать не будет. Он бы отсиделся и потом в Питер махнул, дело у него там. Алина не спрашивала, что за дело, почему ищут. Это тебе все знать надо, а у нее принцип был «меньше знаешь, лучше спиши».

– Ага, я-то с криминалом дел не имела в отличие от нее, – не осталась в долгу Марина.

Юра игнорировал выпад и продолжал:

– Мне она звонить не стала, рассказывать по телефону посчитала бессмысленным. И придумала поселить Максима на нашей старой даче.

– Вообще-то эта дача уже третий год как моя, – опять не утерпела бывшая.

– Она знала, что ты там не живешь, – отозвался Юра. – Ты слушать собираешься или комментировать? Все она придумала: и тайное проживание, и перед соседкой объявиться, и даже моим армейским другом называться. Кучу нелепостей, чтобы всех запутать. Если вдруг что. Максу понравилась идея, и он там поселился. Алина в один из дней привезла ему продукты, приезжала на мотоцикле, со стороны леса, оставляла подальше от дома, чтобы ненароком Зоя не увидела. Других соседей там нет, сама знаешь. Они опять выпили, и этот придурок возьми да расскажи ей про автограф. Про то, что случайно увидел музеиного коллегу в кафе с одним типом, который занимается антиквариатом. Решил поговорить с ним, подсел в машину, спросил, что за дела. А тот про письмо рассказал, предлагал в долю войти. Макс треснул парня, автограф отобрал и решил доставить письмо в Пушкинский дом. Все под влиянием минуты. Потом понял, что встярал в опасное дело, антиквару его вмешательство не понравится, его будут искать, письмо отберут и самому не поздоровится. У Алины крышу сорвало от этой информации. Она вернулась домой и позвонила одному знакомому аукционисту в Лондон. Наводящими вопросами узнала примерную цену вопроса и решила, что это ее шанс.

– И чего ей не хватало? Для твоей Алины пятьсот тысяч евро не такие большие деньги, чтобы за них убить человека, родню к тому же, – опять перебила Марина.

Юрий поморщился: надоели постоянные контратаки Мариной.

– Полмиллиона евро или даже меньше – для любого деньги немалые, – и заявил, что на сегодня, пожалуй, хватит, он устал.

Марине пришлось ретироваться. Она ругала себя за язык, но решила, что оно к лучшему, Юре вредно много разговаривать, а завтра он все равно расскажет, куда денется. Вечером ее взяла в оборот Лера, пришлось обреченно выслушать бесчисленные перипетии ее вновь неудавшегося романа. Потом до Леры дошло, что ее слушают в пол-уха, и она спросила, как дела у Мариной. Та ответила, что Юрий в больнице, что весь день провела у него и просит прощения за невнимание, потому что очень устала. И это была чистая правда.

На следующее утро она снова появилась в больнице. Несмотря на вечернюю размолвку, Юра встретил ее радостно. Ему уже прока-

пали антибиотики, убрали капельницу, и он был «свободен». Марина напоила его компотом и, усевшись на стул, приготовилась слушать продолжение рассказа.

Юрий начал ровно с того места, которым закончил вчера:

– Я задавал ей тот же вопрос: чего ей не хватает? Дом в России, дом в Испании, машины, высокооплачиваемая работа, любимая семья. Что еще нужно человеку для жизни? А она мне – о перспективах. Фактически, по ее мнению, у нашей семьи перспектив никаких. У нее всего десять процентов акций, не приносящих почти никакого дохода, и пашет она на отца как наемная рабсила. Отцу чуть за шестьдесят, молодая жена в наличии, и проживет он лет двадцать. Алине же даже после его смерти достанется в лучшем случае еще процентов десять. А она тратит свои силы и жизнь на «дядю», который папа, конечно, но хуже дяди и просто использует ее талант и силы для собственных нужд. И ей надоело быть девочкой на побегушках, она хочет силы тратить на благо своей семьи, а не чужой.

Она жила мечтой открыть свое дело, и деньги ей были нужны. Алина хотела продать свои акции, присмотрела перспективный бизнес, но все равно не хватало. Вначале пыталась убедить Макса продать письмо и поделить деньги, предлагала помочь в продаже через знакомого в Лондоне. Но братец отказался наотрез, даже слушать не захотел. Тогда она рассудила, что вся сумма лучше, чем половина, раз не хочет делиться, не получит ничего. Так что пришлось ей Макса убить. Она понимала, что никто не свяжет убийство с нами, и не связали бы, не опознали и убийцу не нашли. Мало ли кого убивают на чужих дачах. Если бы ты не вмешалась и не решила, что он похож на меня.

Юра замолчал, а Марина напряженно думала о чем-то.

– Как всегда, я у тебя виновата и бедный погибший брат. Я только одного не понимаю. Как так? Алина была в кухне два раза, но ее отпечатков пальцев не нашли. Там только наши с Зоей отпечатки и Макса. Я не понимаю. Она же не дух святой.

– В первый раз, когда она привезла Максу продукты, сидела с ним за столом, они выпивали, тогда он и проболтался про письмо. Но после ее ухода он посуду вымыл, стол вытер, следов не осталось. А во второй раз она была недолго и уже предполагала криминал, на вся-

кий случай прихватила оружие с собой. Потому не сняла лайковые перчатки, они очень тоненькие, у Макса подозрений не вызвали, а может быть, и внимания не обратил. Она привезла продукты и, пока он выкладывал их в холодильник, сидела на диване, случайно засунула руку под подушку и наткнулась на его пистолет. Ей показалось, что из его пистолета убить будет безопаснее. Свое оружие не придется засвечивать. Когда он сел на ее место, от двери пальнула прямо в сердце и потом, не торопясь, обыскала все. Нашла письмо и удалилась как ни в чем не бывало, – закончил рассказ Юра. – Она мне сказала, что письмо спрятала среди компакт-дисков. Выздоровею – найду. Вот и все.

– Погоди, – спросила Марина, – а ключ у нее откуда?

– А про ключ, честно говоря, я забыл, что у меня один оставался, валялся в ящике в прихожей. А она нашла и отдала Максу.

Они надолго замолчали.

– Получается, Макс зря прятался. Музейщик его не сдал, и никто за ним не гнался и не искал. И вообще до ужаса дурацкая история. Все участники ведут себя как умалишенные. Это что, большие деньги так на людей действуют? – задала Марина риторический вопрос.

– Получается, если бы он поехал сразу в Петербург, отдал письмо – и никаких смертей, – задумчиво отозвался Юрий. – Перестраховался.

– Выходит, что так. Никаких смертей... – эхом повторила Марина.

Больше они эту тему не затрагивали.

11

Дальше жизнь пошла по накатанным рельсам, Юрий потихоньку выzdоравливал, Марина регулярно его навещала. Три года они общались урывками, а сейчас наверстывали упущенное время. У них всегда находилось, о чем поговорить, и теперь они часами болтали.

В один из дней в палату Юрия властно вошел пожилой человек, за ним следовали два охранника. Человек сделал предупреждающий жест, и охрана попятилась за дверь. Он хмуро посмотрел на Юрия.

– Ну, здравствуй, зятек, – прошел сквозь зубы. – Оклемался?

Юрий приподнялся на подушке, его лицо стало напряженным.

– Вашими молитвами, – сухо ответил он.

– Считай, повезло. Алинка не промахивалась, – зло ухмыльнулся вошедший.

– Вы прекрасно знаете, что она стреляла не в меня. Чем обязан? – задал вопрос Юрий.

– Не волнуйся, ты меня больше не интересуешь. И, кстати, у нас больше не работаешь. Я хочу знать, где мой внук?

– Мой сын не должен вас интересовать. У него все прекрасно, за ним есть кому присмотреть, пока я в больнице.

Марина во все глаза наблюдала за происходящим. На нее вошедший мужчина не обратил ни малейшего внимания, и она впервые в жизни почувствовала себя мебелью.

– Твой сын? Егор – сын Алины и мой наследник, он должен жить в моем доме.

– В вашем доме? С вашей женой и чужими няньками? Вы не понимаете, что ваша жена его ненавидит всей душой? Опасней места, чем ваш дом, для Егора не найти! Вы дочь потеряли, хотите еще и внука потерять?

– Ты чего несешь, лишенец? Какая опасность может ему грозить в моем доме?

– Любая: с лестницы упасть, отравиться, в бассейне утонуть. Мало ли способов маленького ребенка угробить. И наследство ему ваше не нужно, лучше нового наследника себе сделайте. Вашей жене еще рожать и рожать. А если эта не хочет, другую заведите, – дерзко заявил Юрий.

От такой наглости мужчина лишился дара речи. Он молча смотрел на Юрия, медленно барабаня, затем резко повернулся и вышел из палаты, громко хрястнув дверью. Не успела за ним закрыться дверь, как Юрий схватил телефон и стал звонить матери:

– Мама, срочно уходите с Егоркой из квартиры, лучше к надежным соседям, хорошо бы в соседний подъезд. Ты сама знаешь, к кому. Вот прямо сейчас, не надо ничего спрашивать, делай, как говорю. Ты хочешь, чтобы Егора похитили? И вечером вам нужно будет уехать.

Юрий на несколько минут задумался. Снова набрал номер:

– Настя, можешь говорить? Тут дело образовалось неприятное. Ты можешь приютить мою маму и сына на пару недель? Пусть не у тебя, можно квартиру снять, но им нужно пожить вне дома, потом объясню, в чем дело.

Выслушал ответ, закончил разговор:

– Спасибо, перезвоню.

Марина следила за ним со все возрастающим удивлением и тревогой.

– Юра, это что сейчас было? – взволнованно спросила она. – Что за Хаммурапи* такое? Может быть, я могу помочь?

– Ты же догадалась, это мой тестя собственной персоной, – нехотя ответил он. – Вожжа под хвост попала. Егора может забрать, судись потом с ним. Шла бы ты, Марина, домой. Может быть, твоя помощь тоже понадобится.

– Юра, маме звони, пусть к Лерке идет, это как раз другой подъезд, и они всегда помогут. А молчать будут, как партизаны. Я сейчас с ними созвонюсь, объясню. Я бы Егора к себе взяла, но твой тестя меня может заподозрить, а тут посторонние, не будут же они весь дом обыскивать.

Вечером Юрий позвонил, чтобы узнать, как дела:

– Не переживай, они прекрасно устроились, а ехать им сейчас не надо, за домом могут следить. Слушай, мы идем неверным путем твоего братца. Сами придумали, сами дел натворим, – поделилась Марина опасениями.

– Марин, я не хочу рисковать Егором, он единственное, что у меня осталось, лучше спрятать его.

И Марина не могла с ним не согласиться.

Едва она успела положить трубку, как затрезвонил домофон. Она удивилась. «Кого это черти на ночь глядя принесли?» – и сняла трубку.

* Хаммурапи – имя царя, который правил более 3,5 тысячи лет назад в Древнем Вавилоне. Более известен по кодексу законов Хаммурапи. Имя использовано главной героиней безотносительно к личности царя, просто как экзотическое. Местоимение «такое» применено в несколько уничижительном варианте.

В трубке послышался хриплый приказ:

– А ну открывай дверь!

Марина сразу поняла, кто явился к ней в гости.

– С какой кстати? Кто вы такой? – возмущенно спросила она.

– Открывай, – сказал другой голос. – Мне нужен Егор, и я знаю, что он здесь.

– Какой еще Егор? И почему вы ищете его у меня? – вопросом на вопрос ответила Марина.

Одновременно она набирала номер однокурсника, который служил начальником райотдела полиции:

– Игорь, извини, что звоню, ты на работе? Мне срочно нужна твоя помощь.

– Я не на работе, но помочь всегда готов. Чего у тебя приключилось? – ответили на другом конце провода.

– Ко мне амбалы ломятся от Юркиного тестя, он внука ищет почему-то у меня, я не при делах, но запускать к себе этих бандитов опасаюсь. Пришли ребят, пусть их задержат, а утром разберемся, – попросила Марина.

– Да не вопрос, сделаем в лучшем виде. Через пять минут будут у тебя. Адрес напомни, чтобы не ошибиться.

Она продиктовала адрес и приготовилась ждать патруль. Неожиданно в ее металлическую дверь изо всех сил забарабанили, видимо, кто-то из соседей впустил непрошеных гостей. В глазок Марина разглядела здоровенных парней, которые долбили злосчастную дверь, вызывая неимоверный грохот. Стоял поздний вечер, и, испугавшись недовольства соседей, она повернула ключ. Дверь с силой ударила в плечо, ее отнесло к противоположной стене прихожей. Она еле удержалась на ногах и ухватилась за косяк, чтобы не упасть. В квартиру ворвались два охранника и пожилой мужчина, знакомый по больнице.

– Ты что, с первого раза не понимаешь? Где Егор? Тебя спрашивают по-хорошему пока! – яростно прохрипел Юркин тестя.

– Вы совсем сдурели? Берега попутали? Вы с первого раза не понимаете, я сказала на чистом русском языке: «Понятия не имею, где Егорка». Должен быть у бабушки, у нее и спросите, – разозлилась Марина.

– Ах ты шлюха! – рявкнул тестя. – Врет да еще хамит! – Он треснул кулаком по косяку двери над ее головой. – Говори!

– Пошли вон отсюда! Вас в гости никто не звал. Сейчас полиция приедет! – возмущению ее не было предела.

– Осмотрите все! – отдал приказ тестя своим охранникам.

Двоих оттолкнули хозяйку и прошли вглубь квартиры. Оттуда послышалось хлопанье дверей, грохот падающих предметов, отборная ругань. Наконец амбалы вернулись.

– Никого нет, – отрапортовали они хозяину.

– Что, тварь, успела спрятать у соседей? Говори, у кого, а то сейчас весь дом перевернем, – опять прохрипел тестя.

Его лицо исказилось от злости, и он изо всей силы толкнул Марину. Она, не ожидавшая толчка, отлетела к стене, ударилась затылком о стенку и сбила тумбочку, на которой стояла большая китайская ваза. Ваза не удержалась на месте и свалилась на пол, разбившись на мелкие кусочки. Марина от неожиданности ахнула и схватилась за затылок, у нее выступили слезы.

– Бандиты! – она взяла вторую вазу и с трудом подняла ее над головой, намереваясь кинуть в тестя, но один из охранников ударом дубинки расколол вазу у нее в руках. Осколки посыпались на нее, один осколок порезал руку, а другой, крупный, скользнул по голове. Кровь хлынула из раны и залита лицо. Марина спиной оперлась о стену и сползла на пол.

Когда в квартиру ворвались полицейские, они увидели засыпанную осколками фарфора прихожую и окровавленную хозяйку, сидящую на полу. Видимо, зрелище было феерическим.

Старший патруля тут же скомандовал бандитам: «Руки!» И полицейские, угрожая автоматами, надели на них наручники. Охранники безропотно подчинились, и даже Хаммурапи утомонился. Ясное дело, с автоматчиками дискутировать – себе дороже, это же не хрупкая барышня. Все случилось в одну минуту, Марина даже не успела сообразить, что к чему, как нападавших бандитов и тестя вывели в подъезд.

Тут в коридор ворвалась Лера. Увидев окровавленную подругу на полу, она заголосила в лучших традициях русских плакальщиц:

– Ой, да что же?.. Ой, да как же?..

Марина поморщилась:

– Да прекрати причитать, без тебя весело.

Она обратилась к старшему полицейскому:

– Мне нужно проехать в отделение? Заявление написать?

– Заявление вам писать, конечно, нужно, но для начала следовало бы проехать в травмпункт, чтобы вам оказали первую помощь и зафиксировали побои и повреждения. Такое нельзя оставлять безнаказанным.

– В травму мы сейчас поедем. Я ее сопровожу – и потом сразу к вам, – затараторила Лерка, обрадованная возможностью поучастовать. Она всегда находилась в готовности броситься к ближнему на помощь.

Полиция с задержанными удалилась, а Лера принялась фотографировать прихожую и Марину на телефон:

– Такую красоту надо для потомков и суда зафиксировать, а то сейчас тебе помочь окажут, и все. Ничего не докажешь.

Лера была медиком, и, к счастью, дежурный врач в травмпункте оказался ее знакомым. Им не пришлось долго сидеть в очереди, быстро обработали рану на лбу, фактически это была не рана, а добродушная ссадина, которая пришла на волосистую часть головы. Врач успокоил, сказав, что шрама видно не будет. Кроме того, у нее оказалась огромная шишка на затылке и признаки легкого сотрясения мозга. Еще в горячке «общения» было вывихнуто плечо, но она этого не почувствовала. Плечо тут же вправили, руку зафиксировали. Выдали бумагу о полученных травмах и направление в больницу, потому что врач советовал недельку полежать. «С сотрясением не шутят», – сказал он.

Из травмпункта Марина вышла с перебинтованной головой и рукой на перевязи. Лера не преминула запечатлеть и этот вид. Они направились в отделение полиции, где Марина написала заявление, а Лера дала свидетельские показания.

Поздно ночью они были дома. Подруга помогла убрать осколки китайских ваз, расставить по местам опрокинутую мебель и вытереть пол. После праведных трудов она потребовала организовать по сто граммов.

– Не пьянства ради, а пользы для, – как она выразилась. – У тебя, мать, чистый стресс, я тебе как медик говорю. Выпить надо, а то не уснешь, – убеждала она подругу, которая пить категорически не желала.

– У меня нынче летом – сплошной стресс, я только и делаю, что пью. Ты хочешь, чтобы я спилась? – отнекивалась Марина.

Но Лера не отставала от нее, и, сдавшись, чтобы отделаться, она выпила и попросила оставить ее одну. Неожиданно для себя уснула крепко, без сновидений.

Проснулась в обед с сильной головной болью и поняла, что стоит обратиться в больницу. Больниц она не любила и побаивалась, резонно считая, что русская медицина бессмысленна и беспощадна, но решила, что сейчас повод внушительный.

«Марина Алексеевна, – обратилась она к себе, – с « сотрясом» лучше не шутить».

Она отправилась в больницу, и ее госпитализировали. Врач сказал, что полежать нужно дней десять, но если она не будет вставать с кровати, то, может быть, хватит недели. Марина не спорила, она была не прочь полежать в этой больнице. Ведь здесь лежал Юрий. Ему уже разрешили вставать, и теперь он приходил к ней палату.

Вероника Павловна с Егором отбыли в Иркутск, пока Хаммураби находился в отделении полиции. С легкой руки, точнее, языка Марины к Юриному тестю приклеилась эта кличка. А она заявила Юрию, что теперь, пожалуй, понимает Алину. Поневоле пойдешь на любое преступление, лишь бы избавиться от этакого самодура. Только лучше бы она своего папашу прикончила, пользы и ей, и людям было бы больше.

12

В один из дней тесть имел наглость явиться к Марине в больницу. Он предложил деньги за то, что она заберет заявление.

– И не подумаю, – ответила она. – Я юрист, мое дело следовать закону, а то, что вы творите, даже не беззаконие, а полнейшее самодурство. И вам пора понять, что у вас нет абсолютной власти, чтобы быть абсолютно безнаказанным. Мне не нужны ваши деньги, хотя вы мне их заплатите по суду и за материальный, и за моральный ущерб.

– И что за материальный ущерб ты выдумала? Что там у тебя ценного могло быть? – зло спросил тесть.

– Те вазы, которые вы изволили расколотить, были куплены в Китае, каждая стоит семь тысяч долларов. Документы у меня имеются. Плюс моральный ущерб. Думаю, тысяч в двадцать долларов вам обойдется непрошеный визит. Это я еще не рассматривала ущерб здоровью, больнице счет оплатите и травмпункту за мое лечение. Дебоши разных господ не должно оплачивать государство, – Марина говорила совершенно спокойно и совершенно не боялась этого типа, что привело его в неконтролируемую ярость.

– Это ты мне за все заплатишь, наглая дрянь! – орал он на всю больницу. – Ты до суда не доживешь! – А дальше шла отборная матерщина с описанием того, как он с ней будет расправляться.

Марина успела включить диктофон в телефоне и записала все угрозы.

– Послушайте меня, – тихо ответила она, – я понимаю ваше горе, вы потеряли dochь, даже сочувствую, но вам лучше держать себя в руках. Свидетелей ваших угроз – полбольницы, записи с диктофона будут переданы куда следует, а вам за мою жизнь и здоровье теперь надо молиться. Что бы ни случилось со мной: кирпич упадет на голову, машина наедет, в ресторане отравят – в этом обвинят вас. Так что в ваших интересах, чтобы со мной все было благополучно. Вам впору меня охранять теперь.

На этом разговор закончился, Хаммурапи в ярости покинул палату, а Марину пробило на слезу. Она рыдала долго, пока подушка не намокла, пока не прибежала медсестра и не сделала успокаивающий укол. Она плакала вовсе не из-за тестя и не от страха (она вообще плакала очень редко), просто это была последняя капля. Накопилось до предела, и она выплакивала ужасные события этого ужасного лета.

А потом был отвратительный долгий судебный процесс. Тесть прилагал массу усилий, чтобы выйти сухим из воды. И она отдавала себе отчет, что, если бы не работала в мэрии, не имела кучу друзей в органах и неподкупных свидетелей, ничего бы не вышло. В конечном итоге тесть и его телохранители отделались двумя го-

дами условно. Марина была огорчена, что реально посадить их не удалось, хотя, кроме нее, к делу подключились недруги Хаммурапи, которых у него водилось немало. Она получила деньги за моральный и материальный ущерб, сумма в пересчете на американские рубли составила девятнадцать тысяч. Неплохой результат, если подумать, против кого она осмелилась выступить.

Самым забавным в этой истории Марина считала оплату материального ущерба за разбитые китайские вазы. После женитьбы они с Юрий были в турпоездке по Китаю. Выбирая сувениры, в одной лавочке наткнулись на эти фарфоровые вазы, пятьсот долларов каждая, и по глупости решили купить. Стоит только вспомнить, как они намучились с ними, пока довезли. И потом не знали, куда пристроить, ничего китайского или восточного в их интерьере не было. Продавец, выдавая документы на вывоз, спросил, какую сумму проставить, и они замахнулись на семь тысяч за вазу – хотели казаться себе богачами. Студенты, что с них взять, в то время для них и тысяча долларов была сумасшедшими деньгами. Шутка получилась в конечном итоге прибыльная. Марина как юрист прекрасно сознавала, что переступает черту, невинный мухлеж превратился в банальное мошенничество. Все же желание наказать наглого обидчика оказалось сильнее. И дело было не в деньгах, ясное дело, что для Хаммурапи и две тысячи, и двадцать тысяч долларов не деньги. Она все понимала, но ничего не могла с собой поделать – чувство справедливости требовало удовлетворения, и деньги немного приерили ее с условностью его наказания.

Наступил ноябрь. Изломанные, озябшие ветки деревьев тянулись к небу, чертя на нем жесткие узоры, а оно, темное, набухшее влагой и снегом, низко нависало, делая деревья еще более мрачными и корявыми. Солнце исчезло и уже много дней не могло пробиться через эту непроницаемую преграду. Остатки опавших листьев устилали мостовые и траву, перемешиваясь со снегом и грязью.

Марина уютно устроилась у окна кафе и сочувственно поглядывала на редких прохожих, которые быстро пробегали мимо окон, чуть сгорбившись от падавшей сверху влаги: не то дождя, не то снега.

Под ногами у прохожих хлюпала грязно-снежная каша, от которой не было спасения. Сидя в тепле и сухом уюте кофейного пространства, с удовольствием вдыхала аромат кофе и думала, что запахи занимают так много места в ее жизни. Например, аромат кофе всегда вызывал мечты о местах, в которых никогда не бывала. Она мечтательно произносила: «Тенерифе, Ямайка», и перед глазами вставали море, жаркое солнце, пальмы, танцующие веселые смуглые люди.

Запах цветущей вишни переносил в детство. В первом классе ее ненадолго отправили учиться к бабушке. Дорога от дома до школы проходила по улице, обсаженной вишневыми деревьями. Весной маленькая Марина ходила по этой дороге с портфелем и огромными бантиками в косичках. Цвели вишни, жарко светило солнце, журчали пчелы. Запах цветущих вишен кружил голову и был таким густым и сладким, что от него становилось сладко во рту. Теперь Марина стала большой, и ей казалось, что так выглядит дорога в рай.

Она вздохнула, даже помотала головой, отгоняя несвоевременные воспоминания, и посмотрела в чашку – кофе закончился. Уходить из уютного тепла в холодную сырость не хотелось, и она решила заказать еще чашку. Капучино она уже выпила и во второй раз заказала кофе по-венски. Получив заказ, немного разочарованно поболтала соломинкой в бокале и, отхлебнув глоток, поняла, это не то, что хотела. Вспомнилась нарядная, шумная Вена, очаровательные венские кофейни, тонкие фарфоровые чашечки с кофе и необыкновенно вкусные пирожные.

«Что-то, Марина Алексеевна, тебя сегодня одолевают воспоминания, – подумала она, – в Вене сейчас, скорее всего, тоже льет холодный дождь. В Европе сейчас везде холодно, в Азию не хочется, не в Мексику же лететь за солнцем. Впрочем, чего это я размечталась про солнце, уехать я не могу».

Она принялась размышлять о предстоящих хлопотах. Рукопись была сдана в срок, теперь над ней работал редактор, постоянно донимая правками. Издательство собирается выпустить книгу к Новому году, кроме того, переиздает первую книгу. «Второе издание первой, первое издание второй – смешно», – усмехнулась она. Потом будут конференции, презентации, встречи с читателями и прочая утоми-

тельная чепуха. Марина не лукавила, она действительно не любила встречи с читателями, а тем более журналистами, и пустопорожние разговоры ни о чем.

«Одно дело – написать текст, прожить часть жизни со своими героями, ведь в литературного героя писатель невольно вкладывает мысли, чувства, эмоции, они становятся живыми для него. Другое дело – пытаться объяснить посторонним людям, что ты хотел сказать, когда твой герой делает или говорит то-то и то-то. Да ты понятия не имеешь, что и почему делает. Не помню у кого читала, что не писатель пишет роман, а роман пишет писателя», – размышляла Марина.

– Разрешите присесть? – услышала она и подняла голову, перед столиком остановился молодой человек и вопросительно смотрел не нее.

– Да, конечно. – Она осмотрелась, свободных мест в кафе не было. – Я уже ухожу.

Расплатившись, она вызвала такси, чтобы не шлепать по снежной каше.

«А парень выглядел разочарованным, когда я так быстро слизяла, – усмехнулась она про себя, – может быть, стоило остаться, глядишь, знакомство бы завязалось. Кажется, он был симпатичный, – продолжала размышлять она, сидя в такси. – Мне необходимы новые знакомства, романы. Я чувствую, что стою на пороге нового, любовь ждет меня, и она рядом. Главное, не пропустить». Она уже забыла свои слова после гибели Алины, что «не стоит грезить о всяких глупостях», и снова мечтала о большой любви.

Доехала до дома, не переставая думать о себе и о том, как жить дальше. События лета и осени вымотали все нервы и силы, сейчас больше всего хотелось уехать в тепло и солнце, тупо лежать на пляже и не думать.

«Я устала думать, надо же. В конце концов, я просто устала, – разговаривала она сама с собой, – я работала как папа Карло, и я молодец: суд выиграла, книгу написала, убийство раскрыла, ну пусть не сама, но без меня ничего бы не раскрыли. Да, еще и автограф Пушкина мы с Юркой нашли. Макс держал его для сохранности в коробочке от компакт-диска. Мы и нашли его в фонотеке, среди дисков. Потом

Юра передал его в Пушкинский дом, как того хотел Макс. Жалко об этом только мельком в СМИ было, кому нынче это интересно. Зато у литераторов чуть инфаркты не приключились от счастья. Какой восторг я испытала, когда открыла коробочку и увидела знакомый бисерный почерк поэта! До чего волнительно было представлять, как он писал быстрые строки на этом клочке бумаги...»

Раздавшийся телефонный звонок отвлек Марину от воспоминаний и подведения итогов, реальная жизнь требовала внимания. Звонил редактор, одно место в книге казалось ему психологически недостоверным. Смешно, но Марина как раз описала там реальное событие.

– Действительно, на бумаге реальная жизнь кажется иногда надуманной. Интересные создания, эти читатели, – посетовала она в очередной раз, – в реальные вещи не верят, а сплошная выдумка попадает в десятку. Еще считают, что все написанное писателем, – это про него самого, а все герои имеют прототипов. Смешно, но попробуй их переубеди.

Промелькнули дни, Новый год неожиданно сменился Женским днем, и календарная весна вступила в свои права.

«Еще немного – и лето не за горами. Дай нам бог прожить этот год в мире и согласии, здравии и благодеяния», – думала Марина.

Она расквиталась с издательством, выпустившим ее книги, получила гонорар, и теперь свободная, как птица, ожидала свой рейс в аэропорту Шереметьево, позволив себе наконец отдохнуть: море, солнце и пальмы.

Часть 2

Случайная встреча

1

Весеннее солнце яростно билось в огромное окно аэропорта Шереметьево, возле которого устроилась Марина Алексеевна, в присторечии именуемая Мариной. Она морщилась от вездесущих лучей и сожалела, что черные очки остались в багаже. Покупать новые не хотелось: цены в Шереметьево зашкаливали, было жалко понапрасну тратить деньги. Отойти от окна в тень она тоже не желала, солнце – это все, чего сейчас жаждала ее душа.

Устав от зимы, Марина отправилась отдохнуть. Долго думала, куда податься, пока не выбрала для путешествия португальскую столицу. Хотелось отдохнуть в Европе, и она решила, что в Португалии будет чуть теплее, чем в другой европейской стране.

Она прислонилась лбом к прохладному оконному стеклу, а в голове надоедливо крутилась детская считалочка. «Раз, два, три, четыре, пять! Я иду себя искать! – она немного изменила текст. – И где ты, старуха, умудрилась на четвертом десятке себя потерять? Почему тебе всегда не хватает того, что имеешь? Вечно подавай журавля в небе, – задавалась она вопросами, на которые не было ответа. – А любовь искать бесполезно, если потерял сам себя».

Наконец, отмахнувшись от надоедливых мыслей, как от осенних мух, она начала придумывать, чем занять себя на отдыхе. Вдруг за спиной послышались легкие шаги и приятный мужской голос спросил:

– Девушка, не желаете прогуляться со мной до городу Парижу?

Марина вынырнула из задумчивости, стремительно обернулась и увидела высокого молодого человека. Некоторое время разглядывала его и молчала. Под пристальным взглядом незнакомец смущился.

Она улыбнулась и ответила:

– С превеликим нашим удовольствием...

Последовала небольшая пауза.

– ...могла бы ответить я, но лечу в Лиссабон.

– Не может быть! Не поверите, у меня тоже билет до Лиссабона! – воскликнул незнакомец.

– Так зачем вы приглашаете честную девушку в Париж, если сами туда не летите? – поинтересовалась Марина укоризненно. – А вдруг бы я согласилась?

– Согласились бы, полетели, но получилось куда лучше: мы оба летим в один прекрасный город. Надеюсь, вы без спутника? В таком случае почему бы нам не путешествовать вместе?

– О! – нахмурилась она. – Я не собираюсь ни с кем путешествовать.

– Тогда скоротаем время вместе? Рейс еще не скоро, можно выпить кофе или по бокалу вина. Соглашайтесь.

И она согласилась. Они уютно устроились у окна кафе и заказали сухое красное вино. Молодой человек вопросительно посмотрел на нее.

– Как мне вас называть? Меня зовут Станислав, для друзей – Стас, вам тоже можно, – представился он.

– Марина, – назвалась она.

– Предлагаю отметить наше знакомство и выпить на брудершафт, не люблю выкать, а перейти на ты воспитание не позволяет, – предложил Стас, протянул бокал, и они церемонно скрестили руки, слегка склонив головы.

– Честно говоря, ты меня впервые в жизни смущила, – сразу переходя на ты, сказал Стас, – так долго меня еще ни одна женщина не разглядывала. Обычно дамы смущаются, но чтобы я... Неожиданно.

– Ничего необычного, просто в школьном драмкружке научили держать мхатовскую паузу. Это действует не только на сцене, в жизни еще эффектней, – пояснила Марина.

– Я бы сказал эффективней, я себя реально дураком почувствовал, смотришь и молчишь. Непонятно, что делать. Хотелось сквозь землю провалиться, – признался Стас.

– Прошу прощения, какие мы нежные, – засмеялась Марина.

– Забавно, ты не поправила мою фразу про Париж. Тоже знаешь этот мультик?

– Конечно. Это из «Поморских рассказов», там собачка Жужа и кошка Маха отправились выручать своего хозяина. И голос за кад-

ром говорит: «...и пошли они до городу Парижу». Я много фразочек из этого мультика помню: «Пинжак с карманами», «Ваня, я ваша навеки!».

– Последняя фраза мне особенно нравится, – улыбнулся новый знакомый.

– Не наглей, – отрезала Марина, но быстро сменила гнев на милость.

Они некоторое время вспоминали старые мультики и фильмы, смеясь и радуясь как дети. Оказалось, что они смотрели и любили примерно одно и то же.

– Ты дитя перестройки, откуда такие «фундаментальные» знания советских шедевров? – поинтересовался Стас.

– Так я родилась в Советском Союзе, когда перестройка началась, я уже в школе училась.

– Не может быть, – не поверил Стас, – тебе не больше двадцати пяти.

– Комplимент засчитан, но я родилась в год Олимпиады. А мультики и фильмы у нас дома смотрели только советские. Папа не хотел, чтобы я пропитывалась русской «чернухой» или тлетворным духом Запада.

– Странно, женщины обычно скрывают возраст, – удивился Стас.

– Ничего странного, мне еще рано скрывать, а в старости захочешь, не скроешь, – усмехнулась она.

– Ты красивая, почему не захотела стать актрисой? – через некоторое время снова спросил он.

– При чем тут красота и с чего ты взял, что не захотела? – удивилась Марина.

– У тебя другая профессия, значит, не захотела.

– Ты что, ясновидящий? Профессии угадываешь сходу.

– Я не знаю, чем ты занимаешься, но точно не актриса.

– Красивая девушка не профессия, и потом, я просто симпатичная. В театральных вузах по пятьсот человек на место, а я не люблю очередей. К тому же наигралась: в институте в студенческом театре была примой, сейчас в народном театре играю по выходным. Прекрасное хобби, а как профессия – полный отстой. Поэтому я юрист.

– Юрист – звучит солидно, но, наверное, скучно.

– А ты, кстати, чем скучу убиваешь? – немного задетая такой оценкой, спросила Марина.

– Компьютерные технологии, – коротко сказал Стас.

– Интересное занятие. Я в этом мало что понимаю, так, слегка продвинутый пользователь, – созналась она.

Потом они немного вспоминали славное студенческое прошлое. Несколько забавных историй из студенческой жизни повеселили обоих. Если люди любят одно и то же и смеются над одним и тем же, они обнаруживают некоторое родство душ. Когда объявили рейс, им казалось, что они давно и прочно знакомы.

Перелет до Лиссабона оказался более утомительным, чем ожидала Марина. После того как им предложили ужин, свет в салоне погас, пассажиры погрузились в сон, но Марина в дороге спать не умела. Ее новый знакомый тоже отключился.

«Что делать? Лететь до Лиссабона больше четырех часов. Читать темно, поговорить не с кем, устала, а спать не могу. Плохая из тебя путешественница, Марина Алексеевна, Миклухо-Маклай в окружении дикарей с копьями уснул, а ты в самолете не можешь», – размышляла она.

От скучи стала разглядывать спящего соседа. Теперь можно было это сделать беспрепятственно. С первой секунды поразил его взгляд. Давным-давно этот взгляд привиделся во сне, зачастую она искала его в толпе. Одновременно ласковый, ироничный, внимательный, казалось, обладатель взгляда видит тебя насквозь. Совпадение поразило.

«Надо же, – подумала она, когда незнакомец первый раз взглянул на нее, – мне послали сон, чтобы я узнала, когда встречу».

Новый знакомый был привлекателен: черты лица правильные, лицо слегка вытянутое, с высокими славянскими скулами, четко очерченные губы, прямой с легкой горбинкой нос, которая не портила лицо, а придавала своеобразие. Русые волосы, густые, слегка волнистые, были собраны в небольшой хвост. Впрочем, прическа ей не нравилась, она любила стильные стрижки.

«Пропала ты, Маринка, влюбишься ненароком, что с этой любовью делать будешь? Банальный курортный роман случится в лучшем случае. Влюбиться во взгляд – это нормально? К взгляду целый

человек прилагается. И что за тип, непонятно совершенно. Сердцеед, похоже», – мысленно разговаривала она с собой и не заметила, как голова склонилась сначала на спинку кресла, потом перекочевала на плечо соседа. Неожиданно для себя она крепко уснула. Очнулась только в аэропорту Лиссабона, когда ее легонько потрясли за плечо. Марина открыла глаза и спросонья не очень поняла, где она и кто с ней, но, увидев Стаса, склонившегося над ней, сразу вспомнила.

– Просыпайся, мы прибыли. За бортом – славный город Лиссабон.

Та радостно улыбнулась, почувствовав себя вполне отдохнувшей.

– В каком отеле будешь жить? – спросил попутчик.

Она достала туристический ваучер, назвала отель.

– Не может быть, я тоже забронировал этот отель. Не иначе сама судьба столкнула нас. Так что хочешь не хочешь, а мы путешествуем вместе.

Стас был вольным путешественником, и ему пришлось добираться до отеля самостоятельно. Когда Марина вошла в холл, залитый ярким светом, он уже получил ключ от своего номера и ожидал ее прибытия.

– А ты чего тут сидишь? – спросила она.

– Тебя жду, а то поселят неизвестно куда, ищи потом. Я твою фамилию и телефон не спросил, – пояснил он, проводил до номера, пожелал спокойной ночи и отправился восьмого этажом выше.

Марина вошла в номер и ахнула от восторга. Выбирая пятизвездочный отель, рассчитывала на приличные условия, но такой роскоши не ожидала. Колониальный стиль, простор. В ванной комнате имелось джакузи, в шкафу для одежды можно было поселиться. Быстро принявшись душ и накинув уютный махровый халат, она выглянула на балкон. Тот тоже был большой, но погода на улице казалась мерзкой, пришлось юркнуть обратно в номер. Это обстоятельство огорчило: ледяной ветер с дождем и непроглядная тьма. Черная-черная ночь, без малейшего проблеска, только над головой пролетели отвратительные твари, не менее отвратительно вопящие. Она решила, что это большие летучие мыши, передернув плечами от отвращения и, погрустив от предстоящего испытания мокрым холодом, улеглась спать.

«Ничего, Марина Алексеевна, дома сейчас минус пятнадцать, холодная нынче весна выдалась, а тут все же плюс», – попыталась утешить себя.

Утром ее разбудил сигнал будильника: на часах было восемь.

«По Москве, значит, десять, по нашему времени – час, то есть обед, – подумала она, – так что самое время позавтракать».

Марина подошла к окну и нажала на кнопку. Шторы разъехались, открывая окно, хитрый механизм был изучен еще вчера ночью. От неожиданности и восхищения ахнула, в номер ворвались солнце, синь моря и неба. Она выскочила на балкон и принялась рассматривать окрестности. Между отелем и морем располагались жилые кварталы. Красные черепичные крыши характерны для всех приморских городов, дома, видные в просвет узеньких улиц, были разноцветными. Это выглядело очень нарядно, даже сказочно, как будто веселый художник-великан расписал кубики и высыпал на берег моря на радость жителям.

Неожиданно Марина услышала над головой уже знакомый отвратительный звук. Она подняла голову и рассмеялась: «Ночью у страха глаза велики. Надо же, придумать летающее зверье. Мадагаскар тут тебе, что ли. Это всего лишь чайки! Никогда не замечала, что они так мерзко орут».

Заглядевшись на окружающую красоту, чуть не пропустила завтрак. Спохватившись, наскоро совершила утренние процедуры, натянула джинсы с майкой и влетела в помещение ресторана без пяти минут девять, запыхавшись. К ее радости, оказалось, что постояльцев кормят до девяти тридцати, и, облегченно выдохнув, принялась набирать еду в тарелку.

– А я уже думал: ты решила без завтрака остаться, – услышала голос за спиной.

Совершенно забыв про нового знакомца, теперь она обрадовалась ему. Они сели за столик у окна, и Марина засмотрелась на море, которое было видно в огромные панорамные окна. В ресторане даже потолок был прозрачным.

– Представляю, как здесь красиво ночью. Можно любоваться на звезды, не выходя из ресторана, – начала она разговор.

– Какие планы у нас на сегодня? – подхватил Стас.

– Не знаю, еще не придумала, что делать днем, – она с облегчением приняла это «нас», – предлагай. Вечером с удовольствием сходила бы в местный ресторанчик послушать фадо. Очень хочется сравнить с испанским фламенко.

«Ага, Марина Алексеевна, ты его зацепила», – подумала про себя.

– Насколько я знаю, фадо у них поется в домах фадо, а не в ресторанах, но поддерживаю. Я взял на себя смелость, заказал у русского гида пешеходную экскурсию по Лиссабону, – сообщил Стас и посмотрел вопросительно, проверяя реакцию.

Она согласно закивала:

– Только куртку возьму на всякий случай, не май месяц.

2

Гидом оказалась симпатичная русская девушка по имени Алла, влюбленная в этот город.

– Я приехала в Лиссабон пять лет назад как туристка, влюбилась в будущего мужа, в Россию не вернулась, с тех пор живу здесь, – рассказывала она.

Девушка была обаятельная, с горячностью показывала и рассказывала обо всем, что ей самой нравилось в городе. В другое время Марина прониклась бы к ней искренней симпатией, но не могла побороть возникшую неприязнь, с огромным удивлением обнаружив, что ревнует спутника к этой девчонке. Не последнюю роль играло поведение Стаса, который сразу стал называть гида Аллочкой, расточая комплименты.

«Да ты, Марина Алексеевна, совсем сбрендила, кто тебе этот человек, ты его второй день знаешь. Собственного мужа не ревновала, и вообще никого никогда», – поймала себя на мысли.

Но ничего не могла с собой поделать, ревность душила ее. Она даже не получала удовольствия от Лиссабона, который мало походил на другие европейские города и был красив. Нет, сказать, что она не замечала прелестей португальской столицы, было бы чересчур, но упоительно-радостного чувства, с которым обычно знакомилась с новым местом, Марина поймать не могла. Ее поразило, что в городе проживало всего пятьсот тысяч жителей. По российским мер-

кам – обычный провинциальный городок, но как он был празднечен и великолепен! Настоящая столица империи, которой некогда была Португалия. Передвигаться по нему было трудно: город располагался на холмах, и некоторые улицы были очень крутыми. Поэтому часть пути они проделали на знаменитом желтом трамвае, который является таким же символом Лиссабона, как красные двухэтажные автобусы – символом Лондона.

Про знаменитую плитку азулежу была наслышана раньше, но, что этой плиткой покрыты почти все дома в историческом центре, не ожидала. Как сказала Алла, кроме красоты, обычай покрывать стены домов керамической плиткой имеет практическое значение – защищает от сырости. Эта плитка, а скорее изразцы, придавала городу уютный нарядный вид, именно облицованными домиками любовались утром Марина с балкона.

У бабушки была шкатулка, она хранила в ней всякие женские штучки. Иногда я добиралась до шкатулки, все там перетряхивала, точнее вытряхивала, чтобы полюбоваться узором внутри. Он был тонкий, разноцветный, изящный. Я могла, забыв обо всем на свете, долго его рассматривать, пока не получала от бабушки легкую затрещину, пойманная за запретным занятием. Вот рисунок этой плитки похож на роспись бабушкиной шкатулки. Сейчас я как будто в гостях у бабушки, уменьшилась в размере и попала внутрь шкатулки, как мечталось в детстве, – рассказывала она спутникам, когда вконец утомившись, они присели в кафе пообедать.

– Да ты фантазерка. В детстве была и сейчас остаешься, – послушав ее, сделал вывод Стас.

– Это плохо – быть фантазеркой?

– Ну что ты, мне очень нравится, – ответил он, улыбнувшись.

Зайдя после экскурсии в номер, Марина упала на диван и поняла, что встать с него больше не сможет никогда. Но немного повалявшись, поплелась в ванную комнату и, проведя полчаса в джакузи, вернулась к жизни. Посвежевшая, отдохнувшая, она тщательно привела себя в порядок и была вполне готова к новым впечатлениям.

Алла заказала столик. Туристов ранней весной мало, но португальцы – любители вечерами послушать музыку. Помещение Марине

показалось очень уютным и домашним, стены тоже были покрыты азулежу. «Здесь все что можно и нельзя покрыто азулежу», – сделала она вывод.

На стенах висели гитары, фотографии известных исполнителей с автографами, веера, шали и прочая красочная мишуря. Народу в ресторанчике помещалось немного, человек тридцать. Исполнительница – женщина средних лет, одетая в темно-бордовое платье, расшитое серебряным узором, коротко стриженная, с великолепными очень длинными серьгами, была встречена посетителями восторженными криками и рукоплесканиями. Ее сопровождали два гитариста. Когда фадишта запела, у Марины перехватило дыхание. Голос вывернул душу наизнанку, она не понимала слов, но эмоции исполнительницы были так сильны, а голос так глубок и проникновенен, что слова стали совершенно не нужны. Скорее, слова бы помешали проникаться этим голосом и следовать за ним. Она впустила его в себя и чувствовала, что абсолютно пуста, внутри существует только этот голос. Не заметила, как пролетело время, не видела соседей, только слышала крики гостей, которые восторженно аплодировали после каждой песни и кричали что-то. Когда концерт закончился, Марина механически поднялась с места, все проходило мимо сознания, душа еще была заполнена этим голосом.

На следующий день они решили дать Алле выходной и погулять по городу самостоятельно, никуда не торопясь.

– Ты невероятно впечатлительная. Лицо у тебя вчера такое было... – Стас щелкал пальцами, подбирая слово, – опрокинутое.

– Да, – Марина согласно кивнула, – вчера меня, что называется, торкнуло, было проникновенно, пронзительно. Наша вчерашняя фадишта – великая певица.

Они неспешно прогуливались по набережной.

– Ты опять витаешь в облаках, – услышала она голос Стаса, в нем чувствовалась легкая укоризна.

– Это у меня дурная привычка: вспомню что-нибудь и зависну. Сбой программы, – оправдалась она, употребив компьютерный сленг.

– Если сбой программы, надо тебя починить, – усмехнулся Стас, – кофейком, может быть, заправить?

– О, поддерживаю, а то у меня с вечера ноги гудят, и «пИ-р-роНАва хочу, мА-р-р-о-жНАва», – голосом Вити Перестукина из «Страны невыученных уроков» прогнусавила Марина.

– Ну вот, другое дело, – обрадованно оценил Стас.

Устроившись в кафе на набережной, они заказали кофе и знаменитые португальские пирожные – паштел.

– Ничего особенного: слоеное тесто и заварной крем, это просто не может быть невкусно.

– Так ты кулинарка? – заинтересовался Стас.

– А то. Еще какая, – ответила она и добавила: – Сам себя не похвалишь – сидишь как оплеванный. Кулинарничать меня бабушка научила, да и одиннадцать лет практики – мужа надо кормить.

– Так ты замужем, – разочаровался Стас.

– Нет, мы расстались три года назад, – коротко сказала Марина, всем видом пресекая дальнейшие расспросы.

– Я тоже умудрился жениться в девятнадцать лет, в институте. Красивая была… Впрочем, почему была, она и сейчас красивая. После института разбежались. Потом второй раз – и снова неудачно… – в свою очередь коротко рассказал Стас.

– А не засиделись мы? Я отдохнула. Давай уже двинем куданибудь, – предложила Марина.

Они провели в городе остаток дня. Потом еще немного побродили по ночному Лиссабону, который вечером казался красивее, чем днем. Только прогулку пришлось сократить и возвращаться в отель, рано утром была намечена поездка на мыс Рока.

3

Ехали недолго: минут сорок. Алла провезла их мимо смотровой площадки, где толпилась туристы, в основном китайцы, которые щелкают все, что попадается на глаза. Они проехали немного дальше и прогулялись по широкой тропе вдоль океана. Спустились по огромным острым камням до места, где океан был виден лучше

всего. Здесь свирепствовал сильный, почти штормовой ветер. Он парусил куртки, пытаясь сорвать их. Даже стоять на краю было трудно, казалось, сейчас ветер чуть поднатужится и сдует непрошеных гостей в океан. Внизу виднелась узкая бухта, окруженная скалами. На небольшой отрезок суши налетали огромные взлохмаченные волны и, утомившись от борьбы со скалами, тихо накатывали на золотистый песок. Пляж выглядел живописно и дико, и Стас, оглядев окрестности, сказал, что нужно специальное снаряжение, чтобы спуститься. Алла отговорила, объяснив, что сейчас Атлантический океан ледяной: примерно плюс десять, а в разгар лета, в самую жару, в океане не бывает больше восемнадцати. Смысла спускаться на пляж нет, лучше посмотреть сверху. Красота этого дикого места была космическая и выглядела декорацией к фантастическому фильму.

– Так бы и провела тут всю жизнь, только холодно очень, – одновременно восхитилась и пожаловалась Марина.

Она стояла на самом краю обрыва и, не отрываясь, смотрела на океан. То, что это океан, чувствовалось сразу. Марина повидала много морей, но океан видела впервые. Он буквально заворожил мощью, которая чувствовалась всем телом. Казалось, что ощущается вибрация скалы под ногами, когда океанская волна с силой ударялась в нее. Спустившись на самый край скалы, она раскинула руки и залипнула голову, смотря в небо выше горизонта. Ветер обрадованно загудел и затрепетал в рукавах куртки, пронизывая тело холодными потоками. Она чувствовала себя птицей, парящей в небе над океаном, и стояла, потеряв чувство реальности и времени.

– Ты чтотворишь, – неожиданно раздался над ухом голос Стаса, – так и в самом деле можно полететь. Чуть дунет посильнее – и ты не в небо, а прямо на скалы.

– Все испортил. И чего нудить, никуда я не денусь, – недовольно отозвалась Марина.

Но Стас не обратил внимания на ее недовольство. Подойдя сзади, обнял полами своей куртки, закрывая от ветра. Стоять стало гораздо теплее и надежней. Они постояли на краю обрыва еще несколько минут, но ощущение свободного полета пропало, и она, разочарованно освободившись, отошла подальше от края скалы.

Возвращаясь обратно в Лиссабон, она с удивлением обнаружила, что не испытывает к Алле прежнего чувства ревности.

«Наверное, это океан, – решила Марина, – он такой огромный, что перед этой громадой наши мелкие чувства и страстишки не имеют значения. Это океанский ветер выдул из меня все неважное. Унес в океан то, что обнаружило пение фадишты. Надеюсь, это надолго», – размышляла она дорогой.

Вечером Стас предложил отправиться на дискотеку в модный ночной клуб, который посоветовала Алла.

Марина открыла глаза и почувствовала дикую головную боль. Смотреть на белый свет тоже было больно, она тут же закрыла глаза снова. Кроме головы, болело все тело, чувствовала себя так, как будто ее прокрутили в стиральной машинке. С трудом напрягла память, пытаясь вспомнить, что случилось и где она находится. «Со скалы не срываешься, под машину не попадала, – с трудом соображала она. – Я в больнице или где?»

Осторожно открыла один глаз. Сквозь плотные шторы пробивался солнечный свет – это был ее номер. Она лежала на своей кровати в белом махровом халате и вспоминала, что было вечером, почему так плохо. Попытка привстать, опираясь на локоть, сопровождалась таким приступом тошноты, что она снова откинулась на подушку.

«Я отравилась, – поняла Марина, – мы вчера собирались в клуб, наверное, съела что-то. – Она смутно припомнила, как они сидели за столиком, ели, пили вкусные напитки из маленьких рюмочек, как классно танцевали со Стасом. Она застонала: – Я не помню, как очутилась в номере, как дошла, как переоделась, вообще ничего не помню. Я что, напилась? – с ужасом задала она себе вопрос. – И что я творила? Пьяная...»

На вопросы, которые она задавала, ответить было некому, и ужасрос, усиленный разыгрывшимся воображением. Вдруг послышался шум, дверь номера открылась, кто-то вошел в коридор. Марина едва успела натянуть покрывало, как дверь в комнату распахнулась. Стюард вкатил тележку с едой, следом вошел Стас.

– О, наконец спящая красавица проснулась, – весело произнес он. Кивком отпустив стюарда, повернулся к «красавице». – Ваш завтрак, миледи, – фраза прозвучала шутовски.

Марина смотрела на него во все глаза:

– Ты можешь объяснить, что произошло?

– Честно говоря, сам не понял. Мы немного выпили, не ожидал, что тебя так развезет. Из клуба пришлось на руках выносить. Донес, спать уложил, решил, что выйти к завтраку не сможешь, попросил подать в номер, – отчитался Стас.

– И что я творила вчера? – со страхом спросила Марина, ожидая услышать ужасы о себе.

– Успокою: на столе не танцевала, в потолок не стреляла. Была просто обворожительна, танцевала под аплодисменты, под конец заставила всех танцевать летку-енку. Если бы уже не любил тебя, непременно влюбился бы. К закрытию клуба устроила братание народов, всех угощала спиртным. Очаровала всех, посетители полюбили тебя и Россию, как родных, – с усмешкой отчитался Стас.

– Издеваешься? Не пойму, откуда они летку-енку знают? А почему мне так плохо? – задавала вопросы Марина сквозь невыносимую головную боль. Она так и не могла подняться и продолжала оставаться в постели.

– Они не знали, ты музыкантам напела, теперь в клубе это самая забойная вещь. А ты, видимо, нечасто пьешь, вот и не рассчитала. Напитки знаменитые, я сам немного перебрал. Ну как отказаться от мадеры? А жинжиња? – с удовольствием вспомнил Стас.

– Елки, – опять простонала Марина, – как я могла напеть, я понятия не имею, что такое летка-енка. А что такое жинжиња?

– Не знаю, умудрилась. Может быть, генетическая память. А жинжиња – вишневый ликер, очень вкусный, градусов двадцать, и мадера столько же, так что немудрено напиться.

– Точно, вспомнила: мы пили что-то сладкое и крепкое, а мне сладкого пить нельзя, – пояснила она себе задумчиво.

– Ладно, пора тебя в порядок приводить, – Стас кинул в стакан таблетку, налил воды. В стакане зашипело. Протянул напиток: – Пей, легче станет.

Потом плеснул в чашку кофе и немного ликера, попыталась отказаться, но ей было приказано выпить. Минут через десять почувствовала, что становится немного легче. Заметил это и Стас.

– Хор-рошо, – удовлетворенно сказал он, – думаю, до обеда ты вряд ли оклемаешься, не буду тебе мешать. Завтракай, отлеживайся, приводи себя в порядок. Я загляну позже, и пойдем обедать.

Когда за Стасом закрылась дверь, Марина чуть не подскочила на кровати.

– Мне послышалось или он мимоходом в любви признался? – спросила она пространство. – Ничего себе. Так он меня любит? Когда только успел. Прекрасно! Что будет дальше, посмотрим.

Дальше жизнь покатилась по накатанным туристским рельсам: путешествия по Лиссабону и стране в сопровождении Аллы, вечерние походы в театры и клубы. Больше Стас в любви не признавался, вел себя сдержанно, и она терялась в догадках: была ли оговорка про любовь или с похмелья почудилось.

За эти дни Марина влюбилась в Португалию, несмотря на то что было прохладно и несколько дней прилично дождило.

– Люблю я старушку Европу, – разговорилась она в один из таких дней, когда они сидели в ресторанчике, пережидая дождь. – Португалия, пожалуй, лучшая страна, в которой я побывала. Но, как вспомнишь, какими злодеяниями добыта эта красота, это богатство, мороз по коже. Это про всех цивилизованных европейцев можно сказать. Все благополучие Европы – грабеж. Тут мои любимые «наглосаксы» лидируют, создали самую обширную империю за всю историю человечества. Но португальцы тоже не отставали. Господа европейцы не испытывают никакого угрызения совести и до сих пор продолжают грабить, они иначе не могут. Как акула – вынуждена всю жизнь плавать, иначе утонет, – рассуждала она от нечего делать.

Стас, усмехаясь, слушал, наконец прокомментировал:

– Впервые встречаю женщину, которую интересует политика.

– Я не особо интересуюсь, и не про политику, скорее про историческую справедливость. Милье европейцы всегда преуменьшают свои гадости и преступления, зато про других придумывать не стесняются. Уничтожили миллионов сто индейцев, торговали рабами из Африки.

А Индия? Не перечислить. Зато Россия – «рабская страна». Да когда мы крепостное право отменили, они еще вовсю рабами торговали. Ой, правда, на эту тему можно бесконечно говорить. Пойдем в музей, что ли. Хотя что я тебя по музеям да театрам таскаю. Разве я изверг какой? – остановила она сама себя. – Может быть, ты хочешь пойти в другое место?

– Я люблю культурные мероприятия. Не на футбол же намходить.

За пару дней до отъезда, вечером, они решили остаться в отеле, и Стас предложил подняться к нему в номер:

– Приглашаю на виноград, сегодня днем случайно купил, оказалось, очень вкусный, одному есть – преступление.

– Не уговаривай, я – за, – засмеялась она, – не видела, как ты живешь, ты у меня бывал, а я ни разу.

Номер оказался двухкомнатным, еще более роскошным, чем у нее. Тот же колониальный стиль, огромная площадь.

«И зачем одному человеку такие апартаменты? Тем более он в них не бывает. Впрочем, мой номер тоже пример излишества, но приятно иногда себя побаловать», – между делом размышляла Марина.

Виноград действительно оказался необыкновенным. Виноградины – круглые, желтоватые, слегка розовеющие с одного бока, почти прозрачные, и через тонкую кожицу были видны небольшие косточки. Вкус – умеренно сладкий, с легким ароматом дыни. Под виноград появилась бутылочка красного вина, и вечер плавно начинал «становиться томным». Хозяин включил огромный телевизор, пощелкал каналами и нашел местную музыкальную программу. Играли знойное, похожее на танго. Он протянул руку, приглашая на танец. Марина танго любила, потому с радостью приняла приглашение, и пара, что называется, зажгла. Когда, запыхавшись и смеясь, они вместе упали в огромное кресло, он неожиданно поцеловал ее. Целовался здорово, голова Марины, разгоряченная танцами, пошла кругом.

«О, если б знал ты, как сейчас мне любы твои сухие розовые губы», – пронеслись в памяти ахматовские строчки. – Господи, ну что я за чудовище, – простонала про себя она, – актерка, даже в такое время... тоже мне Джулия Ламберт...»

Неожиданно руки Стаса разжались, он поднялся с кресла и, отступив на шаг, сказал:

– Нет. Не хочу, чтобы все закончилось банальной интрижкой. Слишком серьезно к тебе отношусь. Еще в аэропорту я обратил на тебя внимание и подумал: «На этой барышне я бы женился». Теперь, когда мы провели вместе столько времени, хочу этого еще больше, – Стас замолчал и вопросительно посмотрел на нее, ожидая ответа.

– Ты что, мне предложение делаешь? – изумилась «барышня».

– Выходи за меня замуж. Прости, что внезапно и неромантично, – извиняющимся тоном попросил он.

– Сдурели эти мужики совсем! И что со мной не так? Не успеют познакомиться – и на тебе: сразу им жениться подавай. Да не хочу я жениться, что за глупость, – звонким голосом сказала Марина.

– Я не понял, ты мне отказываешь? – Стас от удивления даже не успел огорчиться.

– Нет, сейчас побегу под венец с первым встречным, – отозвалась она, даже не пытаясь сделать отказ деликатным.

– Значит, я для тебя первый встречный? Отлично! – он начал злиться.

– Мама дорогая, а ты чего ожидал?

Началась серьезная перепалка, Марина не понимала, почему закусила удила и упорно отказывается от предложения руки и сердца. Видимо, не ожидала этого и не успела сообразить, как реагировать и чего хочет сама. Они долго перепириались и чуть не разругались окончательно.

Наконец, удалось погасить накал страсти и поговорить спокойно. Марина узнала, что Стас живет на две страны: частично в России, частично в Австрии. Второй раз был женат на австрийке, они усыновили ребенка ее погибшей сестры, но сейчас развелись. Бывшая жена на ребенка не претендовала, и он получил единоличную опеку. Теперь в Вене у него сын и собственное дело.

Информация впечатлила, особенно то, что Стас оставил себе фактически чужого ребенка. Подумалось, что это надежный и, несмотря на коммерческую деятельность, порядочный человек. Она не

слишком верила, что эту деятельность можно вести честно, и старалась с бизнесменами в личные отношения не вступать.

«Может быть, пора сделать исключение? Он деньги своим умом зарабатывает, не похож на акулу бизнеса. И расставаться с ним не хочется», – раздумывала она, поэтому с радостью согласилась на компромисс. Для начала он пригласил Марину погостить в Вену.

– Я согласна приехать в гости, а потом будет видно. Выходить замуж через две недели знакомства – верх сумасбродства, – так она выразилась.

Но про себя решила, что непременно выйдет за него замуж, если он, конечно, не передумает. В Вене ей хотелось побывать еще разок. Она влюбилась в этот город, когда была два дня проездом из Чехии.

Из Москвы они разъехались по домам. Стас забрал у нее международный паспорт, пообещав сделать «шенген» на три года.

4

Марина бродила по квартире, внимательно разглядывая каждую безделушку. Они были связаны с тем или иным воспоминанием о семье, когда пapa был еще жив, мама молодой, а она маленькой. Ее детство было счастливым, несмотря на «Перестройку. Перепалку. Перестрелку». Папа был ученым, работал в институте, им тогда месяцами не платили зарплату. Но его институт умудрялся заключать договоры с иностранными фирмами, и ученыe получали валюту. Стало общим местом рисовать ужасы того времени, но она совсем не ощущала их. Лихие девяностые спокойно прожила за спинами взрослых. Потом вышла замуж, и Юрий, теперь бывший муж, стал опорой, стеной, за которой она надежно укрылась от житейских бурь. Решение снова выйти замуж нагоняло на нее тревогу и грусть. Она заранее мысленно прощалась с родным домом, городом, друзьями, театром, и еще многими привычными и любимыми вещами. Предстояло бросить все, чтобы связать жизнь с совершенно незнакомым человеком, в которого она скоропалительно умудрилась влюбиться.

Встал вопрос, что делать с имуществом. Квартирой они владели совместно с мамой, которая жила теперь на море, в доме нового мужа, владелицей которого не была, потому чувствовала себя уверен-

ней, имея за спиной собственность в родном городе. Мысль о том, что мать может продать свою долю, приводила Марину в ужас, это означало лишиться родного гнезда. Она понимала, что выплатить матери ее долю не сможет: квартира находилась в центре города и стоила дорого. К счастью, пока речь о продаже не шла, она решила не морочить голову. Более насущной проблемой была дача. Бедный дом, презентованный бывшим мужем при разводе, стоял в запустении несколько лет. Попытка хозяйки пожить в доме прошлым летом обернулась детективом. Соседка Зоя земле пропадать не давала и за домом присматривала, но долго так продолжаться не могло. Дачу надо продавать, иначе через пару лет продавать будет нечего, до слез жалко, но что поделать, дому нужны мужские руки. Предварительно обсудив вопрос с риелторами, поняла, что дело небыстрое, хлопотное, а реальную цену давать никто не собирается. Марина решила съездить в деревню.

Весна вступала в свои права даже в Сибири. Снег в городе основательно подтаял, кругом хлюпала грязная снежная каша, разбитая колесами машин и ногами прохожих. Ранним солнечным утром она села в свой надежный драндуплет, доставшийся от отца, и отправилась в деревню. Дорога, как и положено, в весеннюю распутицу, была отвратительной, особенно когда свернула на любимую «темную аллею». Но она умудрилась добраться до дома, ни разу не забуксовав по дороге.

Неожиданно все оказалось не так плохо: остатки снега во дворе убраны, крыша почищена, дверь не заперта, а внутри прибрано и, как показалось, тепло.

– Теть Зой! – крикнула Марина, решив, что соседка затеяла в доме уборку, но никто не отозвался. – Дом, а дом, – обратилась хозяйка, она привыкла с ним разговаривать и всегда чувствовала, что он откликается на слова и даже мысли, – ты постояльцев пустил? Тут духом русским пахнет. Я тебя понимаю, скучно одному, я, гадкая барышня, совсем тебя забыла. Нет, не забыла, скучаю, но так сложилось, не судьба, видно, нам вместе жить.

Дом в ответ помалкивал, но Марине показалось, что молчание это смущенное, вроде как его застукали за неприличным занятием,

а дому теперь неудобно перед хозяйкой за свои шалости. За спиной скрипнула дверь, в комнату вошел высокий человек в шапке-ушанке и толстом вязаном свитере. В руках он держал охапку дров. Они уставились друг на друга, Марина – изумленно, мужчина – смущенно и растерянно. Похоже, знал, кто она такая. На вид вошедшему человеку было под сорок, но моложав, строен, подтянут, с синими скандинавскими глазами. Скандинавскими, видимо, потому, что мужчина походил на викинга.

Наконец отмерев, она спросила:

– Вы кто?

– А вы Марина, хозяйка? – вопросом на вопрос ответил он.

– Я-то – да. А вы кто?

– Вы только не пугайтесь. Я сын вашей соседки Зои, меня Иваном зовут, в отпуск приехал, а мать меня сюда поселила, чтобы дом не пустовал зря, – отвечал он.

– Еще чего, пугаться. А мать дома? Обычно она сразу прибегает, когда я появляюсь, а тут ни слуху ни духу. Она хоть здорова?

– Здорова, слава богу. Сейчас прибежит. Вы проходите, раздевайтесь, в доме тепло, – складывая дрова у печки, приговаривал Иван.

Зоя не заставила себя ждать. Стукнула входная дверь, соседка вошла и сразу с порога заговорила:

– И чего встала-то взаправду столбом, что ли не в родной дом приехала. Раздевайся уже, Иван тут топит, две недели как живет. Ты серчай не серчай, а хате человек нужен, распорядилась я так.

– Теть Зой, я не против. Ненадолго я, пару часов побуду и уеду, вы не переживайте.

– Еще чего, уедет она, год почтай не была и уедет, – нараспев проговорила соседка, – кто тебя отпустит. Счас стол накроем, праздновать будем, приглашай в гости, тетеха. Хотя мы сами уже напростились. Ты раздевайся, раздевайся, с дороги умойся, а мы с Иваном принесем все что нужно. И не спорь со мной! – видя, что хозяйка пытается ответить, сказала Зоя и, толкнув сына взашей, вышла сама.

«Вот вляпалась, – проговорила про себя Марина, – а с другой стороны, что ли меня кто ждет? Здесь компания, свежим воздухом подышу, с людьми пообщаюсь».

Она еле успела снять теплую куртку, разуться, умыться, как в дверь ввалилась Зоя. Следом за ней шел Иван, неся две корзины снеди. Зоя быстро кинула скатерть на стол, и Марина ревниво отметила, что соседка в ее доме ориентируется куда лучше нее самой. Не прошло и пяти минут, как стол оказался накрыт и, естественно, водружена посередине бутылочка. Магазинная водка, видимо, закончилась, и Зоя принесла свою самогонку, которую настаивала на кедровых орехах. Самогонка была как слеза, ее «кедровка» славилась на всю деревню и служила Зое валютой. За нее деревенские мужики были готовы делать любую работу.

Сидели за столом долго, еды было полно, выпивки тоже. Иван оказался мастак травить байки. Где он только ни побывал за время службы (от пустыни Гоби до Камчатки), и баек у него в запасе воилось множество. Сдобренные соленым солдатским юмором, они заставляли слушательниц смеяться до слез. Истории были живописными, часть была правдой, часть – приукрашена для красного словца или просто выдумана. Марина слушала с удовольствием, тоже много рассказывала и про Байкал, и про Португалию, и про общих знакомых. Вспомнили и скорбное событие прошлого лета. Естественно, она подарила Зое свою вторую книгу, которую взяла специально для нее. Соседка уже не плакала, а приняла подношение как должное и сказала, что скоро у нее будет библиотека. Это напомнило про обязательство перед издателями и необходимость написать третью вещь.

– Так что, теть Зоя, у тебя будет в библиотеке только три книги, потому что писать я больше не буду ни за какие коврижки. Вот, – провела она ребром ладони по горлу, – как надоело.

Вечер завершился русской баней, и Марина уснула с мыслью: «Не пожить мне тут с недельку напоследок».

Так она и сделала. Больно хорошо было в деревне: природа, свежий воздух, звездное небо над головой, лес и, само собой, приятная компания. И дом радовался вместе с ней. А как сладко спалось в этом добром пахнущем деревом пространстве. Она всем нутром чувствовала, что дом ее любит, и сама любила его. Здесь была их с Юрием студенческая свадьба, прошел их медовый месяц, точнее двухнедельный. Потому что на свадьбе им подарили путевки в Китай,

пришлось отправиться в свадебное путешествие. Там через несколько дней с ней случилась истерика от постоянных толп народа, как в московском метро в час пик. Она начала кричать, что хочет домой, больше не может этого выносить. Тогда гид Саша, живущий в Китае уже пять лет, спокойно сказал: «Ну их же полтора миллиарда, что ты хочешь».

Она успокоилась, правда, куда деваться, если полтора миллиарда. Поездку эту вспоминать не любила, к соседям (под влиянием бабушки) относилась настороженно. «Как встанет китаец, всему миру конец» – эти слова засели в подсознании с детства.

Однажды днем Марина с Зоей пошли в магазин, и по дороге прямолинейная Зоя затягала разговор:

– Вижу: нравишься ты моему Ивану, сильно нравишься. Он через год в отставку выходит, мужик крепкий, непьющий. С женой развелся, сын взрослый, в военном училище учится. Чем вы не пара? Поселились бы рядом со мной. Мечта, а не жизнь…

– Ох, теть Зой, не хочется тебя разочаровывать, Иван и правда хороший, но я замуж собралась. Сюда приехала дом фотографировать, продавать придется. Сердце кровью обливается, как жалко. Вот и задержалась. Может быть, в последний раз тут… – она замолчала, повесив голову.

Зоя тоже ошарашенно молчала, а потом начала выговаривать:

– Ничего себе, живет столько – и молчит. Так что ж сразу не сказать, а то мужик возле нее вьется, надежды питает. А она – дом продавать. Где нашла? Прощелыга, поди, какой. И я-то, дур-ра, размечталась. Да разве такие барыньки пойдут замуж за нас, деревенских.

– Брось, теть Зоя, какие деревенские. Он у тебя настоящий полковник и найдет лучше меня. Мне он тоже понравился, классный такой. Но я ничего не могу поделать, ужас как влюбилась.

– Вот точно, что ужас, – проворчала Зоя.

Вечером Зоя и Иван появились на пороге ее дома. Зоя, важная и серьезная, присела у стола и завела речь:

– Вот что мы, Марина Алексеевна, надумали с сыном. Коли ты дом продаешь, не надо никаких риелторов, мы свои люди, сами меж собой говоримся. Через год Иван с армией своей закончит, ко мне

вернется, так жить ему где-то надо. Не с матерью же бобыльничать. А ты нам дом продай. Мы к нему привыкли, он к нам, вот и ладно будет.

И вопросительно посмотрела на нее, ожидая решения.

– Вот ошаришили, не думала, что он вам понадобится. Да с радостью. Я его вам так отдаю, лишь бы не в чужие руки, – обрадованная, ответила она.

– Ишь ты, богата богатина какая нашлась. Даром. Мы не нищие, деньги у нас имеются. Ты только свою цену скажи, – с достоинством и некоторой обидой в голосе отозвалась Зоя.

– Марина, вы не сомневайтесь, я в стоимости жилья ориентируюсь, – подал голос Иван.

Они немного порядились для порядка и ударили по рукам. В придачу к дому в виде бонуса она предложила свой старый жигулевенок. В свое время отец получил возможность приобрести машину в качестве поощрения за научные достижения. Иван радостно согласился – для деревни машина подходила: была неубиваемой и спротивходимой.

Когда за гостями закрылась дверь, Марина обратилась к дому: «Вот и расстаемся мы с тобой, не держи обиду, грустно, но так жизнь складывается. Хозяйка я была непутевая. Зато теперь хозяева у тебя хорошие будут и знакомые тебе».

Дом не подавал сигналов, делал вид, будто не слышит ее, из чего хозяйка заключила, что он все же обижен. Она взяла на себя оформление документов и их регистрацию. Оформила бумаги быстро, зарегистрировала тоже, пользуясь служебным положением. Она до сих пор работала в юридическом отделе мэрии. Начав писать книги, хотела уйти с работы, но начальник Иван Тимофеевич предложил перейти на полставки «с отрывом от производства». Начальник сохранял квалифицированного специалиста, она в свою очередь – стаж, небольшую, но верную зарплату и массу свободного времени. В этот раз явившись к шефу, Марина с грустью сообщила, что пришлаувольняться, потому что выходит замуж и уезжает в другой город.

– Что тебе мешает работать так, как ты до этого работала? Думаешь, я не знаю, что ты мотаешься куда хочешь? Так все равно, главное, дело делаешь, сроки не срываешь. А мне тебя жалко терять.

Давай попробуем. Не получится – уволишься, это никогда не поздно, – предложил начальник.

– Ну вы даете, Иван Тимофеевич! Я только за, если можно.

– Все можно, что полезно для дела. Польза от тебя есть – факт, а в наш электронный век и не такое можно. Поздравляю от души! Желаю счастья в работе и успехов в личной жизни, – пошутил шеф.

Так удачно разрешились все проблемы: работу сохранила, дом продала, машину пристроила в хорошие руки. Остался долг перед издательством в виде третьей книги, но до конца года времени было полно, и она надеялась сочинить интересную историю вовремя.

Через несколько дней после завершения хлопот Стас сообщил, что виза на ее имя получена. Теперь три года можно без проблем кататься по Европам. «Как удачно все выходит! – радовалась она. – Могу теперь отправляться в Вену со свободной душой. Осталось только билет до Нижнего Новгорода купить».

Стас жил в Нижнем, и оттуда они должны были вместе лететь в Вену прямым рейсом. Марина считала себя фаталисткой. Все действия и желания рассматривала под углом: имеются препятствия или нет. Поэтому так радовало, что все складывается само собой, это казалось залогом будущей счастливой жизни.

Почти перед отъездом она наконец выловила любимую подругу Леру на лестнице и на бегу рассказала, что собралась замуж, жить будет в другом городе и хочет устроить небольшую вечеринку на прощание. Лера остановилась на месте как вкопанная.

– Ты, мать, совсем сдурела? – буквально завопила она. – Какой отъезд, какой замуж? Почему я ничего не знаю? Молчала-молчала – и на тебе.

– Как молчала? – возмутилась Марина. – Я за тобой столько времени бегаю, а тебе все некогда.

– Вот поймала же, могла и раньше сказать, я бы время нашла, – завелась Валерия. – Ишь тихушница, я тебе всегда про все, а ты...

– Ладно, не голоси, приходи сегодня вечером, а вечеринка завтра. Павел придет со своей Ксюшей. А больше и звать некого. Вот ведь, знакомых полгорода, сотни номеров в телефоне, а друзей не нажила... – голос Марины дрогнул.

– Друзей много не бывает, – философски заметила Валерия и умчалась.

Вечером, точнее ночью, Лера добралась до подруги. Выслушала рассказ о путешествии, знакомстве, предложении выйти замуж, о том, что улетает в Вену, потому что ее избранник живет на две страны и пригласил погостить.

– Так ты за границей жить будешь? – огорчилась Лера. – И мы тебя видеть не будем?

– Не переживай. Жить я буду в Нижнем, кто меня в Вену пустит жить.

На следующий вечер в квартире собирались старые друзья. Павел, сокурсник и общий с Юрай друг, появился в сопровождении избранницы Ксении. С ней Марина познакомилась раньше, одобрила Пашкин выбор и даже придумала Ксении прозвище – Ксю. Прозвище очень шло большеглазой угловатой девочке, и окружающие звали ее теперь только так. Ксю появилась в Следственном комитете для прохождения практики и сразу «врезалась» в Павла. Тот, поняв наконец, что Маринки ему не видать, в шутку стал ей подыгрывать и сам не заметил, как влюбился. Несмотря на изменения в личной жизни, Пашка остался преданным другом, и в связи с отсутствием Юрия опекал ее теперь за двоих. Лерка тоже появилась с новым избранником, решив, что самое время познакомить с ним подругу. Она представила его архитектором и художником, из чего Марина заключила, что парень без определенных занятий в жизни и здорово смахивает на альфонса. Что и говорить, Леру тянуло к «свободным художникам», и неудивительно, что ее постоянно преследовали неудачи и разочарования.

Вечер начался шумно и весело, и все было хорошо, пока Павел не начал расспрашивать подругу об изменениях в жизни более подробно. Тут выяснилось, что она ничего толком не знает о своем избраннике, кроме того, что его зовут Станислав, он предположительно живет в Нижнем Новгороде и Вене и занимается «разными компьютерными делами», как она выразилась. И все это только с его слов, потому что паспорта в глаза не видела и даже фамилии не знает. Услышав такую «подробную» информацию, Павел начал орать, как потерпевший, так она прокомментировала его вопли.

– Ты совсем свихнулась, что ли? – возмущался он. – Любовь любовью, но мозги в голове у тебя были, я помню. Через две недели знакомства, не зная ничего о человеке, тащиться с ним за границу? Это не легкомыслie, это чистая дурость.

Неожиданно Павла поддержала Лера:

– Не, ну ладно я, смолоду взбалмошная, а ты серьезная девка была всегда, или что, седина в волосы, бес в ребро? – спросила она подругу.

– Да нет у меня никакой седины, – огрызнулась Марина, затюканная друзьями. – За границу я еду в гости, а с замужеством – как сложится. Предложение он мне сделал, я пока не сказала, что согласна.

Все же постепенно до нее стало доходить, как этот скороспелый роман выглядит со стороны, и трудно было не признать, что друзья правы.

– Ты соображаешь, сколько людей в стране теряется? Таких вот дур. Случайно они познакомились, случайно встретились, случайно влюбились. Потом будешь в гареме сто пятьдесят девятой женой, это еще в лучшем случае, а то в бордель продадут или на органы. – Павел от волнения широкими шагами ходил по комнате.

– Ты совсем сбрендил. Я с ним две недели в Португалии провела, никуда он меня не продал, как видишь, – пыталась аргументировать Марина.

– Может, у него в Португалии не налажено ничего, а в Вене он живет, и подельники, и каналы сбыта там. Австрия всегда с турками в контакте была. А может, он тебя уже использовал: подкинул в сумку наркоты и ты через границу перетащила. Случись что, поймали бы – и села.

– Знаете что! – возмутилась Марина. – Хватит! Это бред! Сам ты наркоман с такими фантазиями. И слушать больше ничего не хочу, не буду! – Она заткнула уши и заявила: – У меня в девять часов вечера сеанс связи. Сейчас позвонит, и скажи человеку свои глупости в глаза. Я тебе говорила однажды, что ты тупой следак, сейчас повторяю.

Она демонстративно отвернулась от всех, подошла к столу и стала накладывать на тарелку еду. После ругани и волнений у нее

прорезался зверский аппетит. Следом к столу потянулись остальные. Ели молча, пока Лера не нарушила повисшее тяжелое молчание и предложила выпить. Ее дружно поддержали, и тост «за успех нашего безнадежного предприятия» прошел на ура.

Когда позвонил Стас, страсти немного улеглись, Марина, мило улыбаясь, сообщила, что ее собирались проводить друзья, а однокурсник Павел жаждет с ним пообщаться. Ничего не подозревающий Стас согласился и услышал, что друзья хотели бы видеть его паспорт, а лучше оба: русский и иностранный.

– А то, – пояснил Павел, – наша подруга не может даже сказать, какую фамилию собирается носить в будущем.

Просьба Павла порадовала Стаса. Раз друзья говорят о смене фамилии, то его избранница собирается за него замуж, и в просьбе не нашел ничего обидного.

– Сейчас пришлю, ловите, – согласился он, и действительно через пару минут прислал на электронку сканы обоих паспортов. Разговор на этом завершился, Стас отключился, сказав, что не будет мешать и позвонит завтра.

Павел, получив документы, немного успокоился, сказал, что непременно пробьет этого типа по своим каналам. После этого вечер продолжился. На Леру и Ксю новоявленный жених произвел положительное впечатление, как выразилась Лера: «Надо же, какого красавчика оторвала». Гости разошлись поздно, а Марина впервые задумалась о «случайности» их встречи. Ядовитые подозрения Павла начали давать не менее ядовитые плоды.

5

Ранним апрельским утром Марина приземлилась в аэропорту Нижнего Новгорода. Утро было солнечным, приятно прохладным после духоты салона и настраивало на оптимистичный лад. Вдалеке виднелись редкие деревья, уже покрытые нежной весенней листвой, а сквозь запахи аэропорта пробивался тревожный огуречный аромат недавно распустившихся листьев. Всей грудью вдохнув бодрящий запах, она, не сдержавшись, радостно засмеялась. В Сибири, откуда только что прилетела, местами еще лежал снег.

Вещей с собой взяла немного: один легкий чемоданчик на колесиках, который даже не сдавала в багаж. Поэтому сразу направилась к выходу из зоны прилета. Переступив черту, Марина попала в крепкие руки Стаса. Он неожиданно обхватил ее за ноги чуть ниже колен, поднял над землей и бешено закружил. Не ожидавшая такой бурной встречи, она решительно застучала кулаками по его плечам. Наконец он вернул ее на землю и принялся целовать куда попало, при этом приговаривая:

– Как я соскучился! Я успел забыть, какая ты красивая!

– Ого, приемчик! – еле отбившись, выдохнула Марина. – Держите себя в руках, молодой человек, люди кругом, – почти прошипела она.

– Люди в отличие от тебя все понимают. Посмотри вокруг, все целуются, – отозвался Стас, – ты зачем вышла из зоны прилета? Как теперь багаж будешь получать?

– Багаж? – удивленно переспросила она. – Вот он, – указала на небольшой чемоданчик, – я не сдавала, по весу прошел.

– Ну ты даешь! – удивился Стас – Ты точно девочка?

– Не-а, я транссексуал под прикрытием, – отозвалась она. – Терпеть не могу много вещей за собой таскать. – И передернула плечами.

Они вышли из здания аэропорта и немного постояли, вдыхая свежий весенний воздух. До отлета в Вену оставалось еще около трех часов. Куда-то ехать они не планировали.

– Ты голодная? – на правах гостеприимного хозяина поинтересовался Стас. – Может быть, в кафе?

– Нет, нас прилично покормили. Даже удивилась. Говорили, что авиакомпании собираются отменять кормежки. Я думаю: правильно, сугуба одна.

– Да ты спартанец: вещей не надо, еды не надо, – прокомментировал Стас, – на святое посягаешь, без еды нашему человеку и дорога не дорога.

– Да фиг с ней, с едой. Давай постоим на улице, так не хочется внутрь заходить, у нас еще почти зима, а тут весной пахнет, солнышко вон какое ласковое, – попросила она.

– Можно даже присесть, тут скверик недалеко. Время есть, с часок можем и подышать, – он охотно согласился.

Присев на лавочку, они замолчали. Марина радовалась теплу и пригревшейся кошкой ловила солнечные лучи, разговаривать не хотелось. А озадаченный Стас пытался настроить легкость и взаимопонимание, которое возникло между ними в Португалии и которого сейчас не было в помине. Решил поинтересоваться:

– А что это за история с моими паспортами? Зачем твоему другу понадобились мои документы?

– Не обращай внимания, – нехотя отозвалась она, – профессиональная деформация. Пашка больше десяти лет работает в Следственном комитете, ему везде криминал мерещится. А я тоже хороша, не поинтересовалась фамилией твоей. Он и завелся. Но есть с чего, слишком много людей пропадает, особенно молодых, и не находится.

– Понятно... Так он решил, что я торговец живым товаром и продам тебя в рабство или гарем?

– Примерно. Что я по своей дурости ненароком могу оказаться сто пятьдесят девятой женой шейха арабского, как он выразился, – усмехнулась Марина.

– Недооценивает тебя твой дружок, ты бы не затерялась и оказалась среди любимых жен. На востоке такую красоту ценят.

– Однако! Так ты разбираешься в шейховых женах? Может, Пашка прав и ты наших белокурых красавиц в гаремы поставляешь?

– Все может быть. Но тебя я точно для себя приберег, не сомневайся, – попытался пошутить Стас.

Но ей шутка не понравилась:

– Этак мы с тобой дошутимся. Не бери в голову, Павел меня опекает как может. Бывший уехал в Иркутск и наказал за мной присматривать, вот он и старается. А Юрка тоже в Иркутске истерит: «Куда едет да к кому?» Достали меня, если честно.

– Это замечательно, что о тебе заботятся. Настоящие друзья, – урезонил ее недовольство Стас.

Сегодня Марине пришлось проснуться в четыре утра, поэтому сейчас, сидя на теплом солнышке, клевала носом. Если бы могла, свернулась на лавке клубочком и к-а-а-к уснула, а тут этот моралист с разговорами пристает, поэтому беспричинно сердилась. Она имела неприятную для себя и окружающих особенность: когда устава-

ла, становилась злой и раздражительной, даже капризной. Уговоры держать себя в руках не помогали, наоборот, чем больше пыталась успокоиться, тем больше теряла контроль над собой. В такие минуты надо было срочно поспать или, в крайнем случае, уединиться, чтобы не сорваться на невинного человека.

Борьба со сном завершилась его полной победой, и Марина задремала. Ее голова с пышными пепельно-пшеничными волосами, упала на плечо Стаса, но она этого даже не почувствовала. Он сидел, боясь пошевелиться и потревожить поверхностный сон, осторожно, краем глаза рассматривая ее лицо, оказавшееся так близко. «Надо же, – думал он, – любая тюнингованная кикимора мнит себя краткой, а красивая девушка считает себя просто симпатичной. И что только у женщин в головах творится...»

Ее глаза были сейчас закрыты, но он помнил «олений» разрез, необычный зеленый цвет: ярко-зеленый – в полутиме, крыжовниковый – на ярком солнце. Брови у Марины были темнее волос, густые, правильной формы, не нарисованные, свои. Вспомнились слова Лермонтова из «Героя нашего времени», что если брови у человека темнее волос, это признак породы.

«Породистая девица мне досталась, – продолжал раздумывать от нечего делать Стас, – впрочем, досталась ли. Что творится в этой очаровательной голове, не знает, пожалуй, она сама. Чуть рыжинки в волосы добавить – прекрасная ведьмочка получится».

Он наморщил лоб, вспоминая песню, слышанную в детстве, но припомнил только несколько фраз:

*Все решилось проще бы, проще бы, проще бы
Триста лет назад иль, может, даже сто.
За твои глаза тебя б сожгли на площади,
Потому что это колдовство...*

«Сто лет для рифмы приплели, сто лет назад революция была и к стенке ставили. Прогресс налицо, хоть не живьем на костер» – так в размышлениях на отвлеченные темы прошло около часу, когда Марина неожиданно открыла глаза и вопросительно уставилась на Стаса.

– Я сплю? Давно? – спросила она. – Самолет не улетел?

– Без нас не улетит, – усмехнулся он. – Но ты вовремя очнулась, скоро регистрация начинается.

Они прошли регистрацию, потомились в «отстойнике». Посадка, перелет, и наконец-то, наконец приземлились в венском аэропорту Швехат.

Марине раньше довелось бывать в Вене, поэтому она с волнением ждала встречи с полюбившимся за весьма короткий визит городом. От аэропорта до центра города они добрались минут за пятнадцать, даже не пришлось брать такси, потому что при выходе из аэропорта подвернулся почти пустой автобус. Она жадно смотрела в окно, иногда узнавая знакомые силуэты дворцов и соборов, но чаще отмечала, что вот здесь очень красиво и надо запомнить это место, чтобы потом прийти сюда. Пока они доехали до нужной остановки, все незнакомые места перепутались в голове, и она мысленно махнула рукой – время достаточно, еще успеет все осмотреть.

Небольшой отельчик, который Стас забронировал для нее, находился в самом центре города, в паре минут от остановки – только свернуть на небольшую боковую улочку. Здание было старинное, построено в веке девятнадцатом.

– Добрались, – с облегчением сказал Стас, пропуская вперед и закатывая ее чемоданчик.

В холле отеля все дышало стариной, было необыкновенно уютно. Сразу вспомнились фильмы про мисс Марпл. Да, это была Австрия, а не старая добная Англия, но интерьер холла напоминал то, что показывали в кино. Портъе за стойкой не было, и ее спутник нажал на медный звонок. Негромкий мелодичный звук, как по волшебству, материализовал высокого спортивного парня, который совсем не соответствовал духу отеля, и возвращал постояльцев в реальность, как бы говоря: «На дворе – двадцать первый век. Без фантазий, господа».

Они со Стасом начали быстро говорить на немецком языке, и Марина, не знавшая немецкого, даже не пыталась вслушиваться в чуждую речь. Немецкий она не любила, хотя мимолетно отметила про себя, что австрийский диалект мягче, чем слышанный в Дрездене. Бронь в конце концов нашлась в компьютере, и парень вручил им тяжелый старинный ключ. Она растерянно повертела его в руках,

давно привыкла, что в отелях выдают электронные чипы. Но, видимо, портье – это единственное, что напоминало о современности.

Комната оказалась небольшой, но была обставлена в духе девятнадцатого века, даже кровать под балдахином. Марина тут же присела на нее и попрыгала. Было мягко.

– Ух ты, – замурлыкала она, – я сегодня буду спать как принцесса.

Стас с улыбкой наблюдал за ее маневрами. Она выглянула на небольшой балкончик, заскочила в ванную комнату, там вопреки ожиданиям все было современное, но ванна стояла на подиуме и имела четыре львиные лапы.

– Какая у меня «зверская» ванна, прямо как у Жозефины на картине, – восторгалась Марина.

– Что ж, кажется, тебе понравилось? Номер маленький, но и впрямь уютный, а я живу рядом, на соседней улочке. Будет удобно.

– Отлично! – радовалась она. – Теперь давай посчитаем, сколько я тебе должна за перелет и гостиницу?

– Должна? – Стаса изумил ее вопрос. – Ты мне ничего не должна.

– Не придурирайся, – Марина начала сердиться, – одно дело – в Португалии рестораны или экскурсии, это мелочь. Но сейчас-то большие деньги, я не могу пользоваться твоей щедростью.

– Ты моя гостья, оставь эти меркантильные счеты.

– Тоже мне, Харун ар-Рашид нашелся, – фыркнула Марина. – Я привыкла платить за себя. Даже если у тебя денег куры не клюют, не имеет значения.

– Нет у меня кур и денег тоже. Я не коплю деньги, но всегда могу заработать необходимую сумму. На твой приезд заработал, куда мне их девать, бедным, что ли, раздать?

Немой вопрос повис в воздухе. Она смотрела на него с изумлением: «Ничего себе, впервые с таким встречаюсь». Помолчала, раздумывая, потом произнесла:

– Но ведь эти деньги – твои, можешь потратить на что-то нужное тебе или сыну.

– Для тебя. Они предназначались для тебя, давай прекратим этот скучный спор, – не получив возражения, Стас продолжил: – Тогда оставляю тебя. Располагайся, отдыхай, приводи в порядок. В семь за

тобой зайду, пойдем ужинать. Кстати, ты не обиделась, что я поселил тебя в отеле? У меня дома сын, и, как вы с ним поладите, неизвестно. Я думаю познакомить вас завтра, сегодня ты с дороги, да и нам с ним нужно пообщаться, мы долго не виделись, – поделился планами Стас.

– Правильно, – согласилась она, – завтра так завтра, тебе виднее. А он в курсе, что ты собираешься его с посторонней теткой знакомить?

– В общих чертах. И прекрати обзывать себя теткой и посторонней даже в шутку. Ты – барышня. До встречи, барышня, я ушел.

– Ага, – хмыкнула Марина, – крестьянка.

Кода за Стасом закрылась дверь, она озадаченно покачала головой, пожала плечами:

– Ну и ладно. Не хочет денег, и не надо.

Потом подошла к кровати и, раскинув руки, со всего маху упала на нее спиной. Кровать жалобно заскрипела, видимо, и вправду была старинная, не ожидала таких хулиганских выходок. А Марина, глядя в потолок, который был не виден из-за балдахина, подумала, что жизнь в Вене налаживается и обещает быть приятной.

«Предвкушение праздника больше, чем сам праздник», – мечтательно подумала она и посмотрела на часы, было около пяти. – У меня еще уйма времени, полчасика поваляться и помечтать я могу себе позволить».

На следующий день Марина сидела в ресторанчике, в котором Стас оставил ее после обеда, и ждала его с сыном, у него закончились уроки в школе. Неожиданно увидела, что поверхность кофе в чашке колеблется, потому что рука слегка дрожит. Она поняла, что очень нервничает. «Ничего себе! Никогда так не волновалась, чего психую», – пыталась вразумить себя Марина, но внутренняя дрожь не желала проходить.

«Я люблю детей и всегда находила с ними общий язык. Стас говорил, что парнишка хорошо говорит на русском языке, любит Россию, все каникулы у него проводит», – за уговорами она не заметила, как к столику подошли Стас и ребенок лет десяти.

Марина во все глаза смотрела на него. Мальчик был невысок, хрупок и по-особенному «прозрачен». Ей вспомнилось, как в русских сказках такую хрупкость описывали: «Видно, как мозжечок из косточ-

ки в косточку переливается». Нежный румянец скрашивал ощущение болезненности, серые прозрачные глаза смотрели не по-детски внимательно и строго.

«Ему только Маленького принца играть», – подумала она и неожиданно для себя стремительно поднялась со стула, протянула руки, прижала его голову к груди, поцеловала в вихрастую белокурую макушку. Смутившись своего порыва, покраснела и плюхнулась обратно на стул, пробормотав слова извинения и что очень рада познакомиться. Мальчик тоже смутился: тетеньки никогда не кидались к нему с поцелуями. Удивился и Стас, представив их друг другу, ретировался, сказав, что скоро вернется.

Оставшись вдвоем, некоторое время разглядывали друг друга.

– А вы хотите пожениться на моем папе? – задал Эрик мучивший вопрос.

Марина некоторое время смотрела на него, затем неожиданно для мальчика и себя самой рассмеялась весело и заразительно.

– Да ты мой дорогой, – протянула руку, потрепала по голове, – так не говорят, надо говорить: «Вы хотите пожениться?» или «Вы хотите выйти замуж за моего папу?». Даже не знаю, что тебе сказать... Мы познакомились недавно. Пока он пригласил меня в гости, потому что мне очень нравится Вена, а что будет дальше, не знаю, посмотрим.

Эрик внимательно слушал, чуть сдвинув брови:

– А мне он сказал, что хочет пожениться на тебе, значит, он тебе не говорил? Получается, я его выдал? – расстроенно спросил он.

– Не переживай, мало ли чего эти мужчины навыдумывают, – утешила мальчика Марина, слегка покривив душой. – А мы ему не скажем, что ты проболтался, это будет наш маленький секрет. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Эрик облегченно и благодарно улыбнулся.

Когда минут через десять Стас вернулся, он увидел, что они мирно и увлеченно беседуют.

– Ну, зайцы мои, о чем разговариваете? – весело спросил он.

– Я Эрику рассказываю про Сибирь, – ответила Марина, – представляешь, он думал, что это сказочная страна, вроде Атлантиды, а теперь рад, что она существует в реальности. Я пообещала, что

этим летом на каникулах можно там побывать. Ты не сердись, но если ребенок считает Сибирь сказкой, ему надо непременно ее показать.

— Я не сержусь, надо показать — покажем, все в наших руках, — ответил Стас, — тем более что у нас теперь есть знакомая сибирячка.

Стас заказал Эрику обед, а после они объедались венскими пирожными в соседнем кафе, в котором всегда сумасшедшие очереди. Оказывается, он специально отлучился заказать им столик. Надо ли говорить, что катание на фаэтонах и посещение парка аттракционов сделало Эрика совершенно счастливым. Марина не отставала от него, и они перепробовали самые экстремальные развлечения, боясь, визжа и радуясь на полную катушку. В конце этого чудесного дня Стас покачал головой, не то огорченно, не то одобрительно произнес:

— Думал: у нас один ребенок на двоих будет, а оказалось, я один взрослый на двух отважных детей.

6

Так и повелось: каждое утро после завтрака Стас заходил в отель за Мариной, и они отправлялись бродить по городу до обеда. С погодой везло, в основном бывало солнечно. В многочисленных парках и садах высаживали цветы, а через неделю ожидалось цветение каштанов. Стас интриговал Марину, рассказывая, что в Вене растут розовые каштаны, и ее нетерпению не было предела. Она обожала цветущие каштаны с детства. Когда недолго жила на юге у бабушки, приходилось добираться до школы пешком. Несколько улиц по пути были обсажены вишнями, а на центральной улице, ведущей к самой школе, росли старые деревья конского каштана. Они цвели очень красиво, а из коричневых блестящих (но несъедобных) плодов получались замечательные поделки. Когда темно-зеленые гиганты полностью покрывались канделябрами, в которых вместо свечей стояли белые цветы, улица начинала походить на дорогу, ведущую к небесному храму, где, возможно, в эти дни обитало неведомое божество, давно забытое неблагодарными потомками, но от этого не менее реальное.

Если с утра было прохладно, Стас и Марина прятались в многочисленных дворцах и музеях, в солнечную погоду бродили по

нарядной легкомысленной, как всякая женщина, Вене. То, что этот город заряжен женской энергией, имел женскую душу, у Марины не вызывало сомнений. Так же точно она знала, что любимый Петербург, несомненно, имел мужскую. Попадая в Питер, она мгновенно восстанавливала связь с ним, и ее душа, как пазл, входила в отведенное ей место. То, что у города имеется душа, она верила безоговорочно, постоянно находя этому подтверждение. С Питером она находилась в постоянном мысленном диалоге, в ответ получая от него знаки, которые легко понимала.

После обеда они забирали Эрика из школы, и Марина с неизменным удовольствием разделяла желания мальчика. Стасу оставалось только разводить руками и соглашаться. Ближе к вечеру они возвращали Эрика домой, а сами отправлялись на концерт, в оперу, ресторан или ночной клуб. Взрослым людям Вена предоставляла немало развлечений.

Незаметно пролетали дни, заканчивалась вторая неделя пребывания в Вене. Однажды они возвращались из знаменитой Венской оперы. Отель располагался в нескольких кварталах, и они не спеша прогуливались по вечернему городу. В этот раз давали «Фауста», в спектакле были заняты мировые знаменитости, и театралка в восторге делилась впечатлениями о певцах и декорациях. Она увлеченно и восторженно говорила, размахивая при этом руками, такая у нее была привычка. Когда ее что-то задевало за живое, она не могла сдержаться и начинала, как итальянка, яростно жестикулировать. Стас однажды поинтересовался, нет ли у нее итальянских предков. Итальянских предков не было, но в ее родословной числилась прабабушка грузинка, а кровь обитателей Кавказа не менее горяча, чем итальянская.

Марина увлеченно говорила об опере, знатоком которой была с детства, потому что в родном городе был оперный театр, по ее словам, самый большой в России, имелась и прекрасная труппа. Итак, она размахивала руками, Стас, любивший оперу, слушал, вставляя иногда замечания, когда внезапно перед ними из темноты переулка материализовалось несколько мужских фигур. На ломанном немецком языке они потребовали деньги, в руках у двоих появились ножи, их явно вынули не для забавы. Это были мигранты — не то арабы,

не то турки. Выглядели они угрожающе. Стас быстро оценил обстановку и начал теснить спутницу к стене здания, чтобы прикрыть ее и свою спину от нападения. Основное внимание его сосредоточилось на фигурах с ножами, на остальных он пока не обращал внимания.

В этот момент один из нападавших протянул руку и схватил за ремень сумку Марины, висевшую на плече, с силой рванул на себя. Не удержавшись на ногах, она почти упала на него. Ярость ударила в голову, и Марина изо всей силы вонзила острую шпильку нарядных туфелек в стопу нападавшего. Тот взвыл и закрутился на месте. Другой нападающий, из тех, что был ближе к Марине, злобно выругался и попытался ударить, но не успел. Увернувшись, она нанесла упреждающий удар ребрами ладоней по ушам. Мигрант согнулся от боли пополам, схватился руками за голову и тоже завопил.

Стас обернулся на крик и увидел две скрюченные фигуры. Он к тому времени уже обезвредил троих. Оценив обстановку, схватил Марину за руку и потащил в ближайший переулок. Она попыталась что-то сказать, но он приложил палец к губам. Они быстро проскочили переулок, стараясь не бежать, а идти спокойно, не привлекая к себе внимания. Вдалеке послышался звук полицейского свистка. Свернули на небольшую уличку, потом повернули еще раз. По ходу движения Стас снял с нее куртку красивого вишневого цвета, вывернул на другую сторону (куртка была двойная) и перекинул через свое плечо, а свой костюм накинул на плечи Марины. Она совсем потеряла ориентир, как вдруг они вышли прямо к ее отелю. Все так же молча Стас сопроводил ее в номер, только тут выдохнул и плюхнулся в кресло.

Марина недоуменно смотрела на него:

– Почему мы убегали как преступники? Что за маскарад ты устроил? Что все это значит? Как будто это мы на них напали, а не они на нас? – возмущенно спросила она.

Стас поднялся из кресла, подошел к холодильнику и плеснул в бокалы немного виски. Один бокал он протянул Марине, из другого выпил сам.

– Ты видела это побоище? Пятеро покалеченных мужиков. Было бы трудно объяснить полицейским, что они пытались нас ограбить

и, может быть, убить. Они наверняка заявили бы, что шли мирно, никого не трогали, и вдруг на них напали двое и начали избивать. Из окон вопли тоже слышали, раз полицию вызвали. Я только надеюсь, что у них хватило ума свалить до приезда полиции.

– Ни фига себе. И они поверят, что один мужчина и одна женщина могли избить пятерых мужиков?! – недоумевала Марина.

– Еще как поверят, на нас – ни царапины, а то, что ты женщина, не является смягчающим обстоятельством, это Европа, здесь равноправие. И потом, мигранты в глазах служителей порядка обычно правы, виновными остаются европейцы. Такова плата за толерантность. Политика.

Стас хмыкнул, вспомнив картину боя, начал хохотать. Он никак не мог остановиться, пытаясь что-то сказать, махал рукой и начинал смеяться снова, периодически смахивая слезы, выступившие от смеха. Марина, глядя на него, начала смеяться тоже. По всей видимости, так организм избавлялся от стресса.

Они от души хохотали несколько минут, отсмеявшись, Стас покрутил головой и сказал:

– Ну ты девушка Бонда... Где научилась так драться? За несколько секунд двоих мужиков изувечить...

– Сами нарывались, не я к этим арабам приставала, не стоило у меня сумочку вырывать. Я не в институте благородных девиц воспитывалась, среди мальчишек росла. Всякое бывало, драться приходилось наравне. Кстати, ты тоже хороши: двоих разоружил, нож – оружие опасное.

– Меня с трех лет настоящий японец учил искусству боя. Расскажу, будет время. Я, наверное, перестраховываюсь, но австрийская полиция работает хорошо, камеры кругом, могут найти. Постараюсь сбой устроить,стереть этот период. «Руссо туристо» лучше не связываться с полицией, «шенгена» могут лишить. И я – французский гражданин, для них – иностранец, а у меня здесь сын, фирма. Посадить не посадят, но неприятности гарантированы. Еще неизвестно, что у них за травмы окажутся. Потому заберу твою куртку, туфли, – заметив протестующий жест Марины, добавил: – Не выкину, не бойся, будем уезжать, верну. И главное, не сознавайся

ни в чем, если без меня нагрянут. Требуй консула, говори, что такой одежды у тебя не было. Будут показывать фото с камер, все отрицай. Это не я, похожая женщина. Темно было. И все.

– Да ты перестраховщик похлеще моих друзей, – недовольно сказала Марина, – зачем накручивать. Туфли зачем забрал? – сердилась она.

– Это орудие преступления, – объяснил Стас, – ты ими увечье человеку нанесла, на каблуке наверняка его кровь осталась.

– Ты мне еще руки отпили, я ими тоже увечье нанесла, – ворчала Марина.

– Не бузи. Кстати, о твоих друзьях, они тебя отпустили со мной, копии моих паспортов успокоили?

– Если бы. Ты не в курсе? Павел звонил в Нижний, у него там шапочный знакомый работает опером в убойном, выяснял подлинность твоих документов. А тот тебя узнал, сказал, что ты дружок их начальника, отыхаете даже вместе, Пашка и успокоился немного, – объяснила Марина.

– Надо же... Мне ребята ничего не сказали, – задумчиво протянул Стас. – А про приключение наше не переживай, обойдется, ни о чем плохом не думай. – И, пожелав спокойной ночи, удалился.

Ночь прошла, никто Марину не потревожил, и постепенно события ночи начали тускнеть в памяти. Через несколько дней закончилась бронь в отеле, и Стас предложил неделю пожить в альпийской деревушке. Как объяснил, знакомый имеет замок в сельской местности, сам там не живет, потому сдает желающим за умеренную плату. Она радостно согласилась. Эти места запомнились по Словении, где довелось провести несколько чудесных дней в городке со странным названием Блед. Те же Альпы, только с другой стороны.

Марина пришла в восторг от местности, в которой они остановились. Кругом живописные горы, на склоне одной из них расположился небольшой, но весьма внушительный замок. Внизу, у подножья гор, в долине, было видно почти круглое озеро с ярко-бирюзовой водой. По склонам гор к озеру спускался лес и виднелись луга, которые иначе как изумрудными назвать было нельзя. Вокруг озера наличествовал

прекрасный песчаный пляж, но сейчас стояла весна, и о купании не могло быть речи.

Как объяснил Стас, замок не очень старинный, в девятнадцатом веке один богатый романтик прикупил замковые руины и построил на них свою фантазию: «Так что фактически это реконструкция».

Реконструкция или нет, но замок имел все, что делало его замком: крепостную стену с зубцами и башенками, тяжеленные кованые ворота, даже замковую церковь с островерхим шпилем. Издалека это выглядело грозно, но внутри оказалось очень уютным и удобным жильем. Комната Марину вполне устроила, она была небольшой, зато имела сногшибательный вид из окна и с небольшого балкончика: горы, озеро, деревенька в километре от замка видны были как на ладони.

Другие гости в замке отсутствовали, был только обслуживающий персонал. Вежливые и предупредительные, появлялись по звонку и, исполнив просьбу, тут же исчезали, так что гости чувствовали себя полными хозяевами этого места. В течение нескольких дней они колесили по округе, осматривая окрестные достопримечательности, иногда на машине, иногда на велосипедах. Еще при замке была устроена прекрасная конюшня, и Марина, восполняя длительное отсутствие практики, с удовольствием пользовалась появившейся возможностью. Лошадей она любила почти болезненной любовью, считая, что люди слишком жестоки к этим вольным прекрасным животным. Они частенько отправлялись на короткие конные прогулки, не рискуя забираться далеко в горы.

В один из дней они решили отдохнуть возле «своего» озера. Сказывалась физическая усталость и перегруженность впечатлениями, на Марину эти красоты уже начали нагонять тоску.

– Так красиво, что даже прАтивно, – заявила она.

– Что ж, устроим пикник около озера, – согласился Стас.

В замке их снабдили плетеной корзинкой с едой для пикника. День выдался солнечным, теплым, ветра почти не было, и поверхность озера казалась совершенно ровной, как зеркало. Вода была зеленой, так что на другом конце озера сливалось с лугами, и издалека трудно было разобрать, где вода, а где луг. Как объяснил Стас, по озеру нельзя

кататься на лодках с мотором, чтобы не портить бензином экологию. Зато на берегу лежали прекрасные каноэ, и желающие могли на них прогуляться по озеру совершенно бесплатно. Только желающих, кроме них, не было – у туристов не сезон. Марина рассердилась, когда Стас не разрешил ей грести, хотя она уверяла, что делает это замечательно. Но он был непреклонен, сказав, что каноэ очень неустойчивое, потому любое неверное движение перевернет его, а вода пока не годится для купаний, и к тому же озеро очень глубокое.

– Булькнешь, я тебя достать не успею.

– Чего это я булькну? Я не утюг, получше тебя плаваю, – обиделась она.

Озеро казалось таинственным, вода в нем очень чистая, это видно у самого берега, но уже через метр становилась совершенно непрозрачной. По водной глади, несмотря на легкий, но ощущимый ветерок, не пробегала даже рябь. Казалось, что поверхность – слегка выпуклая, как будто вода готова перелиться через край, но ее держит сила поверхностного натяжения. И этот странный бутылочный цвет... Легкое каноэ стремительно носилось по озеру, пока они не выбрали место, которое понравилось обоим. Там был песок и лес, имелась тень, в которой можно было спрятаться от дневного жаркого солнца. Возле самого берега Марину допустили к веслам, и она, дорвавшись до желаемого, гребла до тех пор, пока не закончились силы. Это было настоящее удовольствие: легкая как перышко лодка отзывалась на любое усилие гребца, и, кажется, сама получала удовольствие, буквально летая по воде.

– Я скользила как водомерка! – с восторгом воскликнула она, когда выпрыгнула из лодки на берег.

После небольшого перекуса они устроились возле кромки леса, еще на песке, но уже в тени сосен, под которыми образовалась многолетняя мягкая подстилка из опавших иголок, потому сидеть было мягко и приятно. Марина обхватила колени руками и смотрела на видневшуюся вдалеке деревушку: красные черепичные крыши, шпиль церкви – все как полагается в европейских деревушках.

– Вот интересно, – начала она, – я, когда бываю в Европе, неважно где, удивляюсь: у них любая захудалая деревня выглядит как

маленький городок. У нас, в России, любой городок, а то и город, выглядит как деревня. Почему, интересно?

– Наверное, смотря что вкладывать в понятие «деревня», – задумчиво отозвался Стас, – у нас деревня от города отличается только размером. Отсутствует планировка, каждый сам себе архитектор. Один дом поставил, где душа захотела, другой рядом приткнулся, третьему в другом месте понравилось, вот несколько улиц и появилось, а между ними – поле. Места у нас много, простор, а у них мало, они лепят дома друг к другу. Земля дорогая, не вширь дом растет, а вверх. Что тебя такие вопросы занимают? Ты только про «мировую революцию» умеешь думать?

– Ты хочешь сказать, что я зануда? – Марина отреагировала моментально и сразу поставила точки над «и».

– Вот же ж... С чего взяла? – изумился он. Вдруг потянулся за телефоном и сделал несколько снимков, затем сказал: – Тихо сиди, не шевелись, у тебя такая бабочка на плече примостилась, попробую поймать. Я такой здесь никогда не видел, похожа на махаона.

Осторожно приблизился и двумя пальцами попытался взять бабочку за крылья, но не тут-то было. Бабочка, размах крыльев сантиметров семь, ярко-желтая, с черными полосками, синей каймой и красными пятнами по краям, легко взмахнула крыльями и запорхала по своим делам. Марина, увидев, какая красота улетает, вззвизгнула от восторга и бросилась за махаоном... Ноги увязли в рыхлом песке, и она со всего маху рухнула. Стас бросился вслед за ней и, запнувшись за небольшую корягу, невидимую под песком, растянулся рядом. Они оба расхохотались.

– Как крылатая нас обоих уложила, – смеялась Марина, – что мы люди за твари такие, увидели красивое – и сразу рвать или ловить. И я хороша, инстинкт сработал.

– Нет, ты неисправима, – сказал Стас и принялся целовать ее.

Солнце начало цепляться за верхушку самой высокой горы, на которой виднелся снег.

– Надо поторопиться, сейчас солнце уйдет, и сразу станет темно, а нам еще по озеру добираться.

Они забросили нехитрые пожитки в каноэ и направились к замку. За ужином он рассказал Марине про вечеринку, которую соби-

рается устроить в пятницу для друзей из Вены. Она осталась недовольна его планом. Куча незнакомцев в «своем» месте, говорящих на незнакомом языке, – неприятное испытание. Но делать нечего, гости уже приглашены. Стас собирался устроить вечеринку на лошадях, так называемую хорс-пати. Идея понравилась, но осадок от того, что он не посоветовался, остался неприятный. Этим, она считала, Стас дал понять, что он хозяин, а она гостья.

«Чего ты хочешь, Марина Алексеевна, в хозяйки тебе рановато, за все время, что здесь находишься, он намека не сделал на женитьбу. Чего ты здесь торчишь, чего ждешь?» – иногда она слышала внутренний голос.

Она решила, что Стас, видимо, хочет познакомить ее с друзьями. Процедуру знакомства с сыном она прошла успешно, теперь предстоит еще один экзамен. Эта мысль, с одной стороны, принесла облегчение, с другой – нагнала страх. Значит, он не передумал жениться, но как она сможет понравиться его друзьям, не зная ни слова на их языке.

«Ты тревожная особа, Марина Алексеевна. Надо пустить все на самотек, как получится, так получится», – она твердо решила получать удовольствие от происходящего.

Пятница, как всегда, наступила неожиданно. К обеду начали съезжаться гости. Всего прибыло четырнадцать человек. Гостей они встречали вдвоем, и она ловила на себе их любопытствующие взгляды. Немецкого языка не знала, но поняла, что ее представляют только по имени. «Статус не определен, – хмыкнула про себя, но решив играть роль хозяйки поместья, добавила: – Глухонемой хозяйки». Это замечание окончательно развеселило, и она стала смотреть на происходящее иронически.

Вечеринка началась около пяти и получилась шумной и веселой. Больше всего Марине понравилось подбрасывать огромные белые шары. Гости со всей мочи били по ним специальной палкой, расширяющейся к концу, стараясь, чтобы шар долетел до партнера. Главным условием было, чтобы шары не падали на землю. Это походило на детскую игру в воздушные шарики, только участники были на лошадях. Чтобы шары не улетали, они были привязаны на длинные тонкие бечевки, и в конце концов все перепутались. Шары связали

вместе и отпустили в вечернее небо, долго наблюдая, как они поднимаются, пока совсем не исчезли.

Развлекались до тех пор, пока не начало темнеть, тогда на деревянном помосте, украшенном гирляндами из цветов и разноцветных лампочек, начались танцы. Настоящий живой оркестр играл в основном вальсы и польки. Слава богу, танцуя, говорить не обязательно, достаточно обворожительно улыбаться. Когда совсем стемнело, начался ужин, музыканты продолжали тихо наигрывать легкие приятные мелодии, а когда все немного подкрепились, с места поднялся Стас и произнес небольшую речь на немецком языке, которую она, естественно, не поняла.

Зато поняли гости, все начали радостно кричать и хлопать в ладоши, а он повернулся к ней и сказал на русском:

– Я делал тебе предложение влюблыхах, от этого оно не стало менее важным для меня, но я решил повторить его в более романтичной обстановке. Ты выйдешь за меня? – с этими словами открыл небольшую коробочку с кольцом.

Ее откровенно обалделый вид позабавил гостей, а фраза: «Так весь кипиш из-за этого?» – «порадовала» уже Стаса.

– Ты в своем репертуаре. Согласна, в конце концов? – нетерпеливо спросил он, справедливо опасаясь неожиданной реакции.

– Да согласна я, согласна, чего так стараться было. И не могу же я обмануть ожидания гостей, – сказала Марина и протянула руку, чтобы он мог надеть кольцо. – Это называется помолвка? – уточнила она.

– Вроде того. Хорошо, что гости русского языка не понимают, – Стас был раздосадован ее реакцией.

– Что я такого сказала? Что делать? Плакать, смеяться? Не знаю, что положено, я на помолвках не бывала, – продолжала она портить торжественность момента.

Он вздохнул, покачал головой и поцеловал невесту к радости гостей, которые весело захлопали в ладоши. После этого подали шампанское, все выпили, и ужин продолжился.

– И зачем столько всего, я и так была согласна.

– Откуда я знал, ты обещала подумать и не ответила «да».

– Я приехала, значит, согласна.

Неожиданно Марина почувствовала себя плохо, начало подташнивать и немного двоиться в глазах. Воздух вдруг показался чересчур холодным, она проронила, а все окружающее приобрело зловещие черты.

«Наверное, я утомилась, день такой насыщенный, еще выпила, – пыталась она объяснить свое состояние, – отравиться не могла, всем подавали одинаковую еду, гости здоровы и веселятся». Но уговоры не помогали, она чувствовала себя все хуже, лица окружающих людей стали бледными, почти мертвенноыми, улыбки превратились в злобный оскал, даже веселые огоньки гирлянд навевали страх.

«Как будто огни над могилками», – мелькнуло в голове. Вместо веселых мелодий музыканты скрежетали что-то мерзкое. Она повернула голову к Стасу и увидела, что его лицо тоже стало серовато-бледным, а слева на щеке привиделся отвратительный шрам.

«Наверное, это тень падает неудачно, не было у него никакого шрама», – подумала она и вслух попросила: – Пожалуйста, давай уйдем, мне плохо.

– Как пожелаешь, пора и отдохнуть, – не стал спорить Стас. И почему-то его ответ тоже показался двусмысленным и зловещим.

Замок выглядел холодным и темным, а над ним мелькали черные тени. Когда они вошли внутрь, Марину охватил не страх, а настоящий ужас. Она вскрикнула и, не разбирай дороги, понеслась вперед. Стас кинулся за ней, не понимая, что происходит. Она бежала по коридорам замка и видела, что от нее торопливо прячутся по углам странные скрюченные фигуры, которых она никогда не видела раньше, а под потолком вьются черные летучие мыши. Несколько фигур обернулось к ней, и она с ужасом увидела бледные лица вампиров, красные губы, оскал клыков. Просторные коридоры стали узкими, освещение приобрело туманный фиолетовый оттенок и как будто клубилось.

Она торопилась в свою комнату как в убежище, не понимая, что случилось и почему приветливый и уютный дом неожиданно стал таким ужасным местом. Добежав до комнаты, Марина попыталась

закрыть дверь прямо перед носом Стаса, но он сломил ее сопротивление и вошел следом. Надежды не оправдались, страх не прошел. Из камина появлялись летучие мыши и кружили под потолком, садились на шторы, смотрели на нее горящими красными глазками. Стас не понимал ничего. Он наблюдал, как его невеста мечется по комнате с выражением ужаса на лице, но не видел причину этого. Тем более что изменение в поведении произошло так неожиданно. Только что все было замечательно, она была весела и обворожительна, и вдруг стала походить на сумасшедшую. Было от чего встревожиться, она указывала на пустые углы комнаты и кричала: «Сделай что-нибудь, прогони их!».

Через несколько минут дико вскрикнула и заскочила с ногами на кресло:

– Господи! Змеи кругом, что стоишь, забирайся скорее на кресло.

– Марина, если это спектакль, то это не лучшая твоя роль и совершенно не уместная, у нас гостей полный дом, а ты орешь как оглашенная. Подумаю, что я садист, изdevаюсь над невестой, – Стас был взбешен. – Черт знает что!

– Гости?! Ты натащил в дом вампирской нечести! Ты им жертв привозишь на полнолунье? Вон они налетели, под потолком вьются, мышами летучими прикидываются и в коридоре были, они прятались, но я заметила.

– Ты Брэма Стокера начиталась? Какие вампиры? Кого привез? Совсем сбрендила, наркоты наглоталась? – начал орать в ответ Стас. – Так, стоп. – Он взял ее лицо в руки, заглянул в глаза, пощупал пульс. – Это наркотик, без сомнения. Где ты взяла наркоту? Кто предложил? Говори, черт тебя возьми! – Тряс ее за плечи, засыпая градом вопросов.

– Какая наркота? Я в жизни наркотиков не пробовала, кроме анаши, ты с большой головы не вали на здоровую, – говоря это, она отчаянно пнула что-то или кого-то в пустоте и злорадно засмеялась.

Стас опустился в кресло и попытался осмыслить произошедшее. Его невеста находится под воздействием наркотического или психотропного вещества, оно вызывает галлюцинации. Неясно, что теперь с этим делать. Откуда наркотик взялся – дело десятое, но

это произошло в конце ужина, раньше она была адекватна. То есть в веществе принято недавно, что будет дальше – неизвестно. Нужен врач. Придя к такому заключению, Стас стал обдумывать, как ее вывести из дома без особого шума, чтобы не напугать гостей. Он внимательно посмотрел на Марину. Она была возбуждена, сражалась с пустой, размахивала руками, глаза блуждали бессмысленно и тревожно, губы кривились. Волосы всклокочены, как будто в них и правда запутались летучие мыши.

– Марина, – шепотом обратился он и приложил палец к губам, – тихо, послушай меня, это призраки, они не опасны и не тронут тебя, если с ними не сражаться. Делай вид, что не замечаешь их. Мы сейчас поедем в Вену, накинь плащ, нужно очень тихо пройти по коридорам. Неважно, кого ты увидишь, не замечай, поменьше двигайся и молчи. Чтобы не закричать, зажми рот рукой и запомни: главное – тишина. Ты меня поняла?

– Поняла, – тихо ответила она, – ты хочешь меня спасти? Почему?
 – Ты моя невеста.
 – Значит, ты не из них?
 – Я кто угодно, но точно не вампир, – ответил Стас.

Когда она оделась, он взял ее за руку, еще раз приложил палец к губам и выглянул в коридор. Там было пусто. Пока они сражались с призраками, утомленные гости улеглись спать. Они осторожно прошкочили несколько коридоров и быстро оказались на заднем дворе, где у Стаса стоял автомобиль.

Заведя машину, он выехал из замкового двора и направился в сторону деревни. До Вены было часа два пути, и все бы хорошо, но галлюцинации не оставили Марину и в машине. То ей казалось, что кругом ползают змеи, то их догоняли летучие мыши и бились в стекла. Она вертелась, извивалась на сидении, и он не знал, как довести ее до знакомого врача, которого попросил помочь. Чем ближе они подъезжали, тем беспокойней и возбужденней она становилась. Перестала реагировать на увещевания, кажется, не слышала его, а только то, что звучало в голове. Когда до города оставалось минут тридцать езды, вдруг вскрикнула и, вцепившись в руль, резко крутанула его. Машина пошла юзом и едва не свалилась в кювет.

Стас успел локтем оттеснить ее в сторону, резко нажал на тормоз и залепил затреину, которую та даже не заметила.

– Тебе жить надоело?! Хочешь нас обоих угробить?!

– Ты человека сбил только что! – кричала она.

– Да елки, не было никакого человека, это у тебя в голове происходит.

– В голове? Человек в черном капюшоне, посреди дороги, ты на него наехал. Посмотри, у тебя в машине кругом кровь, – крутила она головой, показывая рукой на несуществующую кровь.

Стас увидел едва заметную пену на губах. «Передоз, – мелькнуло в голове, – этак я ее живой не довезу».

Он протянул руку, коснулся шеи и слегка нажал на известную ему точку, Марина потеряла сознание, отключившись, как робот, а Стас погнал машину на максимальной скорости. Клиника была косметологическая, но хозяин давно дружил со Стасом и согласился помочь, не привлекая полицию. В больнице у нее сразу взяли кровь на анализ и поставили капельницу. Их устроили в одноместной палате, и ночь неожиданно прошла спокойно, она уснула, и ему тоже удалось спспать, сидя в кресле.

Утром врач пришел в палату проконтролировать состояние больной. Анализ подтвердил, что в крови присутствует сильнейший синтетический наркотик, но это однократный прием. Стас был уверен, его невеста не принимает наркотиков, но почувствовал облегчение, когда это подтвердились: «Значит, ей его подмешали в еду или спиртное в конце вечеринки. Ладно, разберемся».

Они стояли возле ее кровати и разговаривали на немецком языке, когда Марина очнулась и попыталась приподняться на кровати.

– Я в больнице? Как я тут очутилась? Ты что, решил меня на органы продать? – она встревоженно задавала Стасу вопросы, одновременно пытаясь вырвать катетер из вены. Медсестра кинулась к ней, пытаясь остановить и сохранить катетер на месте.

– Да что за наказание такое? Прекрати вены портить. Сколько будешь чушь нести? Вчера я тебя вампирам подарил на закуску, сегодня на органы продал… Это ты вчера наркоты наглоталась и устроила в замке черт знает что. Мне пришлось тебя в город везти. Тебя здесь

спасли, откопали, и хватит уже мое терпение испытывать. А то я тебя собственноручно на органы разберу! – разгневанная речь Стаса произвела впечатление.

– Я наркоты наглоталась? – она от удивления оставила катетер в покое. – И где бы я ее взяла? Это не батон купить в булочной.

– Вот видишь, не нравится. Вы со своими дружками на одну колодку деланные. У юристов мода такая людей без доказательств обвинять? Спасибо хоть мой друг нас не понимает.

– Когда меня выпустят отсюда? – воинственно спросила она.

Стас задал вопрос немцу. Они немного поговорили, затем он обратился к больной:

– Надо полежать, покапают, понаблюдают. Тебе получше, вампиров хоть видеть перестала. Я пойду, ты тут под присмотром. Только не вздумай глупости делать, просто лежи и просто лечись. – И Стас удалился.

Марине ничего и не оставалось, как лежать и восстанавливать силы, потому как физически чувствовала она себя ужасно. Она размышляла: «И как только люди добровольно соглашаются на такие мучения, еще бешеные деньги платят».

События того вечера сохранились в памяти обрывками, но пережитый ужас не оставлял и в больнице. Она никак не могла поверить, что находится в безопасности, а когда удавалось заснуть, во сне преследовали кошмары. Марина начинала кричать, прибегала медсестра, будила и быстро и непонятно говорила. От звука немецкой речи начинали мерещиться другие ужасы: тайные лаборатории, опыты над людьми, белые крысы, перебинтованные собаки и прочая чушь. Она уже понимала, что этого нет в действительности, но менее страшно не становилось. Марина считала себя храброй, но то, что она пережила и продолжала переживать, было иррационально, не имело причин и потому казалось особенно ужасным.

После того как Стас оставил свою «наркоманку» в больнице, он в спешном порядке принял разбираться с ее отравлением. Нужно было понять, кто это сделал и с какой целью. Улик у него практически не было, кроме записи с камеры наблюдения, которая захватывала

часть помоста со столом. Еще имелся небольшой фрагмент записи помолвки с мобильного телефона. Бегло просмотрев обе записи, он не увидел ничего подозрительного.

«Придется подключать логику, – сказал он себе, – какую цель преследовали и кому выгодно». Впрочем, цель была понятна, кто-то хотел расстроить помолвку и, следовательно, женитьбу. Вначале он предположил, что это могла быть Хелен, его бывшая жена, которую он запросто звал Ленкой. Он расспросил Эрика, и тот сознался, что говорил матери о новой подруге отца и как она ему понравилась. Эрик не знал о помолвке и рассказать о ней не мог. Но Ленка могла предположить, что он собирается жениться на этой русской, и привнововать не его, а сына. Она терпеть не могла все русское, и то, что ее приемный сын (родной племянник) обзаведется русской мачехой, не могло радовать. Среди приглашенных гостей ее не было, значит, пришлось бы нанимать постороннего человека за деньги. Это не ее стиль, она расчетлива, умна и не любит бросать деньги на ветер. К тому же иметь свидетеля преступления, то есть шантажиста, в будущем она себе бы не позволила. Да и риск напрасный, опека над приемным сыном ей не нужна, бывший муж тоже интересовал мало.

Стас оставил подозрения в отношении бывшей жены и решил поискать более подходящую кандидатуру на роль отравителя. Пожалуй, убивать Марину не собирались, вмешательство полиции было ни к чему. Скомпрометировать невесту – другое дело. Из друзей, приглашенных на вечеринку, никто не знал о помолвке, значит, это спонтанное решение, продиктованное, скорее всего, ревностью. Так что мужчин можно исключить, да и отравление – чисто женское преступление.

Стас напряженно думал. Из шести присутствующих женщин у него ни с кем не было близких отношений. Ревновать было некому, мстить не за что. У всех женщин были мужья или постоянные партнеры. Он понял, что заходит в тупик. Логика буксовала, он усмехнулся про себя: «Если логика не работает, это точно женских рук дело».

Подумалось, не зря ли оставил Марину одну. Никто из гостей не догадывается о том, что произошло, он ни с кем не делился, но они исчезли так внезапно. Отравительница одна знает почему, и если русская жива, то находится в больнице. Она может выследить. И не

попытается ли неизвестная госпожа Тофана вновь отравить русскую, чтобы окончательно убедить Стаса, что его невеста наркоманка.

«Это уже паранойя, надо взять себя в руки, такие мысли только нагнетают панику, и не помогают в расследовании», – дал он себе установку.

Пришлось еще раз внимательно просмотреть записи, Стас выделил трех женщин, которые во время ужина оказывались в непосредственной близости к ним обоим: «С ними надо встречаться и разговаривать, я должен понять, кто из них мог сотворить такое».

На телефоны интересующих его дам бросил программу слежения. Теперь он всегда знал, где они находятся. Это давало возможность не допустить отправительницу в больницу, где находилась Марина, и можно было подстроить неожиданную встречу. С первой дамой он столкнулся в крупном торговом центре. Короткая непринужденная беседа помогла выяснить, что муж женщины получил приглашение в Калифорнийский университет для чтения лекций по европейской культуре. Она светилась от радости, предложение было очень выгодным материально и давало возможность пожить в Сан-Франциско. Ей точно было не до ревности и не до отравления незнакомой девицы. Стас выразил удивление, что его друг не рассказывал о таком замечательном событии в жизни, на что получил ответ, что боялся спугнуть удачу, но теперь окончательно решено, и через неделю они уезжают. Тут же получил приглашение на вечеринку по случаю отбытия. Стас любил эту пару и порадовался, что они не причастны к отравлению.

На следующий день он встретился с другой подругой в кафе, где она завтракала в одиночестве, хотя в Вене принято завтракать в компании.

– Привет, Линда! – радостно приветствовал он. – А где наш хазбенд? – он назвал их общего друга мужем на английском языке, потому что женаты те не были. – Почему грустит в одиночестве такая очаровательная женщина? – И поцеловал руку.

– Ты, как всегда, галантен, – отозвалась повеселевшая Линда, – но не деликатен, неужели ты не слышал, что мы расстаемся?

– На моей вечеринке вы были вместе, и ничего не предвещало разрыва, – искренне удивился Стас.

– Просто ты был погружен в свое счастье и ничего не замечал, у нас уже давно все плохо, и эта вечеринка была прощальной. Решили выйти в свет вместе в последний раз. Тем более что мы оба тебя очень любим, – Линда многозначительно положила руку на его рукав.

– А где же твоя очаровательная невеста? – продолжала она.

– Она в больнице, – коротко ответил Стас и заметил, как торжествующе блеснули ее глаза.

– И что случилось с нашей русской? Перебрала от счастья? – улыбочка змеилась на губах и других доказательств больше не требовалось.

– Ты прекрасно знаешь, что случилось с нашей русской невестой, – сурово сказал он, убирая ее руку.

– О! – удивленный возглас Линды повис в воздухе.

– Ты засветилась на камере, когда вертелась около нее, – слегка приукрасил Стас. – Не пойму только зачем? Что плохого она тебе сделала?

– При чем тут она? – воскликнула Линда так громко, что на них оглянулись. – Я так давно люблю тебя. Когда ты развелся с Хелен, у меня появилась надежда, что ты полюбишь меня. Я как могла подогревала вашу дружбу с этим ничтожеством, чтобы иметь возможность чаще видеть тебя, но все мои ухищрения обратить на себя внимание не срабатывали. Ты видел во мне... Да, собственно, ты вообще меня не видел. – Линда горько покривила губы. – Ты приглашаешь нас в гости, и я наблюдаю тебя с этой русской девчонкой. А когда ты объявил о помолвке, я как будто сошла с ума, – она замолчала.

Стас ждал, когда она продолжит исповедь. Она вздохнула, грустно посмотрела на него:

– Я не могла видеть ее рядом с тобой, такую счастливую. У меня с собой был порошок, я иногда принимаю вочных клубах. В дамской комнате вылила глазные капли и растворила порошок в воде, он растворимый. Мимоходом капнула ей на кусочек торта, но она его почти не ела, пришлось добавить в шампанское. Я думала, она устроит шоу и опозорится перед тобой и гостями, но ничего не произошло. Вы просто исчезли из замка, и я до сих пор ничего не знала, как и другие гости.

– Ты неплохо постаралась, у нее был передоз, и она могла умереть, если бы я не понял, в чем дело, и не отвез ее в Вену, – сказал Стас. – Ты понимаешь, что чуть не убила человека?

– Мне жаль, что так вышло, а больше всего, что она не опозорилась, – ответила Линда, не выказывая никаких признаков раскаяния. – Ты теперь сдашь меня в полицию?

– Не дождешься, скандала не будет, а тебя Бог накажет, если сочтет нужным, – отозвался Стас. Он поднялся и ушел, не попрощавшись.

Через несколько дней Марину выписали. Физически она чувствовала себя хорошо, если бы неочные кошмары. В ней, такой легко-мысленной, поселилось недоверие к окружающему миру. Это был не страх, нет, но ее покинула уверенность, что она находится под защитой неведомых сил, которую чувствовала с самого детства. «Добро пожаловать в реальность, дорогая», – холодно усмехнулась она себе в зеркало.

Стас забрал ее из больницы, когда врач сказал, что пациентке больше ничего не угрожает. Привез в другой отель на всякий случай, хотя Линде сейчас было не до повторных акций, он был в этом уверен. Этот отель тоже располагался рядом с домом Стаса, но был многоэтажным современным зданием. Номер был больше прежнего, но стандартный и безликий. Она отнеслась к своему новому жилью равнодушно, понимая, что жить здесь будет недолго, и не ошиблась, Стас сказал, что через несколько дней они уезжают. Сослался на неотложные дела, сообщив, что не сможет уделять ей достаточно времени, и исчез, оставив одну. Первый день Марина не выходила из номера, валяясь на огромном диване и щелкая пультом от телевизора, тупо глядя на мелькающие картинки и морщась от звуков немецкой речи. Она даже не ужинала, аппетита не было, как и настроения. Не могла простить Стасу обвинения в приеме наркотиков, считала, что он ей не поверил, бросил одну в чужом городе, а сам занят непонятными делами.

На следующий день она спустилась в ресторан, позавтракала и отправилась бродить по Вене. Было тепло, солнечно, но город казался пустым, точнее ей было в нем пусто, красоты раздражали, расстояния утомляли. К обеду вернулась в отель, в номер подниматься

не стала, там было особенно тоскливо, а осталась в холле. Заказала кофе и устроилась у огромного окна-витрины, выходящего на улицу.

Оставлять Марину одну Стасу очень не хотелось, но он решил прослушать Линду хотя бы несколько дней и поставить контрольную точку в этом деле. Для этого у него имелась специальная программа-шпион, которая была послана на телефон в виде безобидной эсэмэски с незнакомого номера. Программа позволяла слышать не только телефонные разговоры, но и записывать их и отсыпать по нужному адресу. Все разговоры можно слушать в режиме реального времени или позже в записи. Он не хотел ничего пропускать, и в конце второго дня поймал разговор, который вознаградил за потраченное время. Стало ясно, что Линда не просто иногда употребляет наркотики, а давно и прочно на них подсела, а чтобы добывать деньги на дорогое удовольствие, не гнушается распространением. Она договорилась с дилером о новой партии наркотика, и Стас решил сдать их полиции. Он обещал Линде, что не будет привлекать полицию по ее душу за отравление невесты, но не обещал, что позволит безнаказанно травить других людей. Поэтому с чистой совестью сообщил в полицию о времени и месте передачи партии запрещенных веществ. Естественно, это было сделано анонимно, с неопределенного номера. Иначе он поступил не мог, потому что добыл сведения незаконным путем. На этом посчитал дело закрытым, что называется, умыл руки и отправился к Марине в отель.

Стас материализовался в холле отеля и опустился в кресло напротив. Некоторое время смотрел на нее и молчал, она тоже смотрела и молчала.

– Долго будем в молчанку играть? – прозвучал вопрос.

Марина в ответ пожала плечами.

Он вздохнул:

– Прощения прошу, что оставил тебя одну, но мне нужно было разобраться. Я понимал, что ты не виновата. Теперь знаю, что наркотик тебе подкинули, и даже знаю кто.

– Я рада за тебя, – холодно отозвалась она.

– Не вредничай, в этом происшествии я не виноват.

– Зато виноват кто-то из твоих гостей.

– Права, виновница нашлась, я ее вычислил, и она получит свое. Через два дня мы улетаем, я уже взял билеты. Но хочется грандиозно закончить наше путешествие и сгладить неприятное происшествие. Любое твое желание, – Стас замолчал и вопросительно смотрел на Марину, ожидая.

Она задумалась, обижаться глупо: обида – удел гувернанток. Потому решала, как поступить в этой ситуации. Можно, конечно, назло маме отморозить уши, но кто от этого выиграет? Тот, кто провокацию задумал. Значит, нужно придумать необычное.

– Нам нужна перезагрузка! – осенило ее. – Париж!

– Что Париж? – не понял Стас.

– Мы летим в Париж, сейчас!

– Ты уверена? У нас слишком мало времени.

– У нас мало времени, и время пошло.

Стас открыл программу на смартфоне, посмотрел расписание:

– Самолет через три часа.

– Билеты закажи, помчались, а то опоздаем.

Ошеломленному спутнику пришлось подчиниться.

Не то чтобы Марина любила Париж, скорее, не успела его узнать за несколько дней, что там провела. Но представление сложилось. Увы, любимый русскими город вызвал раздражение сnobизмом. На Елисейских полях она услышала от гида, что они находятся на самой красивой улице мира. «Вот уж, – подумала она, – видела я улицы и красивее, дело вкуса. Лично мне больше нравится Барселона и ее солнечный бульвар Рамбла, да мало ли красивых городов и улиц. Послушать французов, так у них все самое лучшее: сыр, вино, мода, художники, кулинария...»

Но в их ситуации помочь мог только Париж как символ романтики, город влюбленных. Ему, только ему было под силу спасти их разваливающиеся отношения. Марина не обманулась в ожиданиях: весь вечер, ночь, следующий день показались им вечностью.

– Таки мы прогулялись до городу Парижу, и это я тебя до него прогуляла, – сказала она спутнику, когда они благополучно прибыли в Нижний Новгород. И добавила: – Ради этих дней стоило родиться.

И Стас кивнул в ответ, соглашаясь.

8

От свадьбы Марина решительно отказалась, заявив, что ей хватило помолвки, до сих пор кошмары снятся:

– Честно говоря, не понимаю ажиотаж со свадьбами. Дело двоих – поженились и живите. Раньше это было сакральное действие, имело массу смыслов, которые теперь утрачены. Нынче – сплошной выпендреж и понты. Давай просто зарегистрируемся без свадеб всяких.

Стас удивлялся и находил это странным:

– Все девочки любят свадьбы.

– Ты хочешь, чтобы твои здешние пассии меня окончательно дотравили? – довод Марина считала железным.

– У меня здесь нет никаких пассий, – возражал будущий муж. – Но, честно говоря, уже хочу, – ехидно улыбался и предлагал: – Мы маленьку свадебку сделаем, моих пассий звать не будем.

Но не особо сопротивлялся, не хочет и не надо, ему свадьба без надобности. В конце концов они пришли к общему соглашению. Подали заявление и назначили выездную регистрацию на самый конец апреля. Пригласили только близких друзей Стаса, так что гостей набралось всего пять человек. Неожиданно скромное торжество получилось веселым. Вначале прошла регистрация на высоком берегу Волги с прекрасным видом на реку. Скрипач попилякал на скрипичке вальс Мендельсона, выпили шампанского, и маленькая компания погрузилась на небольшой катер, который гордо именовали яхтой. На яхте к их прибытию был накрыт стол, а оркестр из четырех человек играл джаз, и всю ночь танцевали до упаду. Вернулись домой под утро. Так началась их семейная жизнь.

С утра Марина выполняла рабочие задания, которые неизменно присыпал шеф, иногда участвовала в совещаниях или переговорах по видеосвязи и, расправившись с работой, принималась писать третью повесть. Время было до ноября, но она решила расквитаться за лето и закрыть долг, который ее тяготил. Она понимала, что таких книг, какие пишет она, можно писать километрами, ни вреда, ни пользы от них читателям никакой, но привыкла любое дело доводить до конца, так ее учил папа. Новую книгу она, памятуя о пережитом

в Австрии ужасе, писала в жанре хоррора, таким новомодным словом называются нынче ужастики.

У Стаса работа была ненормированная, в том смысле, что он сам себе хозяин. Его фирма занималась разработкой программ для умных домов, роботизацией и прочими высокими технологиями. Тё, кто писал программы, в офисе не появлялись. Они исполняли свою работу и исчезали из поля зрения до тех пор, пока снова не оказывались нужны для выполнения очередного задания. Стас называл их «мои гении», хорошо знал возможности каждого, и задания любой сложности всегда оказывались выполненными. В офисе находились в основном специалисты, дающие этим программам реальную жизнь, те, кто монтировал, сопровождал в эксплуатации. Это сложное хозяйство Стас создал с нуля и успешно поддерживал на плаву. Подобная фирма существовала у него и в Австрии, потому мотаться туда ему приходилось часто. Даже налаженное дело требовало периодически хозяйственного глаза. Марину он пристроил в свою фирму, и она наводила порядок в текущих делах, потому что гениальный юрист у него был, но гении рутиной не занимаются. Так у нее появилась еще одна работа, которая поначалу отнимала много времени и сил.

Иногда он пропадал на работе сутками, иногда уходил на несколько часов и снова появлялся. Бывало, что вообще не уходил, а работал дома. Вставал всегда в шесть утра, даже если уснул в пять, и часа два тренировался по системе своего японского учителя. Марину график жизни мужа бесил, она никак не могла в него вписаться.

Однажды, раздосадованная его долгими отсутствиями и неожиданными появлениеми, она заявила мужу:

– Какой ты непредсказуемый, никак не могу себе любовника завести.

– Не понял, – изумленно переспросил Стас.

– Что тут непонятного. Как говорят француженки, у каждой женщины должен быть муж, любовник и друг. Муж у меня есть, друзей хватает, а любовника не могу в свой жизненный график втиснуть из-за тебя, – с невозмутимой миной сказала она.

– С такими штуками ты и мужа лишишься, – с досадой заявил Стас. – Ума не хватает понять, что с мужьями так не шутят?

– А, так ты домостроевец! Отказываешь жене в таком невинном развлечении, как юмор. С тобой, оказывается, шутить нельзя.

Бытовые проблемы в доме отсутствовали. Домашнее хозяйство было давно и успешно налажено. В доме Стаса со временем мамы рулила домоправительница Клавдия Васильевна. Она решала, чем кормить, какие клеить обои, какие шторы вешать. Марина, несмотря на своенравный характер, умела просчитывать варианты и не вступала в конфликты, в которых шансы равнялись нулю. Проще было игнорировать. Сразу поняла, что вступать в откровенную войну бессмысленно. Клавдия была со Стасом, когда умерла его мама, она держала дом в том порядке, который завела его мама, поэтому мудрая новая жена делала вид, что ее все устраивает и что Клавдия облегчает им жизнь. Отчасти так и было, но Марина понимала, что в этом доме ей хозяйкой не бывать. Она наблюдала и выжидала, заниматься хозяйством все равно пока было некогда. Клавдия вначале приняла ее в штыки, но, увидев, что новая хозяйка не вмешивается в дела, не ломает устои дома, смягчилась. Домоправительница появлялась три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу, на несколько часов, и это время Марина старалась проводить на фирме мужа.

В начале июня Стас отправился в Вену. У Эрика начались канкулы, и он рвался к отцу в Россию. Стас собирался пробыть там всего несколько дней, и на эти дни Марина осталась предоставленной сама себе. Она любила побродить в одиночестве по красивым местам, подумать об отвлеченном. Иногда в такие минуты к ней приходили стихи. Не те, которые вымучиваешь сидя за столом, а настоящие, которые слетают как падающие листья неизвестно откуда, готовые, только успевай записывать, потому что и улетают они так же мгновенно, как вспугнутые птицы. Не записал – твоя беда, больше они никогда не вспомнятся, оставив легкую грусть по себе, как будто от встречи с мимолетным и прекрасным.

В один из таких пустых жарких дней Марина бродила по набережной, лениво разглядывая Волгу и расслабленных таких же праздношатающихся отдыхающих. Мысли в голове текли лениво и неизбежно, а так, по привычке. Она думала, почему равнодушна к этому красивому городу, в котором теперь живет. Ей нравилось

влюбляться в города. Почему-то вспомнился небольшой Владимир, который сразу лег на сердце и который всегда вспоминался с удовольствием. И Ярославль – красивый губернский город, местами даже очень красивый, который оставил равнодушной. Сегодня ей пришла мысль, что дело в характере города. Ярославль – броский, яркий, весь напоказ, торговый, полный откровенного купеческого духа – «вот я каков». И противоположность ему – Владимир, полный достоинства и холодноватой сдержанности. Люди в этом городе так естественно существовали во временном пространстве от двенадцатого до двадцать первого века, что вызвали искреннее восхищение. Марине подумалось, что Владимир ближе к северу и потому своим характером немного похож на любимый Питер. А Нижний Новгород – купеческий, кипучий и бурлящий, всюду ищущий выгоду, неуловимо похож на Ярославль. И, пожалуй, оба города ближе по характеру к Москве, которую она терпеть не могла. Это было странно, сама по характеру вспыльчивая, горячая, деятельная, она должна была и города такие же любить. Но нет, душа тянулась в строгую сдержанность, видимо, находя в ней отдохновение.

Четыре дня пролетели незаметно, прибыли ее мальчики, как она выразилась, и жизнь покатилась дальше, немного изменившись с прибытием еще одного члена семьи. Марине пришлось освободить кабинет, который она уже считала своим, потому что это оказалась комната Эрика. Квартира мужа, большая, четырехкомнатная, была выделена государством его отцу в советские времена как крупному ученому. Вдвоем им было вполне комфортно: гостиная, спальня, два кабинета. Теперь у нее не было определенного места для работы, она устраивалась то в спальне, то в просторной кухне. Марина вспомнила, как в их большой по советским меркам квартире тоже не хватало места. Была общая гостиная, кабинет отца и ее маленькая спальня, а маме для работы оставалась только кухня, но ей, архитектору, это место совершенно не подходило. В те времена любая отдельная квартира считалась роскошью, и маму здорово отругала бабушка, которой та пожаловалась на тесноту.

Однажды вечером, когда Эрик уже спал, они вдвоем со Стасом чаевничали на кухне и болтали о разных пустяках.

– А ты не желаешь узнать, чем закончилась история с твоим отравлением? Все не соберусь рассказать, – неожиданно задал он вопрос.

– Смешно спрашивать. В нетерпении.

– Начну с того момента, когда оставил тебя в больнице. Я понял, что виновата в отравлении женщина: раз во время помолвки, значит, из ревности. Хотя амуроں ни с одной из них не крутил. Оказалось, подруга моего приятеля Линда рассчитывала женить меня на себе, а я об ее планах даже не догадывался. Когда объявил о помолвке, у нее крышу сорвало. Наркотики она употребляла, с собой были, накапала тебе в торт и шампанское. Хорошо, что ты немного принял, а то могли не спасти.

Марина внимательно слушала, но не поняла, откуда он все узнал.

– Интересная история, но как ты раскопал это?

– Вечеринку снимали две камеры. Я все записи внимательно просмотрел, нашел трех дам, которые чаще других оказывались возле нас и имели возможность наркоту добавить. Я не был уверен, кто конкретно, и решил встретиться со всеми и поговорить. Линда сама проговорилась, я ее только подтолкнул в нужном направлении и слегка взял на понт. Потом кинул шпионскую программу на телефон и узнал, что она людям наркотики поставляет. Отправил в венскую полицию информацию по поводу крупной партии. Накрыли при передаче и ее, и дилера. Они не такие продвинутые, как у нас, в России, почти не пуганые. Линду и ее дружка арестовали. Был суд, получили по заслугам. Теперь твоя отравительница отсидывает в тюрьме. Понимаю, ты сейчас скажешь, что это недопустимые методы, но я не раскаиваюсь. Я расквитался за тебя и других, кого она травила, – Стас замолчал, тревожно ожидая, как отреагирует его юридическая жена.

Марина тоже молчала, наконец вздохнула:

– Неинтересно. Техническая работа: просмотрел, проследил, подслушал, подставил.

– Ну да, ни стрельбы тебе, ни погони, ни драки, – подал реплику Стас, – как вышло, до твоих дружков и до тебя мне далеко.

Она не обратила внимания на его сарказм:

– Что я могу сказать, ты поступил, как Глеб Жеглов, вор должен сидеть в тюрьме, а каким способом его туда засадили, не имеет значения. Эта правда не хуже и не лучше шараповской. Доказать, что она пыталась меня отравить, официально было нельзя. Наркоту употребляла, распространяла, значит, схлопотала за дело. Но это все равно неправильно. Впрочем, она это начала – бумеранг всегда возвращается к тому, кто его бросил.

9

Заканчивалось лето, особо пышно расцвели клумбы с яркими осенними цветами, деревья были еще зелены и даже свежи после утреннего дождя. Стояла жара, но в воздухе чувствовался пока неявный аромат увядания. Лето как женщина в расцвете лет, которая вдруг заметила, что красота еще есть, но признаки увядания уже присутствуют на лице. Она хорохорится, надевает яркие наряды, делает новую прическу и яркий макияж, но это скорее жест отчаяния в попытке удержать уходящую молодость.

Таким жарким днем в конце августа Марина и Стас прогуливались по набережной, заодно намечая планы на сентябрь. Эрика надо было отвезти в Вену, чтобы успел к началу занятий в школе. А потом Стас предлагал из Вены отправиться в путешествие по Европе на машине – куда глаза глядят.

– Ты еще не напутешествовался? – спросила Марина. – Где мы только ни были в этом году: в Португалии, Австрии, Сибири, своим ходом пол-России проехали.

– А сейчас еще в Италии побываем, ты давно хотела. Я предлагаю поехать на машине из Вены в Италию, потом Испания, Франция, и так по мелочи. Пока не надоест.

Марина вздохнула:

– Мне уже надоело. Может быть, никуда не поедем?

Почему не хотелось никуда ехать, она сама не могла понять. Видимо, путешествия реально утомили. Особо утомила поездка домой, больше морально. Обиженные друзья с трудом сменили гнев на милость за то, что она зажала свадьбу. Особенно лютовала Лерка, бывшая свидетельницей на ее первой свадьбе и не представлявшая,

что чужая тетка могла занять ее законное место свидетельницы. Объяснения, что свадьбы не было, а только регистрация, не успокоили, и она от досады, как выразилась, чуть не съела собственную шляпу.

– Что это наша путешественница заскучала? – отвлек от воспоминаний голос мужа. – А мне понравилось у тебя в Сибири, красотища! И через всю Россию ехать на машине тоже, я так долго своим ходом не ездил. А Эрику как понравилось, он только об этом и говорит, так привык к тебе в дороге, что стал звать Ма. Хитрец! Сокращение и от Марины, и в то же время от мамы.

– Да, – согласилась Марина, – меня это тронуло, это даже лучше, если бы он звал меня мамой. Хорошо, дорогой, – подумав, согласилась она почти обреченно.

Из родного города в Нижний Новгород они отправились своим ходом на ее новеньком авто. Она сказала, что продавать машину, которая приобретена на гонорар за вторую книгу, не хочет. Потому автомобиль надо перегнать домой. Считать «Шкоду» машиной Стас категорически отказывался. Говорил: «Моя жена и «Шкода» – вещи несовместимые, я куплю тебе нормальное авто», но это только разозлило Марину:

– Это моя машина, и я хочу ее.

Они отправились в путешествие из Сибири на Волгу. Стас, смеясь, назвал это путешествие: «Тroe в консервной банке, не считая собаки».

– Ты прав, люблю я путешествовать, люблю, просто устала от обилия впечатлений, – продолжая разговор, сказала Марина, – тем более в путешествии я так неожиданно встретила тебя. Страшно подумать, вдруг бы случай не занес тебя в Лиссабон, – она передернула плечами.

– Я и не собирался в Лиссабон, – ответил Стас, – в голову бы не пришло туда тащиться, да еще в марте.

– Не поняла, а куда ты собирался? – оторопело спросила она.

– Как обычно, в Вену, и вдруг заметил: бродит эдакое создание неприкаянное по аэропорту, симпатичное. Я говорил тебе раньше, подумал: «На такой девушке я бы женился».

– И...

– И решил познакомиться. Когда ты стояла у табло с билетом, информацию по рейсу искала, мимо прошел, сфотал твой билет. Потом увеличил фото, узнал, куда ты направляешься. Купил билет на твой рейс, к счастью были в наличии, сдал свой и с готовым билетом подкатил, – разоблачил он свой хитрый план.

– Обалдеть, какие мы, девочки, наивные... А отель тоже подстроил?

– Само собой.

– А рассказал зачем? Я думала... случай.

– Сам не знаю, к слову пришлось.

– Я в этой истории не знаю, кем больше гордиться. То ли собой, что из-за меня вместо Вены в Лиссабон летят, то ли тобой. Ты, оказывается, ради понравившейся девушки способен бросить дела и полететь на край света. Я нами горжусь, чес слово, – помолчав некоторое время, ответила Марина.

– Не ожидал, думал, ругаться, обзываться нехорошими словами будешь, – с облегчением отозвался Стас.

Переговариваясь, они направлялись к выходу из парка, собираясь перейти дорогу, как вдруг перед ними остановилась машина патрульно-постовой службы. Вышел полицейский, небрежно козырнул и обратился к Марине:

– Гражданка, пройдите в машину. Надо проехать в отделение для установления вашей личности.

– В чем дело? – полезла она в бутылку. – Я что-то нарушила?

– Вы ничего не нарушили, но вы похожи на женщину, находящуюся в федеральном розыске.

– Не поняла, у меня с собой имеется паспорт. Можете убедиться, что я – это я. Это можно сделать на месте, совсем не обязательно ехать в отделение.

Марина во все глаза смотрела на полицейского, он ей не нравился, особенно нагловатая улыбка и бегающие глазки.

– Вы будете нам указывать, как выполнять свою работу? А паспорт можете себе засунуть куда хотите. Я и не такие фальшивки видел, – нагло заявил сержант.

– Не надо мне хамить, права не имеете! – взвилась она. – Хороша у вас подготовка, если не можете нормальный паспорт от фальшивого отличить. По базе пробейте, это вы можете сделать на месте.

– Девушка, умничать будешь? В машину садись! Я имею полное право задержать подозрительную личность на три часа для выяснения, – зашипел полицейский.

Стас стоял в паре шагов от спорящих, и не знал, как лучше поступить, склоняясь к тому, что проще проехать в отделение.

– Парни, уверяю вас, вы ошибаетесь, это моя жена, она вовсе не подозрительная личность, документы у нее в порядке, и вы только зря теряете время, – миролюбиво сказал он.

– А, так тут еще и подельничек нарисовался! И тебя прокатим, выясним, что за птица. Не переживай за нее, а сам лучше вали, пока я добрый, – заявил полицай.

Пока они общались, из машины вывалился другой полицейский и, размахивая пистолетом, заорал:

– Да чего ты с этой курвой рассусоливаешь? Тащи ее в машину, и дело с концом.

Когда он приблизился, продолжая размахивать пистолетом, Стас сделал шаг вперед, неуловимым движением перехватил руку полицейского, развернул его к себе спиной.

– Осторожней: пушки детям не игрушки, – затем навел пистолет на первого и скомандовал: – Оружие и документы – на землю! Два шага назад! Медленно!

Обалдевший сержант положил все, что требовали, на землю и отступил:

– Вы сейчас реальный срок намотали, оба.

– Разберемся. Наручники надень на своего резвого друга. Второй комплект давай. Марина, возьми пистолет, держи их на мушке, – обратился он к жене.

Защелкнул наручники, и оба полицейских оказались обезврежены.

– Думаю, пора позвонить.

Стас набрал Сергея, друга, который работал в городском отделе по расследованию особо тяжких преступлений, в народе именуемом убойным.

– Серега, можешь говорить? Слушай, подскочи с ребятами на адрес, у нас тут небольшое недоразумение с пэпээнниками. Они пытались Маринку в авто затащить для выяснения личности, стали оружием махать, пришлось разоружить... Да не ори, приезжайте, и разберетесь на месте.

Пока ждали группу, полицейские угрожали и матерились, а Стас собрал их удостоверения и решил пробить по базе. В это время полицейский, сидящий за рулем машины, решил смыться. Он завел мотор, но Марина, держащая полицейских на мушке, крикнула:

– А ну вышел из машины, так, чтобы я руки видела! Да не дергайся, я нервная, ненароком отстрелою нужный орган.

Он не внял предупреждению, газанул, и она, недолго думая, пальнула по колесам: машина забуксовала и встала. Испуганный шофер с поднятыми руками занял место рядом с остальными, наручники защелкнулись и на его руках.

Стас покачал головой:

– Маринка, что тытворишь?

– Так свалить хотел, – отозвалась она. – А вы заткнитесь, не давите на психику! – это относилось уже к полицейским.

– Марина! Достань документ. И давай мне.

Стас пробил шофера и присвистнул:

– Тут интересная картина нарисовалась. Из этой троицы двое ряженых.

В это время Сергей направлялся на место происшествия и ругал друга с его благоверной последними словами.

– Как мне теперь этих дебилов отмазывать?

Вопрос повис в воздухе, парни из отдела отмалчивались.

Вдруг молоденький лейтенант хлопнул себя по лбу:

– Полицейские!

– Что полицейские? – рявкнул Сергей.

– Командир, девушка-свидетельница вчера в реанимации очнулась. Когда ее нашли в лесу охотники, сказала: «Полицейские» – и отключилась. В деле есть, я помню. На эти слова никто внимания не обратил, подумали, она зовет полицейских. А вдруг это ее полицейские... Ну бандиты, переодетые в форму...

Сергей задумался:

– Идея так себе. Но хоть что-то. Они ошиблись по девушке в федеральном розыске, а мы сейчас ошибемся по убийствам.

Машина убойного отдела, лихо взвизгнув тормозами, остановились возле машины ППС. Сергей подошел к группе людей, осмотрелся: полицейские в наручниках, простреленное колесо служебного автомобиля и его друзья с пистолетами, отнятыми у служителей правопорядка.

– Картина ма-а-аслом, – протянул, присвистнув Сергей.

Марина фыркнула.

– Бони и Клайд на прогулке, – хмуро добавил Сергей и представился: – Начальник убойного отдела майор Колыванов, что у вас произошло?

Полицейские пытались что-то сказать, но Стас опередил их:

– Документы у них поддельные, я по базе пробил. У двоих – точно липа, а у одного предположительно настоящие. Пытались затащить мою жену в машину, якобы для выяснения личности.

– Разберемся, – ответил майор и, повернувшись к сотрудникам, приказал: – Грузите их в машину.

Подозвал лейтенанта, дал задание:

– Срисуй их портреты – и в больничку к потерпевшей. Одна нога там и другая тоже там. Да опознание проведи как положено, с понятными, под протокол, покажи хотя бы несколько фотографий.

Прибыли в отдел. Сергей пригласил наших «благородных» разбойников к себе в комнатку, которая гордо именовалась кабинетом и в которой едва умещались стол, шкаф с бумагами и несколько стульев. Он внимательно разглядывал их и некоторое время молчал, потом тяжело вздохнул и сказал:

– Марин, тебе не надо ничего объяснять, влипли вы по полной. Они, может быть, и оборотни, но отбирать оружие, задерживать, а тем более стрелять по ним у вас права не было.

– Я – не по ним, я – по колесам, – пискнула Марина, понимая в душе, что Сергей прав.

Он на ее реплику не отреагировал. Задумался, снова заговорил:

– Я попробую с этими бандитами договориться, им самим не в кайф, что их двое гражданских задержали. И наши молчать будут. Проведем как оперативную разработку, при этом свидетели не нужны,

осведомителей не засвечивают. А вам это геройство ни к чему, срок можно реально схлопотать. Как?

Стас пожал плечами, Марина ответила:

– В герои мы точно не рвемся. Попробуй наше участие сгладить.

– Тогда отправляйтесь домой, я вечером позвоню, обрисую, как дела складываются.

Парочка с радостью покинула убойный отдел и поспешила воссвояси. Они не собирались лишний раз напоминать о себе, а Сергей позвонил только на следующий день.

– Ребята! Вот удручили вы нам! Свездо так свездо! – начал он с восклицаний. – Если бы вы знали, кого задержали! Мы их раскрытили по полной, сегодня чистосердечное написали, голубчики! Подтвердилась твоя информация, что двое не полицейские. Сидевший за рулем – автомеханик, второй – уже два года уволен из органов, работает охранником в ювелирном магазине. Только один сержант настоящий, но в тот день у него был выходной. На вопрос, что он делал в свой законный выходной на работе, на служебном автомобиле, да еще и с ряжеными дружками, пытался юлить и врать, что знакомый попросил подменить, а чтобы не было скучно, взял с собой друзей. Такой детский сад на прогулке.

Стас перевел телефон на громкую связь, Марина тоже могла слушать.

– Девушка, которая пришла в сознание, опознала двоих из этой банды. Опознание проведено по форме, под протокол. Оказались эти оборотни, которых вы нечаянно задержали, насильниками и убийцами. Как минимум один эпизод у нас в кармане, раскрутим и по другим. Про вас ряженые уже забыли, никогда не видели, никогда не слышали, так что все нормально, можете тоже забыть эту историю.

Когда Сергей отключился, Марину стал бить озноб, дошел весь ужас неслучившегося.

– Ничего себе поворот. Получается, если бы я села в машину, они бы меня растерзали и выкинули в лесу. Меня бы и не нашли, – с ужасом сказала она.

– Не нагнетай, я бы тебя с ними не отпустил. Я что, похож на идиота?

– А если бы я гуляла одна?

– Вот и нечего гулять одной, – назидательно ответил Стас, – я теперь тоже буду за тебя бояться. Надо прикрепить к тебе машину с шофером, ты мой сотрудник, нечего пешком ходить.

– Ага, и двух автоматчиков в придачу, – посмеиваясь, сказала Марина.

– Ты и без автоматчиков неплохо справилась. Где так стрелять научилась?

– Зря я все детство в тире пропадала? Еще биатлоном занималась, просто бегать на лыжах было скучно. Добегалась-дострелялась до кандидатов в мастера, потом надоело.

– Ты, может быть, охотница? – подозрительно уточнил Стас.

– Дудки! Как можно забавы ради лишать живое существо жизни! Одно дело, когда тайга кормит, а другое дело – убить и хвастаться. Фоточки в интернете постить. Развлечение, видите ли. Острых ощущений не хватает. Ненавижу!

– Опять Остапа понесло, – прокомментировал Стас.

Через четыре дня к ним домой нагрянули гости. Это был Сергей и его ребята из убойного отдела. Ввалились без звонка, шумной толпой. Марина в пять минут собрала на кухне стол. Благодаря Клавдии в доме всегда имелся запас еды и накормить четырех гостей не было проблемой. На стол ребята водрузили несколько бутылок водки и примолкли, ободряюще поглядывая на шефа.

Сергей встал и, осознавая важность момента, толкнул речь:

– Спасибо вам, друзья мои. Благодаря вам город избавлен от банды, которая терроризировала население: грабили, насиливали, убивали, совсем страх потеряли от безнаказанности. На счету этих ряженых полицаев пять трупов, это только то, что уже доказано, эксперты роют еще. Одна потерпевшая осталась жива. Если бы не она, доказать причастность этой троицы к преступлениям было бы сложнее. Они знают, как следы заметать, оборотни поганые, но экспертиза нынче тоже продвинутая. Так что, за вас, за ваше мужество, не побоюсь этого слова – геройство!

Далее все выпили, и начался обычный пьяный задушевный мужской треп. Марина, слушая их, разглядывала обыкновенных на первый взгляд мужиков: худенького, высоченного лейтенанта, полноватого седеющего майора, крепкого парня, по виду – бывшего спецназовца. Она чувствовала к ним удивительно теплые чувства и считала, что вот на таких простых мужиках и держится страна. «Я с ними одной крови, – думала она, – поэтому мне так хорошо в их компании».

– Марина, – вывел ее из задумчивости Сергей, – мы посовещались, не хочешь к нам в отдел? Ты прирожденный опер, и образование позволяет.

Опера выжидающе уставились на нее, но тут в разговор встяял Стас и возмущенно заявил другу:

– Ты спьяну мозгами поплыл? Думай, что говоришь! Чтобы моя жена в эту грязь влезла? С ворами, убийцами жизнь проводила?

Марина предостерегающе подняла руку:

– Это моя жизнь, и мне решать, с кем ее проводить. Но ты прав, – она обратилась к гостям: – Спасибо, ребята! Я польщена, серьезно, но не смогу принять ваше предложение. Была у меня возможность работать в Следственном комитете, но я – пас, работаю только с гражданским законодательством.

– А что так? – спросил Сергей.

– На практике институтской насмотрелась, узнала, что реальность неприятно отличается от книг и кино. Не нравится мне Уголовный кодекс. Мне и Гражданский не очень нравится, но в его рамках меньше человеческих жизней можно сломать. «Государство погибает от плохих законов» – говорили древние римляне.

– Глубоко копает, – покачал головой пожилой опер.

– Не хочу участвовать в этой карусели. Вы их ловите, они отсидят, выходят и снова по новой. А сколько народу сидит по принципу «кто не спрятался, я не виноват». Про суды и говорить нечего. Ребята, по пьяни сорвавших шапку с головы однокурсницы, закрывают на восемь лет, а упира, убившего собственную мать, за то, что посмеяла уйти от мужа-тирана, осчастливилиают пятью годами. Примеров таких вы и без меня немало знаете.

– Так мы тебя не в суд приглашаем работать. Эх ты! Взяла все испортила. Так душевно сидели, – разочарованно проговорил Сергей.

– Мужики, я не хотела вас обидеть. Вы ни при чем, вы – настоящие волкодавы, горжусь, что познакомилась с вами, – почти с нежностью сказала она, – еще в молодости я назвала правоохранителей волкодавами, потому что ловят волков-бандитов, и называю так моего «лепшего» друга Павла, который работает в Следственном комитете, и других моих друзей-приятелей.

– Принято, нам нравится. Это лучше, чем легавые, – переглянувшись, почти хором отзвались опера.

Застолье закончилось за полночь, и, прощаясь в прихожей, Марина, пожимая руку Сергея, сказала:

– Не бери в голову, что я наговорила. Что возьмешь с датой бабы.

– Мариночка, ты абсолютно права насчет наших законов вообще и в отношении УК РФ в частности, но, – Сергей сделал паузу, – как бы ни был плох закон, он единственное, что отделяет нас от хаоса. Запомни.

– Вот это ты шеф сказал так сказал! – встяял спецназовской капитан. – Завтра в отделе плакат повешу.

Сергей поморщился, он не привык, чтобы его перебивали и, подмигнув, почти шепотом произнес:

– Мое предложение остается в силе, если передумаешь, обращайся. На том и распрошались.

«Ты, Марина Алексеевна, как рыцарь на распутье, налево пойдешь... Направо пойдешь... А прямо лучше вообще неходить, – Марина в очередной раз решала, чем интересным себя занять. Она хотела всегда и во всем быть первой, но так не бывает, не получалось и у нее. – Таланту мне не хватает, а в мозгах – цитаты и чужие мысли. Недаром Юрка говорил, что у меня банальное мышление, – критиковать себя она научилась виртуозно. – Единственное, Марина Алексеевна, что вам не грозит, это три «К» немецкой женщины: Kinder. Kuche. Kirche, – усмехнулась она. – Это не про вас, а дальше будем посмотреть».

Чужих детей не бывает

1

Закрыв за мужем дверь, Марина через всю квартиру стремительно понеслась к балкону, чтобы помахать ему оттуда. Когда Стас уходил на работу, обязательно провожала до двери, а потом выходила на балкон. Она проделывала это даже зимой. Почему, объяснить не могла, но ей казалось: если выполнит придуманный ритуал, у него все сложится хорошо, как будто взмахом руки отгоняла возможные неприятности.

Первомайские праздники закончились, но из-за апрельской прохлады пора цветения наступила только сейчас. Марина задержалась на балконе, чтобы полюбоваться двумя огромными каштанами, которые росли в центре двора и только начали распускать белые свечи-соцветия. Она с детства любила цветущие каштаны и не могла отказать себе в этом удовольствии. Кроме того, во дворе были посажены кусты сирени, и они почти все распустились, издавая знакомый головокружительный запах. Соцветия сирени были сиреневой, белой, а еще лиловой, фиолетовой и даже розовой окраски. Розовой сирени Марине раньше видеть не доводилось, и она с любопытством и восторгом разглядывала двор. С балкона двор походил на картину: дома служили рамой, а цветущие кусты сирени напомнили работы французского художника Сёрэ, пуантиста, который писал маленькими мазками, напоминавшими точки, которые, по сути, точками и являлись. Вблизи картины казались скоплением разных цветных пятнышек, но стоило зрителю отойти, точки сливались, образуя людей, море, небо, деревья, дома, рыбачьи лодки и прочие предметы. Кисти сирени состояли из маленьких точечек-цветочков и создавали удивительно гармоничную цветовую гамму, напомнившую ей и творчество художника, и парижские бульвары. Глядя во двор, Марина положила руки на перила и пристроила подбородок на руки, чтобы стоять было удобней. Она лениво вдыхала цветочные ароматы, любовалась двором, размышляла о всякой ерунде.

Лучше всего думалось у воды, и она решила отправиться на набережную, рядом с которой был прекрасный парк. Впрочем, назвать

этот процесс думаньем было сложно. Скорее, это поток сознания, в который не вмешивалась. Давно, в молодости, Марина прочитала у аргентинского писателя, имя которого не помнила, что мысли похожи на рыб. С тех пор представляла мысли как больших и маленьких морских существ, которые, лениво пошевеливая плавниками, проплывают перед глазами, словно перед стеклом аквариума. Рыбы, то есть мысли, бывали разные, это могли быть строчки стихов, которые промелькивали блестящей неоновой змейкой, их только успей ухватить, записать, потому что больше они никогда не вернутся. Это могли быть воспоминания или насущные вопросы, они походили на морских черепашек, медлительных, почти сливающихся с дном, или на актиний, с разноцветными щупальцами, похожих на морские цветы. Оставалось только внимательно наблюдать за ними, пока какая-нибудь рыба не начинала маячить перед глазами, открывая и закрывая круглый рот. Но рыбы-мысли нечасто одаривали откровениями.

Утро, плавно переходящее в день, выдалось солнечным и теплым. Она с интересом разглядывала редких в этот час прохожих. В основном это были гуляющие старушки, молодые мамочки с колясками или бегуны-спортсмены с наушниками в ушах.

«Интересно, почему они все время в наушниках бегают? Им так скучно бегать и они себя бравурными мелодиями подбадривают?» – размышляла она. Спорт она любила и даже была мастером спорта по художественной гимнастике и кандидатом в мастера по биатлону. Занималась и другими видами спорта, вначале со страстью, но быстро охладевала. Быть всегда первой не удавалось, а на меньшее она не была согласна. Разглядывая мамочек с колясками, она с удивлением осознала, что не испытывает привычной боли. «Странно, – удивленно думала она, – с чего я решила, что мне непременно нужны дети? Вспоминаю Аленку, она всегда говорила: «Разве всем нужно замуж? Разве всем нужны дети?»

Аленка с детства была подругой Мариной, окончила медицинский институт, работала врачом на скорой. Замуж не выходила, хотя была высокой, стройной, с толстой пшеничной косой, синими глазами, ей вслед не оборачивался редкий прохожий. Зато у Аленки был кот.

Настоящий сибирский. Он пришел к ней сам и стал жить. Она говорила: «Он меня выбрал». Кот был вольный, ей пришлось в двери выпилить лаз для него, и он уходил и приходил, когда хотел. Зверь был полновластным хозяином в доме, заставлял Аленку готовить, укладывал спать, лечил, решал, кого стоит пускать в гости, кого нет. Единственное, что он не мог, – это говорить. Знакомые парни смеялись: «Пока у Аленки есть кот, ей мужик не нужен». Потом котяра привел в дом кошку, серую худышку, и они стали жить втроем. Кошка начала плодиться, и подруга носилась с котятами по всем знакомым, осчастливливая их, зачастую давая в придачу деньги. А потом Аленка погибла. Взрыв бытового газа на ее кухне был такой силы, что вынес стену к соседям. Она прожила три дня в реанимации, не приходя в сознание, и ее не стало. После кумушки злословили, что докторша покончила жизнь самоубийством, но Марина точно знала: этого не могло быть. В квартире вместе с ней погибла кошка с котятами, а Аленка никогда не допустила бы этого. Потом она долго ходила во двор погибшей подруги в надежде разыскать кота, но никто его больше не видел.

Марина, как от озноба, передернула плечами: «Подруга моя дорогая, как редко я стала тебя вспоминать. Даже свечку не могу за тебя поставить, потому что некрещеная ты ушла. А я вот покрестилась, и не увидимся мы с тобой больше ни здесь, ни на том свете».

Нахмутившись, она мысленно обругала себя: «Хватит уже нюни распускать, каждому свой срок и свое время. Так и с детьми, раз не дают тебе, значит, не нужно. Не выбрал тебя ни один ребенок в матери, может, из тебя плохая мать получилась бы. Мы ничего не знаем, так зачем суетиться, всякие ЭКО применять. А если у этих детей души не будет, как церковь говорит? Или суррогатные матери, разве это твой ребенок будет? Разве у тебя под сердцем он проживет девять месяцев и твоя кровь будет давать ему жизнь? Гены, конечно, твои, но ведь человек не одни гены, он еще и душа. Вот Эрик – совершенно чужой по крови, но такой близкий, родной. Не честнее ли усыновить ребенка и воспитать его достойным человеком. На Руси говорили: «Кто сироту призрел да воспитал, тому все грехи простятся».

Марина, уставшая ходить, присела на лавочку и неотрывно стала смотреть на Волгу. Ей казалось, что она дома, ведь она выросла

на берегах другой реки, не менее широкой и могучей: «По крайней мере, у меня здесь есть такая же река, как дома». Из задумчивости вывел телефонный звонок.

– Ты где бродишь? – услышала она голос Стаса. – Муж – за порог, а жена где-то хвостом вертит, – с наигранным возмущением произнес он.

Она посмотрела на часы, был второй час дня.

– Вот какого лешего тебя так рано домой принесло? Гуляю я, погода отличная, каштаны цветут, чего дома сидеть, – с некоторым раздражением отозвалась Марина. – Ты сейчас что делать собираешься?

– Пообедать хотел с тобой, потом поработать, а вечером куда-нибудь сходить. Сегодня пятница, между прочим. Любимый праздник русского человека, празднуется три дня, – ответил муж.

– Нечего меня анекдотами потчевать, обедай без меня, тебя Клавдия с удовольствием покормит. Работай, я позже подойду, – скомандовала Марина, и, чтобы не слушать возражений недовольного супруга, отключила телефон.

Домой не хотелось. Сегодня была пятница, в доме хозяйничала Клавдия Васильевна – давняя домоправительница Стаса. В этот день она старалась из дома исчезать. Продолжая сидеть на лавочке, греться на солнце, она думала, куда бы податься и что бы такого сделать плохого, но приятного для себя. Ничего интересного в голову не приходило. Надышавшись свежим воздухом, она нагуляла отличный аппетит. Не придумав ничего лучше, отправилась в кафе, благо на берегу их имелось огромное количество.

Беглянка сидела под только что натянутым (в связи с начавшимся теплом) тентом и блаженствовала. Прежде всего от ощущения свободы, которое посетило нежданно-негаданно. Было такое чувство, как будто она прогуливает занятия в школе. Воспоминание о молодости бодрило и вызывало непонятное шальное чувство: радость и тревогу одновременно.

Неожиданно за столик, даже не спросив разрешения, присел человек. Марина возмущенно подняла голову и радостно засмеялась, напротив нее сидел старый друг Стаса Сергей.

– Ты откуда здесь взялся? – удивленно спросила она.

– Ехал мимо, показалось, за столиком ты сидишь. Глазам не поверил, оказалось, ты, да еще в одиночестве, – объяснил Сергей, оглядывая столик.

На столе присутствовали большая кружка пива и основательно начатое блюдо раков. При этом у нее был счастливый и даже победный вид, как у маленькой девочки в песочнице, когда той удается удачно перевернуть ведерко с песком и куличик получается целеньким и ровным. К Марине он относился с неизменной симпатией и сейчас смотрел удивленно, ему ни разу не доводилось видеть ее такой довольной.

– С какой радости гуляем? – поинтересовался Сергей. – Что за праздник и почему в одиночестве?

– О, поводов достаточно: пятница, погода хорошая, из дома сбежала, – обстоятельно перечислила Марина.

Немой вопрос повис в воздухе.

– Не то чтобы сбежала, – задумчиво протянула она, – я гуляла, а Стас вернулся днем и велел мне идти обедать, а я сказала, чтобы он вместе с Клавдией шел лесом. Я – Стрелец, птица вольная. И потом, этот сноб пива не пьет, раков не ест. А я люблю и давно не баловала себя. Вот, сижу, предаюсь разврату.

– Так он у нас француз, какие ему раки. Устрицы под белое вино – самое то.

– Тоже мне, француз бумажный, – фыркнула Марина. – Кстати, какую я только живность не пробовала: крокодилов, улиток, лягушек, – она помолчала, – но устриц живьем – никак. Б-р-р, терпеть не могу. А вот раки очень нынче не дурны, свеженькие.

– Некогда мне раков есть, – возразил Сергей.

– Никуда твои бандиты не денутся за полчаса, а мне в твоей компании побывать – удовольствие, ты страх как моих друзей напоминаешь, – сказала Марина с грустью в голосе. Через небольшую паузу добавила: – И вообще, ты начальник или как.

– Пожалуй, или где. Раз заехал, неплохо бы пообедать, а то когда придется, – резюмировал Сергей.

Он махнул рукой на рабочие обязанности, и они с удовольствием ели раков, болтали о всякой ерунде и расстались довольные проведенным временем и друг другом. Надо было возвращаться домой,

но она оттягивала этот момент. Знала, что Стас недоволен ее длительным отсутствием, но, то, что она вернется под хмельком, вызывало злорадную улыбку. Как и ожидалось, супруг встретил суровым взглядом, она независимо прошла мимо него в гостиную и уютно расположилась на диване, подогнув под себя ноги.

– А с чего это мы такие веселые вернулись? Что за повод? – с оскорбительной интонацией спросил Стас, учуяv запах алкоголя.

– Кто ищет, обязательно найдет, – потянувшись всем телом, ответила Марина. Видя, что невозмутимость бесит его, добавила: – Душа праздника захотела, я разрешила себе пива и раков. Очень было вкусно. И вообще, я тебе не Золушка, не фиг надо мной кражиться, – она показала мужу язык и отправилась в свою комнату, посчитав, что первый раунд остался за ней.

– Раки так раки, кто тебе их запрещает. А телефон зачем отключила? И при чем тут Золушка? – он недоуменно задал вопросы Марине в спину, но она не соизволила ответить.

Через пару минут заглянул к ней:

– Марин, не пойму, чего ты бузишь, чего тебе не хватает?

– Именно! Все хорошо, но чего-то как раз не хватает, – грустно отозвалась она.

– Тебе что, военную кампанию и сестрой милосердной на редут? – предложил Стас.

– Чего несешь, так шутить нельзя! – возмутилась она. – Вообще ты мою мамочку напоминаешь.

– Чем я тебе мамочку-то напоминаю? – удивился муж.

– Прессовала всю жизнь, а я боялась не оправдать высоких надежд. С тобой – то же. Устала на цыпочках стоять, принимай такой, какая есть. Не надо меня улучшать.

– Никто тебя не улучшает, ты и так хороша, просто я за тебя переживаю, чтобы не случилось чего. Я отвечаю за тебя.

– Вот только не надо, это эгоизм, чтобы самому было спокойно. Я уже большая девочка, сама за себя отвечаю.

– Я не собирался с тобой пиковаться. Виктор звонил, они с Ириной приглашают к себе на дачу на выходные, – примирительно сообщил Стас.

- И что мешает ехать?
- Тебя дома не было.
- Время еще детское, за полчаса сберусь.
- За что тебя люблю, собираешься как солдат.
- Только за это и любишь? – съехидничала Марина.
- Больше не за что, – попытался в тон ей ответить Стас и, увернувшись от подушки с дивана, летящей в голову, ретировался.

По дороге на дачу они в основном молчали, перебрасываясь односложными фразами. Марина ругала себя за глупые выходки, а про что молчал Стас, она не знала. Наконец решила, что подробности обеда должны быть доведены до мужа, иначе ситуация может оказаться двусмысленной.

– Нынче в кафе, – начала она, – меня Сергей заметил, когда мимо проезжал, и мы вместе с ним раков ели. Сама рассказываю, а то какая-нибудь кумушка донесет.

- Занятно, – отозвался Стас, – похоже, он к тебе неровно дышит.
- С чего ты взял? Просто по-дружески относится.

– Серега не остановился бы победать даже со мной, а уж раков есть посреди рабочего дня – и подавно. Имей в виду, Серега – не то что твои малахольные друзья. Он парень конкретный: «Вижу цель – иду к ней».

– Он способен крутить роман с женой друга? – от удивления у Мариной глаза округлились, и она пропустила обидное высказывание в адрес друзей.

– Просто он недавно развелся с очередной женой и находится в свободном поиске. Так что «дружить» с ним сейчас – не самое подходящее время, – объяснил Стас. – Он что, нравится тебе? – помолчав, спросил с деланной небрежностью.

– Вот еще, просто он мне понятен, я знаю такой тип людей, мне с ним легко.

- Со мной, значит, тебе трудно, – констатировал Стас.

– Ну что ты, – замурлыкала Марина, поняв, что перегнула палку, – но в тебе столько всего, – она щелкнула пальцами, подбирая слово, – непроявленного. Ты как айсберг.

- Я что, холоден с тобой? – удивился и одновременно обиделся муж.

– Не в этом смысле. У айсберга только одна десятая часть возвышается над водой, а остальное скрыто в глубинах, и что там скрыто, кто знает.

Они снова замолчали: Стас – озадаченный ее словами, Марина – ругая себя за неуместную откровенность.

Через некоторое время они въехали в ворота дома и их радостными возгласами встретили хозяева и приехавшие раньше Вадим с Ольгой, тоже друзья Стаса. Вадим, Сергей и Стас были одноклассниками и дружили всю жизнь. Виктор подружился со Стасом позднее, Стас ввел его в тесную компанию. Стали дружить вчетвером. Жены менялись, входили в дружеский круг, выпадали из него, но личная жизнь не сказывалась на их дружбе. Виктор был женат один раз, раз и навсегда. Вадим был женат второй раз. Две жены Сергея не выдержали тягот жизни с опером и, забрав детей, ретировались. С детьми ему видеться не запрещали, но беспокойная работа не способствовала тесному общению с детьми. В настоящее время он говорил о себе: «Я одинокий волк». На что Марина, услышав эту фразу впервые, заявила, что никакой он не волк, а наоборот, настоящий волкодав. С чем Сергей согласился и стал называть себя: «Старый одинокий волкодав».

Итак, под приветственные возгласы друзей они въехали в ворота и сразу почувствовали знакомый запах жареного мяса. Виктор и Вадим готовили шашлык из баранины по всем известным им правилам, главным из которых было не допускать до шашлыка женщин. Сергей обещал подъехать вечером и тоже оставаться на ночлег, ранним утром мужчин ждала рыбалка.

Дом друзей был большой, но очень простой по дизайну и убранству. Хозяйка во всем придерживалась минималистского стиля. Она была высокой, стройной, с резковатыми чертами лица, черными прямыми густыми волосами, которые доходили до плеч. Одевалась в натуральные ткани, даже украшения носила из дерева или самоцветных камней. Все это очень ей шло, создавая цельный образ. На нее все время хотелось смотреть и слушать ее, потому что голос был низкий и бархатный. Характер имела решительный и твердый, недаром руководила отделением одного иноземного банка. Под стать ей был муж Виктор, который из простого автомеханика стал хозяином сети автосалонов и автома-

стерских, без протекций и помощи извне. Марине очень нравилась эта пара, а с Ириной она бы с удовольствием дружила, но плотный график жизни Ирины не мог позволить такой роскоши, как дружба. Она с трудом выкраивала время на общение с двумя близнецами Галочкой и Юрочкой, которым шел четвертый год. Потому с близнецами постоянно находилась няня, жившая в их семье. И сейчас близнецы играли с няней на устроенной специально детской площадке. Спросив разрешения у хозяйки, Марина присоединилась к веселой троице, дети с радостью приняли ее в компанию. Веселую тетю они хорошо помнили, потому что она часто играла с ними. Особенно они любили разыгрывать небольшие немудреные сценки, которые она помнила из прежней актерской жизни или придумывала на ходу.

Сергея Марина старалась избегать, но все же он улучил момент и сумел застать ее в одиночестве, когда детей увести спать, а она качалась на качелях. Появившись из темноты, он принял сильную раскачивать ее и нести веселую чушь.

– Серега, – начала она по-свойски, – я слышала, ты находишься в поиске дамы сердца. Разреши совет дать. Твои прежние жены не выдерживали оперской жизни, и редкая женщина выдержит. Тебе нужна девушка из твоей системы, чтобы она понимала и принимала твоиочные дежурства, ненормированную работу. Плечом к плечу: следователь, оперативница, прокурорская, на худой конец криминалист.

– Ты мне еще патологоанатома посоветуй. Ты наших девиц не видела, – сказал он немного растерянно, осознав, что ему дают понять невозможность отношений, – они все страшные, как моя жизнь, а по характеру – чистые крокодилы.

– Все крокодилами быть не могут, присмотрись внимательнее, ты просто никогда их под этим соусом не рассматривал, – продолжала она гнуть свое.

– Вот под соусом я их точно не рассматривал, ввиду явной несъедобности, – издевательски засмеялся Сергей, и раздосадованная Марина присоединилась к остальным гостям.

Вечер прошел в дружеской обстановке, все как положено: хорошая музыка, шашлыки, немного алкоголя и шутливого трепа, заду-

шевые песни под гитару. Незаметно компания засиделась за полночь, а когда выяснилось, что уже два часа, решили вообще не ложиться, потому что к четырем все равно нужно на рыбалку. Дамам предложили тоже не спать, а дождаться рассвета и встретить восход солнца.

Они об этом не пожалели. Берег Волги, откуда наблюдали за восходом, был высокий, а противоположный – пологий и уходил далеко в степь. Вначале небо и воздух вокруг стали серовато-прозрачными и с каждой минутой становились светлее, но самого солнца не было видно. Потом совершенно неожиданно вдалеке, на краю степи, показался ярко-красный краешек, на него можно было смотреть не жмурясь. Марина читала, что смотреть на только что показавшееся солнце очень полезно, организм получает его энергию, но в нем нет еще губительной обжигающей силы, и длится это всего несколько минут. С каждой минутой солнце показывалось чуть больше, и казалось, что оно осторожно наблюдает за землей, как будто выглядывая из-за угла: а все ли тут в порядке и можно ли показаться во всей красе. Наконец, решив, что вокруг все привычно, солнце выкатилось почти целиком и повисло над степью уже не красное, а похожее на огромный апельсин. Солнечные лучи скользнули по поверхности реки и словно подожгли ее, одновременно с рекой заполыхало небо. Люди, наблюдавшие это зрелище, замерли, у всех вырвался возглас восхищения. Буйство красок продолжалось недолго, вскоре солнце деловито забралось повыше и начало привычную работу: освещать землю. Наступил новый день, который сложился прекрасно. Все удалось: удачная рыбалка, вкуснейшая уха, поход по живописным окрестностям, катание на лодках и даже купание в еще ледяной Волге. От купания отказалась только Марина, за что была прозвана неженкой, а она отшутивалась: «Настоящий сибиряк летом в шубе не потеет». Расставались, несмотря на бессонную ночь, отдохнувшими, с твердым и, конечно, невыполнимым желанием встречаться чаще.

2

Прошло несколько дней. Однажды Стас появился дома поздним вечером, почти ночью. Услышав звук открывающейся двери, Марина помчалась в коридор встречать мужа. И замерла на пороге, он стоял

в дверном проеме, ей показалось: он ранен. Она посмотрела на пол, крови видно не было.

«Может быть, когда в подъезд заходил, по голове согрели», – мелькнула мысль.

Она смотрела на него, не зная, что делать. Наконец он осторожно переступил порог и прошел в комнату. Марина закрыла входную дверь и направилась в гостиную следом, муж осторожно присел на диван и, не глядя на нее, тихо произнес:

– Виктор и Ирина погибли. – И замолчал.

Марина не выбирала, куда сесть, ноги подкосились, она со всего маху опустилась на пол. Информация о гибели друзей не дошла до сознания, потому что это было невозможно, этого просто не могло быть. Это ошибка!

Но Стас, предупреждая немой вопрос, кратко ответил:

– Авария. Машина вдребезги.

Судорожно вздохнула, перед глазами встали радостные лица друзей, у которых они так недавно гостили. Вот они, провожая, весело машут им вслед, кричат: «До встречи!» Все. Не будет больше никаких встреч, и их больше не будет. Никогда. Марина пыталась вдохнуть, но в грудь как будто вошел раскаленный прут. Она точно знала, что надо заплакать, и тогда жжение пройдет, но не могла. Слез не было. Осторожно встала, боясь расплескать боль, вышла на кухню. Механически налила два стакана воды, жадно выпила, налила еще. Вернулась в гостиную, протянула стакан Стасу:

– Станет легче.

Он не слышал, но протянутый стакан взял, не глядя, залпом выпил. Она медленно пила воду и чувствовала, что жар в груди отступает. Марина кинула диванную подушку на пол у ног Стаса, опустилась на нее, положила голову ему на колени. Довольно долго он сидел, не чувствуя этого, потом осторожно начал гладить по голове, как гладят кошку, ласково и осторожно.

– Я познакомился с Витькой в церкви на кладбище, – задумчиво говорил он. – У меня недавно умерла мама, зашел в церковь поставить свечку и случайно столкнулся с парнишкой, который делал то же самое. Оказалось, второй год как у него не стало матери, но

в отличие от меня он жил в детдоме, у него не было родни, – Стас замолчал, и Марина ждала, не осмеливаясь задавать вопросы, неожиданно заговорил снова, рассказывал не ей, просто вспоминал: – Мы сразу подружились, наверное, горе сблизило. А еще он был просто хороший парень. Когда уезжал в институт, подарил ему телефон, и мы всегда были на связи. Ему повезло с директрисой, под крыло взяла, опекала, квартиру выбила, как сиротам положено. Убитую, но свою, в ней поначалу жить было нельзя. Витька устроился автомехаником, работал днями, ремонтировал эту халупу. За год сделал из нее картинку. Продал. Себе купил студию, а появившиеся деньги вложил в мастерскую. «Кто сказал, что жизнь должна быть справедливая?» Но не настолько же! Господи, почему? – Стас стукнул кулаком по подлокотнику дивана, потряс ушибленной рукой, – Витька поднялся с нуля… И погиб, когда только бы жить! Свое дело, деньги, дом, любимая семья. У меня это в голове не укладывается. Не могу! Не могу!

– Стадия отрицания, – тихо, про себя резюмировала Марина. – У меня так было, когда погибла Аленка, внезапно умерли отец, бабушка. Потом наступает стадия тупого, почти спокойного отчаяния. А потом просто всю жизнь живешь с этой болью.

Стас не слушал и не услышал ее слов. Он долго молчал, видимо, вспоминал или просто не мог говорить от отчаяния. Наконец, заговорил снова:

– А Ирина? У нее была семья, но лучше бы не было, мать с отцом кvasили день и ночь. А она окончила школу с золотой медалью, в экономический на бюджет поступила, училась, работала. Присмотрели иностранные спецы, попала в банк и из простого операциониста доросла до директора банка. Без связей, без поддержки… Они как никто заслужили, вырвали у судьбы новую жизнь. Люди, которые сами себя сделали. – Стас встал с дивана, кругами заходил по комнате. – Ладно, то, что случилось, уже случилось, и ничего исправить нельзя. Давай спать, завтра будет тяжелый день, – обратился он к Марине.

– Как скажешь, дорогой. Может быть, сноторное? – предложила она.

– Нет, голова должна быть ясной.

Утром следующего дня Марина увидела мужа, как обычно, чисто выбритым, одетым с иголочки, подтянутым и предельно собранным. От вчерашнего отчаяния и растерянности не осталось следа. По крайней мере, внешне он никак не проявлял свои чувства, о пережитом и переживаемом потрясении говорили только легкие тени под глазами и немного лихорадочный блеск глаз.

Провожая до двери, Марина спросила:

– А мне что делать? Я могу помочь?

– Я пока сам не знаю, что делать, – отозвался Стас. – А помочь ты уже точно не можешь, – он горько усмехнулся.

Все утро Марина бродила по квартире, и все валилось из рук: каша пригорела, кофе сбежало. В ванной комнате разбила фарфоровую подставку для зубных щеток и долго ползала по кафелю, собирая осколки. Порезала руку и поняла, что так больше нельзя. Набрала номер Стаса, он был недоступен, тревога усилилась, подумала: «Зачем телефон-то отключил?»

Промаявшись некоторое время, Марина решила позвонить Ольге, жене Вадима. Делать этого не хотелось. Если Ирина вызывала ее безотчетную симпатию, то Ольга, напротив, не располагала к общению. Она была красива, изящна, даже изыскана, хорошо образована, но в ней так откровенно проглядывал снобизм по отношению к окружающим, что Марина и не думала об общении с этой галеристкой. Так она ее называла, потому что Ольга действительно была хозяйкой картинной галереи. Встречались они редко, но сегодня она просто физически не могла находиться дома.

Пересилив себя, набрала номер, та сразу сняла трубку, как будто ждала ее звонка.

– Хорошо, что ты позвонила, – не слушая лепет Мариной о цели звонка, отозвалась Ольга, – приезжай ко мне в галерею, а то одной не по себе.

Встретила Марину на пороге: стильная, в летящих шелках и необыкновенных дизайнерских украшениях. Не зная, чем она занимается, любой человек сразу понимал: дама имеет отношение к искусству. У нее был слегка гортанный голос с немного манерной усталостью,

как будто она устала от глупости и уродства окружающего мира. Утомленный голос контрастировал с порывистыми движениями, которые она время от времени производила. Марина думала, что порывистые движения нужны для демонстрации: звенели браслеты, серьги, взлетали легкие клочки шелков, и Ольга начинала походить на неведомую райскую птицу, случайно залетевшую к людям. Они прошли по коридорам и залам, мимоходом галеристка показывала новинки, рассказывала о незнакомых художниках. Марина считала это неуместным, но покорно шла следом, разглядывая работы и не поддерживая монолог. Наконец, они дошли до кабинета и расположились в огромных кожаных креслах, вполне классических.

Пригубив шерри-брэнди, Марина подумала: «Интересно, она знала, что это мой любимый напиток или у нас вкусы совпадают?» Как ни странно, сегодня присутствие Ольги успокаивало.

Разговорились про музеи, в которых довелось побывать, о картинах, которые там видели, о любимых художниках. Когда Ольга спросила, как она относится к современному искусству, Марина, не кривя душой, заявила, что ее интерес к живописи заканчивается импрессионистами:

– Живопись, нарушившая собственные законы, перестала быть живописью. Главный закон – будить чувства и эмоции, если нужно понимать, то не нужно... У зрителя на произведение искусства прежде всего должны реагировать чувства, а не интеллект. Бессмысленно стоять с умным видом возле картины и думать: «Что этим хотел сказать художник?» Абстракция – конец живописи. Потому ее и называют современным искусством, а есть еще одно странное явление – инсталляция. Например, старые пластинки, свернутые немыслимым образом и помещенные в стеклянную банку, я уж не говорю про соленую селедку, наклеенную на газету, или формалиновую акулу.

– Круто: пластинки в банке, я даже не слышала. Это что, непримечательный гений? Познакомишь, может быть?

– Я его сама не знаю, была пару лет назад в нашем городе выставка, затачили силком, – ответила Марина.

– А мне приходится интересоваться, сейчас толстосумы помешались на современном искусстве, – Ольга откинула голову назад,

звонко рассмеялась, и тут же оборвала смех, как будто устыдившись его неуместности, – им просто березки в поле уже недостаточно, подавай какую-нибудь синюю бабу с тремя глазами.

– Так это Пикассо, прошлый век, – усмехнулась Марина.

– Чем чудней, тем лучше, а через год бегут на аукцион продавать, и не дай Бог дешевле предложат, чем куплено. Скандал! Замучаешься доказывать, что искусство само по себе бесценно и цена на него непредсказуема. Ты, кажется, книги пишешь? Мне Вадим говорил. Может быть, дашь почитать? – неожиданно сменила тему Ольга.

– Нашли писательницу, от скуки написала три книжонки, таких в книжных магазинах тонны лежат. Почитать дам, конечно, но это ровно то, что я сказала, от скуки написано, от скуки читается. А тебе вроде и так есть чем заняться.

– Давно за тобой наблюдаю, интересная ты, – заметила Ольга, – умная, ироничная, говоришь, что думаешь, живешь сама по себе, в подруги не набиваешься. Люблю, когда люди дистанцию держат. А то вторая жена Сергея, все «дружиться» предлагала. И где он только такой «колхоз» находит.

– Мне мысль пришла, пока ты говорила, – заметила Марина, немного смущенная ее словами, – что с детьми будет? Про них все забыли.

– Дети на даче с няней, им пока не сообщали. То есть няне не сообщали, дети пока не понимают таких вещей. Сейчас органы опеки пронюхают – начнется. Родственников у них, кажется, не было.

– Может быть, их в город надо привезти? – задала вопрос самой себе Марина.

– Про это наши мужья подумают, они друзья. Сейчас следственные действия начнутся, няню все равно допрашивать будут. Надо будет, привезут или туда поедут. Сергею видней, дело, скорее всего, он вести будет.

– При чем тут Сергей? – удивилась Марина.

– Как при чем? – в свою очередь удивилась Ольга. – По факту гибели, ты же юрист, сама знаешь.

– При чем тут убойный? Дорожная полиция будет вести, ГИБДД, причину аварии устанавливать – это их функция, – прояснила Марина, понятный, как ей казалось, вопрос, но, немного подумав, по-

правила себя: – Хотя ты права, при гибели одного или более человек открывается уголовное дело. Но следствие будет вести следователь из Следственного комитета. Возможно, будет привлекать оперативников по вновь открывшимся обстоятельствам, если экспертиза что нароет. Тогда, может быть, привлекут, но из того района, где авария произошла.

– А мне не верится, что они просто так разбились, – сказала Ольга, – Виктор разбирался в машинах как бог. Чтобы он не справился с управлением, я в это никогда не поверю. Что-то здесь нечисто.

– Как они в одной машине оказались? У них у каждого своя была, – поинтересовалась Марина.

– Точно не знаю, Вадим говорил, что Виктор в этот день решил поставить свою машину на профилактику и попросил Ирину за ним заехать, чтобы на дачу вместе вернуться. Когда вечером ехали, врезались в бетонное ограждение.

– Может быть, за рулем Ирина была? Машина ее.

– Нет, за рулем точно был Виктор. Ладно, придут наши, может быть, новое расскажут, – прекратила игру в догадки Ольга. – Мы что угодно можем придумывать, факты нужны. А Ирина машину водила не хуже Виктора.

– А Стас с Вадимом сюда придут? Ты им сказала, что мы здесь? А то Стас телефон отключил.

– Сюда. Сегодня опознание, в морге телефон может быть недоступен.

Ольга унеслась по делам вглубь галереи, позывая браслетами и ожерельями, а Марина неожиданно почувствовала, что голодна и, посмотрев на часы, удивилась, как быстро пролетело время: уже пятый час.

Не успела она удивиться, как в кабинет вплыла Ольга, пропев своим незабываемым гортанно-утомленным голосом:

– Файф-о-клок, файф-о-клок, моя гостья наверняка умирает от голода.

Следом за ней мальчик-официант из соседнего ресторана вкатил тележку, накрытую белоснежной скатертью, под которой угадывалась посуда с разнообразной едой. Не успели начать обед, как на пороге появились трое друзей.

– Живут же люди, – прокомментировал Сергей, – тут тебе и женщины красивые, и еда вкусная.

– Присоединяйтесь, мальчики.

Ольга подозвала не успевшего исчезнуть официанта:

– То же самое три раза.

Парень вернулся с заказом очень быстро.

Помянули погибших, пообедали молча. Мужчины особо не распространялись, но сказали, что Ирину и Виктора придется хоронить в закрытых гробах. Машина на скорости не вписалась в поворот, асфальт был мокрый после дождя, и врезалась в бетонное ограждение. Хорошо, что ехавший следом автомобилист загасил начавшийся пожар, иначе ничего бы от них не осталось. Следствием назначены судебно-медицинская и техническая экспертизы, поэтому неизвестно, когда отдадут тела и когда похороны.

3

Прошло несколько дней. Однажды вечером в доме Стаса объявился Сергей.

– Короче, дело такое, – перевернув стул спинкой к себе и, усевшись на него, заговорил: – Мы правильно не поверили, что это авария, – он сделал паузу, – это убийство. Кто-то подрезал тормозной шланг.

– Вот это да! – ошеломленно проговорил Стас. – Кому они помешали?

– Следствие выясняет. Беда только, что следователем назначили бессмысленную овцу. Без году неделя работает, зато гонору хоть отбавляй, – с раздражением проговорил Сергей. – Она меня близко не подпускает к материалам дела, щебечет: «Тайна следствия, тайна следствия». Если бы не ребята знакомые, вообще бы ничего не узнал. Так бы и прибил эту Марию.

– А у нее отчество не Сергеевна случайно? – спросила, усмехаясь, Марина.

– Я должен отчество ее помнить? Не Сергеевна точно, я бы запомнил, и, кстати, фамилия не Швецова, если что.

– Тогда она Просто Мария, – машинально поддержал киношную тему Стас.

– Зря ты ее овцой зовешь, – продолжила Марина. – Думаешь, она этого не чувствует? Девочка старается от тебя дистанцироваться – ты крутой опер. Она ни при чем, тем более ты друг погибшего, все равно бы от дела отстранили.

– У меня со всеми следаками отличные отношения, а тут это недоразумение, – не обращая внимания на комментарий, продолжал беситься Сергей.

– Хватит! – прервал его Стас. – Надо решать, что делать. Я подумать не мог, что это убийство. Найду – удавлю собственными руками.

– Как ты собираешься убийцу искать? Прежде чем удавить, найти надо, – отозвался друг.

– Первое правило: искать, кому выгодно. А тут вариантов полно, – сказала Марина. – Могли покушаться на одну Ирину, машина ее. Могли на Виктора, если знали, что его машина на профилактике. Конкуренты, ревность, деньги – миллион вариантов.

– Версий полно, подозреваемых – полгорода, фактов – никаких. Надо набросать несколько наиболее вероятных версий и отработать хотя бы несколько, – предложил Сергей.

– Я думаю, если цель – Ирина, это может быть желание занять ее место в банке, очень солидный повод. Или поклонница Виктора могла из ревности устраниТЬ конкурентку, – предложила варианты Марина.

– У Виктора не было любовниц, – оборвал ее Стас, – у него времени на это не было, и жену он любил.

– Я не сказала «любовница», я сказала «поклонница», мало что за тараканы у баб в головах водятся. Вспомни Вену. И потом, много ты знаешь, Ирина занята была вечно, а Виктор – живой человек. Он мог не придавать значения мелкой интрижке.

– Согласен, – поддержал Сергей, – вполне могло быть. Завтра заеду к нему в офис. Сплетни как источник информации никто не отменял.

– А я схожу в банк, типа мне Ирина кредит льготный обещала, – предложила Марина.

– Ого! Детективы собрались версии проверять, а мне что делать? – задался вопросом Стас.

– Ты займись детьми, – дала задание Марина. – Не можем мы допустить, чтобы дети в приюте оказались. Надо срочно предварительное опекунство оформить, оно месяцев на шесть делается и быстро выдается, чтобы детей не травмировать. Если их органы опеки уже не забрали.

– Думаю, нет. Иначе бы няня позвонила. Я не уверен, что ей сообщили. Про детей забыли совсем, – огорченно сказал Стас, – я виноват, расклепился.

Наметив планы на следующий день, они расстались. На следующее утро, соорудив костюм «а ля блондинка» и войдя в роль богатой недалекой мадам, Марина появилась в приемной банка. Разговаривая с секретаршей, представилась подругой Ирины, для достоверности показав в телефоне фотографии их последнего совместного отдыха (знать бы, зачем они пригодятся). Она без умолка болтала о всякой всячине, упомянув об обещанном ей льготном кредите для открытия ресторана. Совершенно заслуживала секретаршу, которой пришлось общаться с клиенткой. Удалось встретиться и с заместителем Ирины, который не смог, естественно, предложить ей процент по кредиту, который якобы обещала погибшая.

Результатом похода стала уверенность Марины в том, что Ирина не имела любовника в банке и ни один из сослуживцев не выигрывал от ее смерти. Решение о назначении директора принималось только высшим руководством банка, которое находилось в другой стране, и обычно это был «варяг», человек со стороны. Теперь все жили в страхе перед новым назначением, больше всего опасалась потерять свои места верхушка. Как говорится, новая метла...

«Ну что ж, – подумала Марина, выходя из банка, – видимо, убрать хотели не Ирину. Может быть, это конкуренты Виктора. Посмотрим, что Сергею удастся раскопать на его фирме».

Вечером она в красках описала поход в банк, пока друзья не взмолились:

– Хорошо, хорошо, мы верим: ты их уболтала вусмерть и они рассказали то, что даже не знали, – смеясь, сказал Сергей. – У меня все не так весело, но предварительно могу сказать, что если у Виктора случались любовницы, то персоналу об этом ничего не известно.

Но один из сотрудников высказал предположение, что некоторые богатые клиентки, которым Виктор сам демонстрировал особо ценные автомобили, вполне могли рассчитывать на продолжение знакомства. Насчет конкурентов его заместитель ничего определенного сказать не мог, но не отрицал. Так что тут еще рыть и рыть. Попрошу оперов распечатку звонков сделать, надеюсь, не откажут, и попробую узнать, что наработали.

Стас в свою очередь рассказал, что директор детского дома, в котором воспитывался Виктор, помогла оформить заявление и написала согласие на передачу детей под опеку их семье. Смерть воспитанника директора потрясла, зато она, оказывается, хорошо знала Стаса заочно, потому что Виктор, находясь в детдоме, постоянно рассказывал ей о своем друге. Доверить детей другу Виктора показалось естественным, она обещала полную поддержку и помочь в органах опеки и попечительства.

Обменявшиеся информацией, решили, что банк сбрасывать со счетов рано, мало ли какие финансовые махинации могли творить коллеги Ирины или головной банк, о которых она могла случайно или неслучайно узнать. Деньги – это то, за что убивают чаще всего. Стас взял на себя проверку финансовых документов банка. У него «гениев» (в просторечии именуемых хакерами) не было проблем с получением каких угодно данных.

– Оперов знакомых не дергай и Просто Марию лишний раз не нервируй, – сказал он Сергею, – будет тебе завтра распечатка по всем интересующим телефонам, но анализировать будешь сам.

Вечером на городской телефон позвонила Лариса, няня детей, и сообщила, что ее завтра приглашают в Следственный комитет и не с кем оставить ребятишек. Она несколько дней не может дозвониться ни до Виктора, ни до Ирины: их телефоны не доступны, и она ничего не понимает.

– Хорошо, что ваш номер написан на стене возле аппарата, а то я не знала, с кем связаться, – сказала она Марине, которая сняла трубку, и продолжала задавать вопросы, не знает ли она, что от нее нужно Следственному комитету и где родители детей. – Они иногда не появлялись на даче по несколько дней, оставались в городе, но все равно мне тревожно, – говорила Лариса.

– Не переживай зря, завтра мы с мужем заедем к вам, он подвезет тебя в комитет, а я с детьми побуду, – пыталась успокоить ее Марина, не хотелось на ночь глядя вгонять няню в стресс. И про себя удивлялась, почему следователь не вызывает на допрос ближайшее окружение Виктора и Ирины, то есть их всех.

«Нерасторопная девица. Или специально нагнетает напряжение, чтобы люди дергаться начали. И то и другое плохо», – подумала она.

На следующее утро Стас забрал Ларису, которую хозяева называли просто – Лорой, с детьми и привез в город. Она передала ключи от квартиры, и Марина вместе с детьми отправилась к ним домой. Дети были довольны поездкой, встречей с тетей Линой и возвращением в городскую квартиру. Это внесло разнообразие в их жизнь и сулило новые развлечения. Линой они прозвали ее давно. Вначале, не выговаривая букву «р», дети стали называть ее тетей Малиной, и это прозвище их очень веселило. Тогда она предложила сократить свое имя до Лины. Детям понравилось, ей тоже.

Марина весь день играла с детьми, гоняя их по просторной квартире до тех пор, пока не утомилась сама. После обеда дети сморились, как говорила ее бабушка, то есть уснули от усталости. Не успела немного отдохнуть, как зазвонил телефон. Незнакомый женский голос представился следователем Следственного комитета, предложив приехать в комитет. Марина объяснила, что сейчас находится с детьми погибших, их няню вызвали на допрос, и она до сих пор не вернулась: «Я не могу оставить их одних».

– Тогда я подъеду к вам.

Предложение не понравилось, но деваться было некуда, пришлось согласиться.

«Няню они куда дели? – не успела подумать она, как раздался звонок домофона. – Под дверью караулила. Она думает, я сбегу? Или Лариса от них уже сбежала?»

Разговор со следователем удивил еще больше. Оказалось, няня, услышав, что Виктор и Ирина погибли, упала в обморок. Подручными средствами в чувство привести не удалось, пришлось вызывать скорую помощь, которая пациентку увезла в больницу, она будет находиться там некоторое время под наблюдением врачей.

– Вам придется остаться с детьми, пока их не заберут органы опеки, – сообщила Просто Мария.

– Не надо, мой муж сейчас оформляет предварительное опекунство, нужные документы поданы в органы опеки, через несколько дней он получит документ, – пыталась объяснить Марина, но упретая «следачка» заявила, что ее дело сообщить куда следует, остальное не в ее компетенции.

– Мне хочется знать, – продолжила она допрос, – зачем вы приходили в банк и что вас там интересовало? Вы пытаетесь вести собственное расследование?

– Вы за мной следите? – удивилась Марина.

– Пока не следим, но секретарь сообщила, что после смерти Ирины приходила ее подруга и задавала много вопросов. Посмотрели по камерам наблюдения, увидели вас. Интересуюсь, что вам нужно было в банке.

– Ничего. Я хотела узнать, смогу ли получить кредит под те проценты, которые мне обещала Ирина, – ответила она. – Оказалось, нет, и теперь мой бизнес-проект повис в воздухе.

– У мужа просить не пробовали? – съехидничала Просто Мария.

– У мужа не пробовала. Мы с ним живем по принципу: я ничего не прошу, он ни в чем не отказывает.

– Смешно, только боюсь, вам будет не до смеха. Вы отказываетесь от сотрудничества, мешаете, вмешиваясь в ход следствия, – нагнетала следователь.

– И вы задержите меня на сорок восемь часов. Не выйдет, оснований маловато. Я юрист и в органы приглашали работать, вполне могла быть вашей коллегой, так что не надо на меня давить, бесполезно. Нам лучше заключить пакт о ненападении и делиться иногда полезными сведениями. Клянусь, ни мужу, ни его другу, которого вы знаете, ничего говорить не буду, – предложила Марина, сама от себя не ожидавшая такого миролюбия. – Ирина была моей подругой, и я очень хочу найти ее убийцу, – говоря это, она была уверена, что с Ириной они обязательно подружились бы со временем.

Просто Мария не ожидала такого предложения и растерялась, не зная, что ответить, но, подумав, кивнула:

- Хорошо, что вы можете сообщить интересного по делу?
- К сожалению, пока мало, но уверена, следы преступника надо искать не в банке, хотя доказательств у меня нет.
- Не факт. Возможность подрезать шланг на стоянке банка была, – заметила следователь.
- Не думаю, – покачала головой Марина, – рискованно, там камеры кругом. Надо просмотреть записи за последний день, тогда можно исключить или подтвердить эту версию, а если повезет, то увидеть, кто это сделал. Но до сих пор не понятно, кого хотели убить, кто реальная жертва, а кто попал под раздачу случайно. У Виктора конкурентов достаточно, у него «чистый» бизнес, зато прочие грешат продажей угнанных автомобилей и запчастей, ремонт ворованными запчастями не гнушаются делать. Это сплошной криминал, может быть, кому из них дорогу перешел, – рассуждала Марина.
- Договорились, – следователь подвела черту. – Звоните, если добудете новые сведения.
- А когда можно будет забрать тела? – задала она волнующий всех вопрос. – Похоронить людей надо.
- Криминалисты пока исследуют кровь на предмет обнаружения посторонних веществ. Кроме подрезанного шланга, могло быть снотворное или яд, поэтому с управлением опытный водитель не справился. Надо исключить или подтвердить. Я думаю, через два дня я смогу дать ответ на ваш вопрос.
- Расстались мирно, но Марина чувствовала, что эта девица постарается ее использовать, а сама ничего не расскажет.

4

За день до похорон возникли новые персонажи. Оказывается, у Ирины была двоюродная сестра, с которой она никогда не общалась. Теперь родственница заявила права на детей как ближайшая и единственная. К счастью, Стас успел получить положительное решение органов опеки, на полгода они стали официальными опекунами детей. Марина первая предложила ему усыновить их, и он с облегчением согласился, потому что сам только и думал об этом. Шесть месяцев для оформления документов и прочих бюрократических процедур

у них в запасе есть, но появление родственников сильно осложнило планы. Они со Стасом являлись детям чужими людьми, а тут хоть и дальняя, но родня. Семейство, правда, любило выпить. Они постоянно устраивали пьяные разборки, сильно насолили соседям, и те не раз обращались к участковому для их усмирения. Стас надеялся, что это обстоятельство и помочь директора детдома поможет в трудном деле. Материальное положение родственников тоже было сложным, они имели двух детей, образование отсутствовало, перебивались случайными заработками, пьянствовали, ни на одной работе долго не задерживались. Прослеживалась обычная материальная заинтересованность, а вовсе не проснувшиеся родственные чувства.

Похороны получились многолюдными, на панихиде при отпевании в огромном пространстве храма людям не хватало места. Пришлось гробы вынести из храма и поставить во дворе. Гражданская панихида затянулась на несколько часов, очень много людей хотели проститься с Ириной и Виктором, сказать доброе слово о них. Так же многолюдны были поминки, и тоже было сказано много-много добрых слов. Только Стас ничего не смог сказать, помолчав с минуту, молча выпил и сел на место, только скрипнув зубами.

Долго не решались объяснить детям, что случилось с их родителями, им шел четвертый год – маленькие дети еще ничего не понимают про смерть. Решили сказать, что родители уехали в командировку и их долго не будет. Про работу и командировку они понимали, родители постоянно работали, и дети их видели редко. Няня наконец вышла из больницы и просила Стаса, чтобы он оставил ее с детьми. Он не возражал, дети Ларису знали и любили, она тоже была к ним привязана. Лишний раз травмировать детей, менять знакомую няню на чужую тетку не хотелось. Договорились, что жить они с детьми будут, как прежде, в квартире Виктора и Ирины, а пока лето – на даче. Марина также поживет с ними, а Стас будет приезжать часто, как сможет. Дети должны привыкать к будущим родителям.

Необходимость постоянно находиться на даче с детьми лишила Марину возможности принимать участие в расследовании. Теперь о ходе дел она узнавала только от Стаса, но он не распространялся на эту тему.

В один из вечеров она завела разговор о родственниках Ирины:

– Понимаешь, наибольшую материальную выгоду от смерти Ирины имеют родственники.

– От смерти одной Ирины они бы не имели никакой выгоды, все ее имущество наследует Виктор, – возразил Стас, – а организовать гибель обоих им было ни по уму, ни по возможности. Они не входили в число ближайшего окружения семьи.

– Ты не представляешь, какими хитрыми бывают маргиналы, когда дело касается денег. За выпивку они могли получить любые сведения у водителей, уборщиц, охранников и прочих людей. Только для них сюрпризом стало, что детей мы собираемся усыновить, – возразила Марина. – Они могли думать, раз они единственные родственники, дело у них в кармане.

– Очень сомнительно. На всякий случай кинул им на телефоны шпионскую программку, которая все разговоры записывает и отсылает мне. Ничего интересного. Абсолютно. Для них гибель Ирины и Виктора такая же неожиданность, как для всех, но на нас они действительно очень злятся, сдаваться не хотят. В суде собираются свое право отстаивать. Нашли такого же алкаша, бывшего адвоката, денег ему наобещали, когда выиграют. Прикинь, они не сомневаются, что выиграют, – рассказывал Стас.

– Ну, ты прямо агент Королевского Величества со своими программами! – восхитилась она. – А что еще можешь?

– Документы банка перелопатили на предмет махинаций и финансовых афер. Там чисто, серьезные ребята аудит делали, непременно нарыли бы. Версии лопаются одна за другой. И не только у меня. Сергей занимался конкурентами, подтянул свои криминальные связи, никто не собирался бизнес отжимать, никто не собирался убивать. По крайне мере, из известных авторитетов в городе, – он помолчал, вздохнул. – У Просто Марии тоже глухо, опросили кучу свидетелей, отсмотрели километры пленки, версий куча, улик никаких. Соседей по поселку опрашивали. Ни с кем не ссорились, даже ничьих собак не давили. Серега говорит, ей втык от начальства был, плохо работает, грозится дело отобрать.

– Ох, чует мое сердце, не там ищем, вот и улик нет. Идеальных преступлений не бывает, – высказалась свое «фи» Марина.

– Идеальных не бывает, а нераскрытых полно, – возразил Стас.

Дни тянулись за днями, и вдруг случилось еще одно страшное происшествие. Однажды Ларисе понадобилось съездить в город, она уехала, пообещав вернуться к ужину. К ужину ее не дождались, на телефонные звонки няня не отвечала. Марина забеспокоилась, но решила, что та осталась в городе, не успев закончить свои дела. Переживать особенно было некогда, близнецов надо кормить, мыть, укладывать спать. Когда Галочка и Юрочка уснули, на дачу приехал Стас. Вначале она обрадовалась появлению мужа, не ждала в этот вечер, это был приятный сюрприз. Но, взглянув на него внимательнее, поняла, он приехал не просто так, у нее тревожно сжалось сердце. Предчувствия не обманули.

– Марина, у нас опять несчастье: Лариса погибла, – оповестил муж.

– У меня сил нет пугаться. Ее убили? – почти спокойно спросила она.

– Неизвестно. Выпала из окна квартиры Виктора. Девятый этаж. Так что понимаешь, что осталось от девчонки. Случайно или помогли, следствие разберется. Эксперт предварительно сказал, что телу в момент гибели придано ускорение, но сама или нет, не ясно. Посторонних следов не нашли, хорошо, что у меня на момент ее гибели оказалось алиби.

– Стас, почему вокруг нас постоянно гибнут люди? – с отчаянием спросила Марина.

Он только пожал плечами. Зазвонил телефон, это была Ольга, они уже знали о гибели няни Лоры.

– Напрягает, что непонятно: убийство это, несчастный случай, самоубийство, но ясно, в этой семье не все было гладко, – говорила Ольга.

Меньше всего Марине сейчас хотелось обсуждать смерть Ларисы, возможную связь со смертью Ирины и Виктора. Наиболее вероятной Ольге казалась версия о шантаже. Она предположила, что няня узнала, кто убийца, пытаясь шантажировать и поплатилась за это. Версия выглядела логично, но как могла молодая девчонка узнать то,

что не знает никто, включая Следственный комитет? У Марины не было никакой версии, обсуждать догадки не хотелось и, сославшись на то, что проснулись дети, она отключилась.

На следующий день к ним в дом явился посыльный с искусно составленным букетом. К букету прилагалась маленькая бархатная коробочка. На расспросы посыльный пожал плечами, показал бумагу с адресом и сказал:

– Наше дело доставить, мы служба доставки, а не «Что? Кто? Зачем?».

Недоумевающая Марина прошла в дом, поставила цветы в воду и открыла коробочку, в ней лежала обычная фляшка.

«Час от часу... От кого послание? А чего гадать». – Вставила фляшку в ноутбук, на экране появилось лицо Ларисы, дальше прозвучало послание: «Здравствуйте, Марина, мне очень жаль, что вам пока придется обходиться без няни. Раз смотрите эту запись, значит, знаете, что случилось. Я хочу все объяснить именно вам. После Виктора вы единственная, кто видел во мне человека, и вы, может быть, мне немного посочувствуете. – Она помолчала, поежилась как от холода. – Сейчас богатые не видят в окружающем персонале людей. Ты для них не человек, а функция. Повар варит обед, слесарь чинит кран, няня следит за детьми. Ирина была такой, ее не интересовало, что у тебя высшее образование, ты знаешь три языка, пишешь стихи, играешь на рояле. Исполняешь свои функции, тебе за это платят. «И хорошо платят», – любила подчеркивать она. А Виктор относился ко мне как к человеку. Иногда он возвращался раньше нее, я кормила его ужином, и мы разговаривали о разных вещах. Он был очень умный и человечный. Теплый. Я в него влюбилась. Очень. Я втайне любила его почти два года и понимала: шансов у меня нет. А Ирине все до потолка, и он, и дети. Ее интересовала карьера, ради нее она готова была пожертвовать всем...»

Лариса снова задумалась, опустила голову, скрестила руки, рассматривая кончики пальцев, снова подняла, глубоко вдохнула воздух: «Тогда я решила, что она лишняя. Если бы ее не было, Виктор постепенно полюбил бы меня, дети и так души во мне не чаяли, у нас бы получилась отличная семья. Я сначала просто мечтала, что она

исчезнет: уедет за границу, полюбит другого человека, но время шло, а она никуда не девалась. Решила помочь ей исчезнуть. – Няня снова судорожно вздохнула. – У меня нет прав, но я хорошо разбираюсь в автомобилях, отец меня научил. Под утро я вышла во двор и слегка подрезала тормозной шланг в ее машине. Через некоторое время тормозная жидкость должна была вытечь, она бы попала в аварию, а там – как судьба решит. Утром она уехала на работу, а я вдруг поняла, что натворила. Ведь, когда откажут тормоза, рассчитать нельзя, и может погибнуть много посторонних людей. Я была в отчаянии, но потом решила, по возвращении Виктора рассказать сон, что Ирина попала в аварию, и попросить осмотреть ее автомобиль. Он бы, конечно, посмотрел, нашел повреждение и устранил.

Но они не вернулись. Я ждала, звонила, никто не отвечал, никакой информации у меня не было. Это еще раз напомнило мне, что я функция. Они не имели привычки сообщать мне о планах. Кто я такая? Это были ужасные дни, полные тревоги, раскаяния и надежды. Вот, собственно, все, дальше вы знаете. Когда узнала, что они погибли оба, упала в обморок, потому что все получилось страшнее, чем в самых страшных мыслях. Это судьба, кто мог знать, что он поставит машину на профилактику, они поедут вместе и оба разобьются. Из-за меня дети стали сиротами. Мне их ни за что не отдадут, я ходила в опеку, узнавала. У меня нет мужа, своего жилья, денег. Теперь они будут вынуждены жить с этими ужасными родственниками или чужими людьми. Это я натворила со своими любимыми детьми. Своими руками убила любимого человека. Я не могу простить себя, не могу... И жизнь потеряла смысл. Приговор себе я вынесла. Осталось исполнить. – Она жалко улыбнулась. – Прощайте».

Экран погас. Марина сидела ошеломленная и растерянная, потянулась за телефоном, набрала Стаса:

– У меня есть информация. Вечером пусть все приедут. И Просто Марии возьмите, ей надо знать, – она перебила вопрос Стаса. – Это невозможно рассказать, это надо видеть. – И отключилась.

В голове было пусто, а внутри начинала образовываться, постепенно расширяясь, черная дыра. Марина закуталась в шаль и сверну-

лась клубочком на диване. Так она пролежала до вечера, забыв про детей, которые решили, что тетя Лина заболела, и старались вести себя тихо. Все собирались почти одновременно. Сергей появился в сопровождении Просто Марии, на что у Ольги удивленно поднялись брови, и она переглянулись с Мариной. Ольга и Вадим не принимали участия в детективных разборках, но старались быть в курсе происходящего.

– Прошу любить и жаловать, эту девушку зовут Мария, я думаю, вы не будете возражать, если она присоединится к нашей компании. С сегодняшнего дня она не является следователем по нашему делу, – так Сергей представил компании Просто Марию.

– У меня отобрали дело и передали его более опытному следователю. Я не справилась. Сегодня утром мне было сказано, что я не продвинулась в расследовании, а в деле появился еще один труп. Если бы работала лучше, этой смерти могло не быть, – сказала тихо Мария и заплакала.

Сергей обнял ее за плечи, вытащил носовой платок, пытаясь вытираять набегавшие слезы:

– Нечего реветь, ты офицер или где? Не позорь Следственный комитет. Даже у опытных следователей случаются «висяки». Никто не застрахован, а это дело вообще непонятное. Подозреваемых – масса, версий – до черта, улик – никаких. Пусть майор попробует распутать этот клубок. Он дотошный, опытный, но без фантазии, а тут дело необычное или преступник необычный.

– Нечего распутывать. Все распуталось. Я позвала всех, чтобы показать то, что получила сегодня днем.

Молчание повисло после просмотра видео и, казалось, длилось невыносимо долго, никто не решался нарушить его и произнести первые слова.

– Да уж, веселенько кино, – кашлянув, проговорил Вадим.

– Обхохочешься, – откликнулся Сергей.

И оба стушевались под возмущенными взглядами женщин.

– Мы бы никогда ее не нашли, – проговорил Стас, – не было никаких подозрений, никаких зацепок. Я пробивал: девочка из хорошей интеллигентной семьи, институт с красным дипломом, музыкальная

школа, языки, все как рассказывает. Поверить, что она убийца, невозможно. До сих пор не верю.

– Очень нежный убийца, – медленно протянула Ольга своим горланным голосом. – Нет, вот как подбирать прислугу? Жила в семье, худого слова не слышала, оказывается, что придумала: человек – функция. Все мы по большому счету функции. Это как в старом детективе. «Кто был? Никого». А потом выясняется, что приходил почтальон. У девочки был комплекс полноценности. Если такие амбиции, зачем в нянки идти, подалась бы в Москву, в телевизор или эскорт. Нет, не понимаю, Ирка такая умная была, зачем брать в няни молодую красивую девицу? И это Ирина свою семью не любила? Надо же, что эта мелкая дрянь выдумала: «Она лишняя!» – Ольга картино вскинула вверх руки, звонко встряхнув браслетами. – Мир сошел с ума. Скажешь кухарке, что суп пересолен, а она тебе яду подсыплет, – не унималась Ольга. – Следующей «лишней» могла оказаться ты. – Она повернулась к Марине. – Вы ее в семье оставили, пригрели, что называется.

– Ты чего разошлась? – прервал ее монолог Вадим. – До сих пор радуюсь, что сын вырос и в нянях не нуждается, а то такая грызма была.

– Так я умная, красотку на порог бы не пустила.

«Да, Марина Алексеевна, запросто. У девочки с головой был непорядок. И как мы проглядели?» – про себя подумала Марина, но вслух ничего не сказала.

– Ведь Марина в самом начале говорила, что надо искать поклонницу. Как в воду глядела! Именно поклонницу, – напомнил Сергей, – а мы не прислушались.

– Как не прислушались, мы пытались выйти на след любой «фемины», но их попросту не было. Девица оказалась очень тайной поклонницей, никому в голову не приходило, что она Виктора любит, ему самому в том числе, – возразил Стас.

– Да... Такое дело провалила. Задумала. Сделала. Не попалась. Идеальное преступление. И на тебе – нервы не выдержали, – высказался Вадим.

– Какое идеальное? – взвилась Ольга. – Она убила свою любовь, ради которой это преступление задумала. И все потеряло смысл.

– Я больше не хочу ничего слышать об этом деле. Отдали флешку и забыли, – объявил Стас.

5

Когда Марина рассказывала в банке про бизнес-проект и льготный кредит, она почти ничего не придумывала. Дело в том, что она хотела открыть ресторан. Проходя по улице недалеко от их дома, она в окне закрывшегося кафе увидела вывеску с надписью: «Продается». Из любопытства позвонила по указанному номеру и выяснила, что хозяин уехал на постоянное жительство в Таиланд и продает имущество, а дела ведет его доверенное лицо. Помещение находилось в центре города, и за него просили немыслимую цену, хотя располагалось кафе в глубине дворов. Небольшие деньги у Марины имелись от продажи дома и процента за реализацию своих книг. Их было недостаточно, она подумала, что цена слишком высока. Брать кредиты раньше не приходилось, с Ириной переговорить не решалась. Она выбросила из головы эту затею, но в банке вспомнила нереализованный проект, потому выглядела убедительно.

Постепенно мечта потускнела и только иногда напоминала о себе. Ей виделся маленький уютный ресторанчик, в котором появлялось бы чешское пиво, вкуснейшие чешские колбаски, фанаткой которых она была. Еще свинину на вертеле, которую в Праге продают прямо на улицах, отваливая ароматный сочный кусок на толстенный ломоть ржаного ноздреватого хлеба. Марине казалось, что организовать это достаточно просто. Чешское пиво намного дешевле немецкого, а колбаски можно изготавливать на месте, пригласив на работу чеха-колбасника. Она не сомневалась, что такой ресторан мог стать популярным местом в Нижнем Новгороде.

После событий, связанных с гибелю друзей, ей стало вовсе не до ресторанов. Марина безвылазно находилась за городом, потому что дети оказались у нее на руках и помощи ни от кого не было. Лишенная свободы, она запаниковала и была теперь поглощена поиском няни. Хотя в жизни за городом было много приятного: чистый воздух, природа, река, просторный дом, дети, которые не доставляли много хлопот. Они были хорошо воспитаны, не капризны, имели

веселый нрав. Быстро привязались к ней, а она к ним. Управляться с ними было нетрудно, но работу в двух местах никто не отменял и тяготила невозможность заниматься чем хочется.

Поиски няни велись через агентства и знакомых, но предлагаемые кандидатуры не устраивали Марину. То няня была строга, то легкомысленна, то слишком симпатичная или слишком пожилая. Няня Лариса фактически была гувернанткой, она занималась с детьми музыкой и языками, и Марине хотелось, чтобы занятия продолжались. Поэтому она искала няню со знанием английского на уровне носителя языка и с музыкальным образованием. Пока музыкой и английским с грехом пополам она занималась с детьми сама (музыкалка все же не пропала даром). Замучившись поисками, Марина вспомнила, что у Ольги была няня, и обратилась к ней. Ольга контакты дала, но предупредила, что характер у дамочки сложный и с ней надо сразу себя поставить. Со звонившись с Екатериной Андреевной, наткнулась на твердый отказ, который был мотивирован необходимостью заниматься собственной внучкой. Но она добилась встречи с Катериной III, как сразу ее окрестила. Катерина регулярно гуляла с внучкой в парке, согласилась там встретиться и поговорить, хотя заявила: «Не о чем, я уже все объяснила». Катерина III оказалась женщиной лет под пятьдесят, но моложавой, подтянутой, если не сказать, спортивной и весьма энергичной. Взгляд имела пронзительный и властный, а голос оказался грудным и мягким.

Марина, предупреждая возражения, заговорила первая:

– Я не буду вас уговаривать, только расскажу условия, если они вас не устроят, расстанемся. Мы живем за городом, там прекрасный воздух, отличная природа, река, просторный дом. У вас будет отдельная комната, сможете жить вместе с внучкой. Сейчас лето, ребенку полезно пожить за городом. Оплата, – тут она назвала цифру, готовая прибавить, но, увидев, как вспыхнули глаза Катерины, поняла, что сумма ее устраивает.

Марина замолчала и приготовилась к жесткому отпору, но няня задумалась, видимо, условия показались заманчивыми. Катерина сказала, что надо посоветоваться с сыном и окончательный ответ она даст завтра. На следующий день Катерина III «милостиво соизволила» принять предложение. С приездом няни вопрос свободного време-

ни был решен, а дети получили то, что Марина искала. Няня имела хорошее музыкальное образование, несколько лет прожила с сыном в Лондоне и вполне подходила на роль гувернантки.

Будучи в городе, Марина с удивлением обнаружила, что кафе до сих пор не продано, на двери красовалась та же надпись. Позвонив по знакомому номеру, узнала, что цена снизилась почти вдвое, стала вполне разумной. Она снова загорелась идеей своего ресторана. Настораживало, что за длительное время не нашлось желающих купить помещение. Вспомнила вычитанное ранее изречение одного повара: «На первом месте – место, на втором месте – место, на третьем месте – место, а потом – кухня». Место было во дворах и его надо было знать, чтобы найти, но кафе располагалось во вставке между двумя студенческими общежитиями, а в пяти минутах ходьбы находился большой торговый центр. Непонятно, как оно могло быть убыточным, едоков кругом хватало. Поразмыслив, решила посоветоваться с мужем. Денег немного не хватало, и она задумала продать машину, которая так раздражала Стаса.

Из плана открыть свой ресторан Стас одобрил только продажу машины, сказав, что готов продать ее через автомобильный салон Виктора, которыми он теперь управлял как опекун детей. Ресторан Стас считал сложным предприятием, зависимым от невероятного количества контролирующих органов и имеющим несметное количество конкурентов. Поставщики, персонал, оборудование, бумажная волокита, бесконечное количество сложностей – все ей придется преодолеть и получить в итоге убыточное предприятие, потому что прибыльного ресторанных бизнеса «раз, два и обчелся». Марина была с ним согласна, понимала, что дело сложное, но ничего не могла поделать, очень хотелось попробовать.

Тогда Стас предложил компромисс:

– Если тебе так хочется заниматься этим, давай я куплю тебе небольшую кафешку, покрутишься, набьешь шишки, поймешь, нужна ли эта головная боль.

– Ты не понимаешь, я хочу все сделать сама, как задумала. Не безлискую кафешку хочу, а именно пивной ресторан в чешском стиле, – коротко обрисовала замысел Марина.

– Кто к тебе будет ходить? Пивных у нас достаточно для всяких хануриков, а солидные люди ходят в обычные рестораны и пьют приличные напитки. Пиво у нас для простонародья, нет культуры питья пива. Это тебе не Бавария и не Чехия.

– «Приличные напитки», я так понимаю, – водка. А я хочу, чтобы в мой ресторан было не стыдно прийти семье, любимую девушку пригласить, бизнес-партнеров. Именно солидных людей, – горячилась Марина.

– Бред полный и заранее провальный проект. Но если очень хочется, то можно, – подвел черту Стас.

Деньги за машину она получила сразу, и ей предложили выбрать авто по вкусу. Марина прохладно посмотрела на сверкающих красавцев и сказала, что абсолютно все равно, главное, чтобы автомобиль был не слишком дорогой.

– Я не хочу, чтобы на дороге подрезали и выкинули из салона, – мотивировала желание, – конечно, на экстремальное вождение год ходила, но я же девочка – И невинно похлопала ресницами.

Стас фыркнул, сказал:

– С удовольствием посмотрел бы на этих несчастных, которые вздумают выкинуть тебя из салона.

Наконец помещение было выкуплено. Теперь она часами просиживала в интернете, перелопачивая гору литературы по ресторанному бизнесу. Через некоторое время поняла, что образования не хватает. Изучи эти материалы раньше, сто раз бы подумала, нужно ли ввязываться, но делать нечего: отступать было поздно. Начались дни, полные хлопот, в которые она погрузилась с головой.

Прежде всего Марина отправилась в Прагу, понимая, здесь решается судьба ее отчаянного проекта. Надеяться, собственно, было не на что. Знакомых в Праге не было, если не считать белоруса, с которым она давно познакомилась в ресторане Müstek. Он чуть ли не с детства работал и жил в Праге. В Müstek она и направилась по приезде, к счастью, застав паренька на месте. Иван сходу предложил помочь, воодушевившись идеей заведения. Он заявил, что умеет делать колбаски не хуже любого чеха, и продемонстрировал это наглядно. Пригласил Марину в гости, на лужайке перед домом

был организован пикник, и немногочисленные гости с удовольствием отдали должное колбасным изделиям. Сосед Ивана работал на пивном заводе, и когда Марина через неделю уезжала домой, у нее имелся договор на поставку пива, а Иван был приглашен на работу в должности шеф-повара нового ресторана.

Вернувшись, она попросила Ольгу подыскать приличного дизайнера, к кому еще обращаться, как не к хозяйке художественного салона. С молодой дерзкой девицей они быстро нашли общий язык, совместными усилиями набросали оригинальный не требующий больших вложений проект. Ремонт, покупка недостающего оборудования и предметов интерьера, подбор персонала, куча бумаг, расчетов, получение разрешений, подготовка к получению лицензии, захватили ее полностью. Кроме того, требовалось найти хороших поставщиков основного сырья (не покупать же свинину на рынке) и других продуктов. Она погрузилась в бесконечную круговерть дел, руки стали опускаться в отчаянии, а розовая мечта — меркнуть.

«Эх, Марина Алексеевна, как хорошо и спокойно ты жила. Говорил тебе Стас: «Не ввязывайся», а теперь бросить нельзя и сил больше нет», — ругала она себя, едва покачиваясь на качелях.

— Что за редкий гость грустит в одиночестве, — услышала голос мужа. Он подошел сзади, обнял за плечи, поцеловал и ощутил влагу на ее щеке. — У нас глаза на мокром месте, рассказывай, что произошло.

— Ничего не на мокром, — отозвалась Марина, но прикоснувшись к щеке, тоже ощутила влагу. — Вот черт, и правда плачу. Накатило: столько еще всего нужно сделать, а я так устала, — пожаловалась она.

— Говори, чем могу помочь, — тут же предложил Стас.

— Получается, я не справилась сама.

— Неважно, раз дело начато, оно должно быть доведено до конца, ты сделала очень много, не стоит упираться рогом в землю.

— Ты сейчас говоришь, как мой папа: «Любое дело надо доводить до конца». Деньги закончились, нужен бухгалтер и программы учета, персонал надо набирать, а у меня пока только шеф-повар есть, если не откажется. Проверяющие достали, одним одно не нравится, другие другое требуют переделать. Пожарные особенно лютуют, я готова их самих поджарить. Ведь кафе в этом помещении уже существовало,

разрешения все выдавались, я делала только косметический ремонт. И так далее, — старательно перечислила она.

— Насчет программ сделаю, что нужно, и бухгалтер не понадобится, все автоматизировано. Это принципиально новая бухгалтерия, так называемый бухгалтерский конвейер. Все вместе: бухгалтерский, налоговый, кадровый учет. Нет человеческого фактора, невозможны ошибки и воровство. Денег подкину, — Стас прошелся по пунктам. — Если проверки достают, могу ссудить моего адвоката, он их на хлеб намажет и с удовольствием позавтракает.

— Бухгалтера не надо? — уточнила Марина. — Что, все-все будет машина делать? Фантастика, я сроду бухгалтерам не доверяю. А деньги, ты не думай, я отдам. Спасибо, — радостно зачастила она.

— Да пожалуйста, кому еще помогать, как не родной жене, — отозвался Стас. — А у нас через два месяца суд назначен. Будем наших детей усыновлять официально.

— Вот я ворона, совсем устранилась от этого дела, — устыдилась Марина.

— Не переживай, я тоже не вмешиваюсь, этим делом адвокат занимается, он выигрывал самые сложные дела. Надеюсь, все получится как надо.

Она поежилась. Предстоящий суд страшил, когда думала, что детей могут забрать у них, охватывала паника. Всеми силами гнала от себя эти мысли, но они периодически возвращались. Неожиданно вспомнился разговор с детьми.

Через некоторое время после гибели Ларисы Юрочка спросил:

— А няня Лора к нам больше не вернется?

Детям раньше объяснили, что няня уехала.

— Нет, дорогой, Лариса больше не вернется, она далеко и занимается другими делами, я пытаюсь найти вам новую няню, — пояснила Марина.

— Мы не хотим другую няню, мы хотим быть с тобой и чтобы скорее вернулись мама и папа. Почему они не звонят? — поддержала брата Галочка. — Почему нас все бросают?

— Вас никто не бросает, но бывают обстоятельства, они выше желаний человека. Мама и папа уехали в командировку, это далекая

страна, там нет связи, они вернутся зимой, – не хотелось врать детям, но она не знала, как объяснить про их смерть, они еще слишком малы.

– А что такое зима? – хором спросили дети.

– Зима, когда кругом все бело от снега, падают красивые снежинки и нужно надевать теплые пальто и шапки. Вы будете кататься на санках, бросаться снежками. Вы должны помнить зиму, прошлой зимой вы были уже большими, – рассказывала Марина, но дети дружно покрутили головами и сказали, что не помнят никакой зимы. На этом их расспросы закончились, и они снова вернулись к игре.

– Эй, ты чего зависла? – потряс ее за плечо Стас. – Не переживай, все наладится и будет как надо. Не съездить ли нам на недельку отдохнуть, например на Бали? Мы вместе давно нигде не были.

– Как я брошу свое безобразие ресторанное? На кого? А дети? – задалась вопросами Марина.

– Включай авантюризм, неделя – это недолго. Представь только: океан, необитаемый остров, песок, пальмы, одинокое бунгало и мы с тобой одни, никого кругом. Даже еду будут привозить на лодках, – соблазнял Стас.

– О, одни! Это здорово, устала я от людей в последнее время. Едем.

6

Вернувшись из короткого феерического отпуска, Марина ощущала бешеный прилив энергии и с головой погрузилась в дела. Ей совершенно некогда было прислушиваться к своим ощущениям, заниматься здоровьем, но в один из вечеров она поняла: творится что-то необычное. Идти в больницу было некогда, она на всякий случай измерила давление и сделала тест на беременность. Давление оказалось в норме, а тест, случайно завалывшийся в косметичке, неожиданно оказался положительным, но он был основательно просрочен. Она не захотела лишний раз разочаровываться.

«Марина Алексеевна! – скомандовала она. – Завтра утром купи нормальный тест, а пока нечего придумывать!»

Купленный тест был упрямо положительным. Пришлось звонить знакомому доктору. Когда через несколько часов Марина на

подгибающихся ногах выходила из медицинского центра, в сумочке лежало заключение о беременности сроком девять недель.

«Вот не верь после этого людям. Все как один рассказывают, что стоит усыновить ребенка, как появляется свой. Но мы их еще не усыновили, – вспомнила она, – это награда за намерение? Или утешение, если их нам не отдадут?» – задавала она вопросы и не находила ответа.

Вечером показала заключение Стасу и настороженно стала ожидать его реакции. О детях они не заговаривали давно, и она не представляла, как муж воспримет эту новость. Он прочитал заключение врача несколько раз, видимо, смысл написанного не сразу дошел.

– Девять недель, – растерянно произнес он, – это почти два месяца. Вот это подарок! А у тебя такие нагрузки: с рестораном, детьми. Я тебя на это чертово Бали потащил. – Стас никак не мог до конца осознать новость, и радость постепенно овладевала им.

От избытка чувств хотелось жену основательно потрясти, закрутить, но он теперь боялся прикасаться к ней, чтобы не навредить.

– Перестань осторожничать, ничего не изменилось, – засмеялась она, – это просто клочок бумаги, я такая, как прежде.

– Теперь понимаю, почему горцы из ружья палят, я бы сейчас пальнул, и не раз, – не слушая ее успокаивающих слов, говорил Стас, – нет, я бы сейчас фейерверк запустил.

– Горцы при рождении палят, – пыталась охладить его пыл Марина, – а нам еще семь месяцев ждать.

Постепенно Стас пришел в себя, но продолжал досаждать желанием оградить жену от всего тяжелого и неприятного. Его воля, пришиплил бы к себе и не отпускал ни на шаг. Она его волнение понимала, но не могла мириться и как могла отвоевывала необходимую свободу.

Однажды пришлось остаться на ночь в городе, и утром, выходя из квартиры, она увидела под дверью кота. Его вид оставлял желать лучшего, видимо, кот подрался накануне, о чем говорила торчащая клоками шерсть и порванное ухо. Кот сидел под дверью и внимательно смотрел на Марину огромными ярко-зелеными глазами.

– Ничего себе! – ахнула она. – Это же камышовый кот. Ты откуда здесь взялся? Где твои хозяева? – обратилась она к коту.

Он, естественно, ничего не ответил, встал на длинные лапы и, задев ноги хвостом, зашел в открытую дверь. Марина пошла следом, наблюдая, что он собирается делать, а кот прошествовал прямо на кухню, сел посередине и выразительно посмотрел на хозяйку.

– Понятно: голодный, – прокомментировала она, – котлету будешь? Извини, мышей не заготовили, Ваше Высочество. Ваше появление было для нас неожиданностью, – иронизируя скорее над собой, чем над котом, сказала она.

Кот не стал привередничать, котлету съел и вопросительно посмотрел на нее. Скормила еще одну. Котище напился воды из пододвинутого блюдца и вышел из кухни. Марина смотрела на него и понимала, отказаться от такого подарка не в состоянии. Кот был изумительно красив: длинные ноги, серовато-песочный окрас, с темными пятнышками по всему телу, небольшие кисточки на ушах и огромные умные, говорящие глаза. Настоящая маленькая рысь.

– Мы с тобой в больницу кошачью съездим? – обратилась она к коту. – Тебя подлечить надо, привить и прочее. – Она достала просторную сумку. – Полезешь? А то придется нам с тобой расстаться.

Кот понял ее, подошел к сумке и запрыгнул внутрь. Марина закрыла замок, оставив снаружи огромную голову. Ветлечебница находилась в соседнем доме, и она с сумкой отправилась туда, с трудом таща свою ношу. Весил кот не меньше десяти килограммов, несмотря на худощавое телосложение. Видимо, ветлечебница была знакомым местом, он не выказал особого беспокойства по поводу ее посещения.

Врач, осмотрев питомца, покачал головой:

– Как вы умудрились этого красавца до такого состояния довести?

– Это не наш кот. Сегодня только пришел. Принесла, чтобы посмотрели, все ли с ним в порядке. Я только порванное ухо вижу. Привить бы его, обработать от внешних и внутренних обитателей, я за все заплачу, – подробно объясняла она врачу.

– Хорошо займемся вашим VIP-клиентом, завтра после пяти подъезжайте, – заулыбался врач.

Марина обратилась к коту:

– Я тебя здесь оставлю? Тебя полечат, а завтра заберу. Смотри, я сумку оставлю здесь, в ней поедем завтра на дачу.

Кот внимательно выслушал и только что не кивнул головой, соглашаясь. Марина была уверена: он все понял. На следующий день заехала в клинику и увидела своего красавца: отмытый, причесанный, с заклеенным бесцветным пластырем ухом, он был просто неотразим. Его появление на даче стало фурором. Все обитатели так или иначе выразили восхищение новым жильцом. Даже Стас не стал возражать, посомневавшись в мирном нраве, но кот и его очаровал разумным поведением и понимающими глазами. Золотистый ретривер Чир, который остался на даче от прежних хозяев, тоже встретил его появление спокойно. Чир был мирной собакой, а кот, поняв, что силы примерно равны, счел благоразумным поддерживать нейтралитет. Детям кот внушил благоговейный трепет, сразу дав понять, что никакая он не киса, а вполне самостоятельный зверь и близких отношений у них быть не может. Поэтому в дальнейшем они восхищались им издалека, и, только плавая в бассейне или реке (а кот очень любил плавать), позволял некоторые вольности. Так на даче появился еще один жилец и получил простое и короткое прозвище – Кот. Ему пытались подобрать разные имена, но он реагировал только на слово «кот», так его и пришлось называть.

Незаметно приблизился «судный день», Марина осознала себя сидящей на широкой скамье, а перед собой увидела человека в черной мантии. «Парика не хватает», – мелькнуло в голове.

Заседание суда, как показалось, длилось бесконечно, волнение было так велико, что она слышала голоса, но не понимала ни слова из сказанного. Видела только, как вставали люди, что-то говорили. Из всех выступавших она узнала только сестру Ирины. Наконец судья обратился с коротким вопросом. Она вопроса не поняла и беспомощно посмотрела на адвоката.

– Вас спрашивают, почему вы хотите усыновить этих детей, – подсказал адвокат.

– Потому что я их люблю, – ответила Марина и заплакала. Больше ничего не смогла сказать и села на место.

Все когда-нибудь заканчивается, закончилось и это. Они выиграли. Галочка и Юрочка официально стали их законными детьми.

– Ваше выступление было фееричным. Даже я не смог бы придумать ничего лучше, – оценил адвокат.

Марина пожала плечами, слезы уже высохли, но глаза оставались тревожными, она никак не могла поверить своему счастью.

– А если они апелляцию подадут?

– Не беспокойтесь, я слышал, они скандалили со своим представителем, отказывались платить, потому что ничего не вышло. Расстались весьма враждебно, им теперь не до вас будет, – успокоил адвокат.

Марина продолжила заниматься рестораном, и чем ближе было открытие, тем больше становилось мелких дел: нужно было заказывать вывеску, печатать меню, придумывать форму официантам. Посуда, скатерти и еще сотня подобных мелочей (которые как раз мелочами не являлись, а определяли лицо нового ресторана), – все требовало внимания и деятельного участия хозяйки. Стас беспокоился о будущем ребенке, но Марина чувствовала себя необыкновенно хорошо, у нее не было никаких токсикозов, зато силы, казалось, удвоились. Она не захотела делать УЗИ, мотивируя тем, что и так знает, что это мальчик, а всякое излучение ребенку вредно. Марина говорила мужу, что парню нравится имя Антон, и заранее стала звать его Антошкой. Стас не возражал, ему было все равно, как она называет сына, он тоже не сомневался, что будет сын.

– Нас теперь двое, – говорила Марина, когда Стас пытался умерить ее рвение, – и мы можем работать за двоих.

Ей все время хотелось одного: скорее, это был сейчас ее девиз жизни. Скорее бы открыть ресторан, скорее бы посмотреть на малыша. Она подгоняла время, но оно замедлилось. Эта странная непостижимая субстанция существовала сама по себе и казалась похожей на темную стоячую воду, в которой гребешь изо всех сил, но остаешься почти на том же месте. Прошло время, и, осилив мелкие и не мелкие дела, Марина объявила об открытии своего ресторана.

Мест в ресторане было сорок восемь, и гостей, соответственно, ожидалось столько же. Это были друзья, представители богемы, которых приглашала на свое усмотрение Ольга, некоторые чины из администрации, журналисты, компьютерные гении, убойный отдел в полном составе и даже пара телевизионщиков. Пестрая получилась

толпа, и практически все они были не знакомы друг с другом и малознакомы Марине. Неуверенность в успехе и волнение к открытию достигли высшей точки. К счастью, страхи оказались напрасны, гости одобрили все. Меню пришлось по вкусу, интерьер порадовал, музыканты внесли оживление. К закрытию разошедшиеся от выпитого пива гости танцевали и дурачились. Прощались за полночь, обещали обедать и ужинать только в ее ресторане, но она с грустью понимала, что эта акция – просто деньги, выброшенные на ветер. Правда, впоследствии в нескольких изданиях появились хвалебные рецензии, а по двум местным каналам промелькнуло сообщение об открытии нового необычного ресторанчика чешской кухни, что такого еще в городе не было и посетить надо непременно...

Начались суровые будни, полной посадки добиться не удавалось, только в обеденный перерыв на бизнес-ланч собиралась впечатительная толпа желающих быстро, недорого и вкусно перекусить. Постепенно слухи о необычной для города еде распространялись по округе, и с двенадцати до трех привычным делом стали очереди. Тогда Марине пришло в голову вывозить готовые колбаски с гарниром в ланч-боксах в торговый центр. Людям, которые там работали, понравилась эта затея: еда – горячая, доставлялась на место и стоила дешевле, чем в ресторане. Студенты тоже с удовольствием покупали еду навынос, потому что так было быстрее и дешевле. Пришлось организовать помещение с отдельным входом. Эти немудреные затеи разгрузили ресторан и увеличили продажи, пришлось нанять дополнительного повара. Потянулись и местные жители из соседних домов. По вечерам в ресторан приходило много посетителей, которых привлекала живая музыка, особенно джазовые пятницы, потому на вечер места в ресторане гостям приходилось заказывать заранее.

Постепенно все налаживалось и свободного времени у Марине стало больше. Наступила настоящая зима. С елками, подарками, гостями, салютами пришел и прошел Новый год.

Однажды на прогулке Юрочка спросил:

– Это зима наступила?

Марина кивнула, у нее сжалось сердце: неужели они помнят разговор, что родители вернутся зимой.

– Раз зима пришла, мама и папа должны вернуться, – тихо сказала Галочка.

– Зима долгая, – задумчиво проговорила Марина, мучительно понимая, что больше детей «динамить» нельзя.

– Они нас бросили? – задал вопрос Юрочка.

– Бог с вами, как вы могли такое подумать, – возмутилась Марина. – Сейчас вернемся в дом, и я вам все расскажу, – заготовку она придумала, только не представляла, как дети ее воспримут.

После прогулки они прошли в детскую, Марина взяла в руки фотографию Ирины и Виктора, долго смотрела на них, как бы прося помощи в этом трудном деле.

– Вы знаете, что бывают ангелы, такие белые, с крыльишками. Они живут на небе и помогают людям. У каждого человека есть свой ангел-хранитель. Ангелы бывают разные, у них двенадцать чинов. Есть такие ангелы, которые воюют с темными силами, защищают от них людей. Когда темных становится больше, приходится срочно пополнять ангельскую численность, – Марина помолчала, дети тоже молчали, но она чувствовала их недоумение.

– В-о-от, – протянула она, – ваши родители были срочно призваны в небесное воинство.

Дети смотрели на нее с недоумением.

– Это здорово, – сказал Юрочка, – а когда они вернутся?

– Дорогие мои, – Марина обняла детей, – оттуда не возвращаются. Они стали воинами Света и будут вести эту битву вечно. Но они постоянно наблюдают оттуда за вами, всю вашу жизнь вы будете под их защитой. Когда вам будет трудно, просите их о помощи, и они помогут. – Она уткнулась лицом в их нежные волосы и поцеловала. Потрясенные дети молчали.

– Мама ваша оттуда приходила ко мне во сне и просила, чтобы мы вас усыновили, вы теперь наши дети, и мы с дядей Стасом всегда будем с вами, – глухо сказала она, глотая слезы.

– Мы теперь должны называть вас мамой и папой? – задал вопрос Юрочка.

– Что ты, вы ничего не должны, называйте как нравится, только помните одно: родители вас не бросали, они всегда с вами. А мы вас очень любим.

– Тетя Лина, нам надо подумать, – они проговорили это почти хором.

Марина поняла, дети хотят остаться одни, снова поцеловала и вышла из комнаты. Некоторое время они не выходили из детской и тихонько переговаривались.

За обедом Галочка внимательно посмотрела на Марину и сказала:

– Мы почти не помним маму и папу и решили, что тоже вас любим.

Они выскоцили из-за стола и кинулись обнимать Марину с обеих сторон, она в свою очередь обнимала и целовала их и почувствовала, что глаза снова на мокром месте. «Что-то вы, Марина Алексеевна, стали часто позволять себе раскисать», – строго укорила себя.

Подходил срок родов. Марина практически перестала бывать в ресторане, оставив дела на управляющего, хлебнула в конце срока в полной мере и токсикоза, и отеков, и разламывающейся от боли поясницы, и прочих «приятных» мелочей. У нее закончилось терпение, стала капризной, срывалась по любому поводу, ругая себя за это. Утешением послужило, что «под занавес» приехала любимая подруга Лера. Лерка не обращала внимания на ее, как она выражалась, «закидоны» и сказала, что это абсолютно正常но. Она, детский врач-невролог, объясняла: «Это гормоны. Не переживай, пройдет».

Марина не могла не похвастаться перед Лерой своим любимым детищем, и, конечно, ту восхитил ресторанчик, в который было вложено столько сил. Лера восхищалась и домоткаными кружевами скатертьей, и меню, напечатанным на двух языках, и необычной керамической посудой, и официантами, одетыми в национальные костюмы. Про еду говорить нечего, отдала она должное и колбаскам, и свиному боку, и прекрасному чешскому пиву. Поесть Лерка любила всегда. Засиделись почти до закрытия, поэтому время все попробовать и обсудить было. Что такое один вечер, когда не виделись почти год. Болтали о старых знакомых и новых событиях, острели и хохотали.

– Марин, ты все время занятия меняешь, за что только не берешься: артистка, писатель, юрист, теперь ресторатором заделалась. Взрослая тетка, что же тебя из крайности в крайность бросает? – по-

серъезнев, спросила Лера после нескольких кружек пива. – Ресторан хоть прибыль приносит? Или за интерес работаешь?

– Я его недавно открыла, в минус не уходим, крутимся около нуля, и то хорошо, – отозвалась Марина, – артисткой говоришь? Была. И могла бы быть дальше, рекомендация в здешний театр имеется от нашего режиссера. Не пошла, не хочу быть тюбиком.

– Чем-чем? – поперхнулась Лера.

– Режиссер – он художник, понимаешь? Лепит, творит, малюет. А артисты для него – тюбики с красками, какую хочет, такую на холст выдавит. Перемешает с другими красками, не понравится, вообще скребет и новую картину напишет. Я не хочу быть краской, я – человек, а не умбра жженая. Надоело. Хочу проживать свою единственную не-повторимую жизнь, а не десятки чужих. Писать взялась. Первую книгу писала просто от нечего делать, когда с Юркой развелась, ты знаешь. Отец однокурсницы прочитал случайно в рукописи, притащил меня в издательство. Три книги написаны. И что? Бульварные романчики. Истории, впрочем, занятные, так что я творец от слова «натворить».

– Чего ты на себя наговариваешь? Артистка была замечательная, на тебя специально ходили, театр хоть и народный, но популярный. И писатель классный, не граф Лев Николаевич, конечно, но и не Дарья Донцова, – Лера засмеялась. – Помнишь анекдот ходил: Бездарья Бесконцова?

– Скажешь тоже, не помню. Нормально пишет, занимательно, самый издаваемый автор в России. А ресторан, – Марина задумалась, – сама не знаю, зрелица наскучили, решила хлебом заняться, с нуля создать. Это мое детище.

– Отличное детище. Желаю, чтобы еще и прибыль приносило, – Лера внимательно посмотрела на подругу, – ты у меня совсем расклейлась, не приведи господи, родишь прямо за столом. Давай домой выбираться, – скомандовала она.

Схватки начались солнечным морозным утром сразу после завтрака. Сначала Марина не придала значения, кольнуло, схватило, но отпустило. Ее оханье привлекло внимание вездесущей Леры.

– Ты никак рожать собралась?

– Нет вроде, еще несколько дней до срока. Просто ногами лупит, и спазм, но проходит. Может, нынче бури магнитные. Или предвестники, – пыталась отговориться Марина.

– Ну да, бури. Сейчас время засекать будем. Не боись! Рожать будем вместе, я тебя одну не брошу. Знаю я этих врачей, глаз да глаз за ними, – безапелляционно заявила Лера.

Когда интервалы между схватками достигли десяти минут, Лера скомандовала:

– Поехали, а то растрясет по дороге, еще родишь в машине.

В роддоме была оплачена отдельная палата, персональный врач, присутствие мужа на родах и прочие понты. Но Марина отказалась от присутствия Стаса в родзale, попросив заменить его Лерой, с ней она чувствовала себя уверенней. Желание клиентки исполнили, замену разрешили. Она изначально была против присутствия мужа, считая, что роды – это таинство, муж должен получить готового младенца. Они устроились в отдельной палате, и Лерка начала рассказывать смешные истории из медицинской практики. Когда начинались схватки, подносила фляжку с коньяком, разрешая сделать один глоток.

На страхи Марины, что ребенок родится с абстинентным синдромом, то есть готовым алкоголиком, Лера успокоила, что коньяк расслабит мускулатуру, а от этого прямая польза:

– Не боись, подруга, я сама так рожала, хороший парень получился, ни разу не алкоголик.

Через несколько часов фляжка была почти пуста, а роженица расслабилась так, что хотела как сумасшедшая и от смешных историй, и от коньяка. Она, то стонала, то смеялась, иногда одновременно. Глядя на нее, Лерка вспомнила старый анекдот:

– Хирург спрашивает раненого: «Вам нож между ребер не мешает?» – «Нет, доктор, только когда смеюсь». – И они обе покатились со смеху.

Вошедший врач онемел от увиденной сцены, в его практике еще никто так не рожал. Уловив в воздухе аромат коньяка, он возмущенно спросил у Леры:

– Вы пьяны?

– Нет, доктор, – заступилась за подругу Марина, – это я немного приняла для снятия стресса, а Лера абсолютно трезвая.

– Это заметно, – раздосадованно ответил врач. – Я не допущу вашу веселую подругу в родовой зал.

– Тогда я не буду рожать, – заявила она, – мы оплатили совместные роды.

– Интересно посмотреть, как это у вас получится, – съязвил врач.

В конечном итоге все примирились, Лере разрешили присутствовать при родах, и все прошло благополучно, а Марина, как и предполагала, родила сына. Не зря она заранее называла его Антошкой.

На третий день пребывания в больнице Марина неожиданно проснулась среди ночи и тихо лежала, привыкая к слабому свету ночника. Повернув голову к кроватке Антошки, она увидела женский силуэт, который наклонился над кроваткой и взял ее сынишку на руки. Первым желанием было сказать: «А ну положи ребенка на место!», но она остановила себя, испугавшись, что женщина от неожиданности может уронить малыша.

Легкой тенью, босиком, тихо скользнула за ней следом и, обойдя скобу, взяла сына из рук незнакомки. Сделала это так осторожно, что Антон даже не проснулся, зато неизвестная особа от неожиданности вскрикнула.

– Тихо! – приказала Марина, одной рукой дотянувшись до выключателя и увидела дежурную медсестру, которая испуганно смотрела на нее. – Теперь рассказывай, куда ночью моего сына понесла? – сурово спросила она, ногой пододвинув к ней стул. – И не вздумай удрачить, я тебя запомнила. Садись.

Испуганная медсестра подчинилась и залепетала:

– Я не хотела ничего плохого. Ваши родственники просили ребенка показать, потому что вы гордая, богатая, не хотите с ними зваться. У них надежда кровиночку родную увидеть, только пока вы в роддоме, а потом их близко не подпустят к нему.

Марина опустилась на кровать, все еще не выпуская сына из рук, набрала номер мужа.

– Стас, приезжай срочно, Антошку хотели похитить. – Она не стала отвечать на вопросы. – Приезжай, все узнаешь.

Повернулась к медсестре:

– Если не ошибаюсь, высокий худой мужчина и маленькая полная женщина. Так?

Медсестра быстро закивала.

– Эти люди не имеют ко мне никакого отношения. Женщина – дальняя родственница моей погибшей подруги, питает ко мне беспричинную зависть и ненависть, чем заслужила, не догадываюсь. Думаю, они решили похитить моего ребенка, чтобы потребовать выкуп или продать.

– Не может быть, – в ужасе прошептала медсестра, – такие душевные люди, женщина даже плакала.

– А потом вы плакали бы. И я, конечно. Отобрали бы у вас ребенка и не заплатили, потому что пьют беспробудно, у них денег просто нет.

– Как я могла им поверить?

– Ладно, хватит ужасаться, головой надо иногда думать, а не только кошельком. У вас охрана есть? Попросите охранников задержать их, – потребовала она.

Медсестра метнулась исполнять приказ, а Марина, сидя на кровати, не выпускала сына из рук, дождалась приезда Стаса. Вернувшаяся медсестра заискивающим тоном сообщила, что, видимо, парочка почуяла опасность и скрылась. Она мялась, не решаясь попросить.

– Не скажу я твоему начальству, не скажу, – успокоила Марина. – Надеюсь, это послужит хорошим уроком.

Приехавший муж застал ее в полной готовности убраться из больницы немедленно: она была одета, благо шкаф с одеждой находился в палате, вещи собраны, Антошка тепло закутан. Стас не стал задавать лишних вопросов, только спросил: «Не рано ли покидать больницу?»

– Рано. Но здесь я больше не останусь ни минуты. Организуешь больницу на дому, хорошо, Лерка пока не уехала.

Провожаемые медсестрой, они тихо выскользнули из больницы через черный ход. Стаснес Марину и Антошку на руках, скоро

они были дома. Антошка не проснулся ни во время неудавшегося похищения, ни даже в машине, только иногда кряхтел во сне, когда его неосторожно встряхивало.

Это встревожило Стаса, он спросил:

– Почему он все время спит? Любой ребенок сто раз бы проснулся.

– Не переживай, медики младенцам фенобарбитал дают, чтобы они спали.

– А что, так можно? Накачивать детей снотворным? – возмутился Стас.

– Насколько я знаю, эту схему отменили, но препарат незапрещенный, и детская дозировка имеется, вот и потчуют. Сегодня нам это на руку сыграло, смогли тихо из больницы выбраться.

Уложив ребенка в приготовленную кроватку, а Марину в постель, Стас присел на пол рядом с ним и несколько минут рассматривал спящего сына:

– Какой он хорошенъкий, глаза и лоб точно мои, губы – твои, а вот нос, не пойму чей.

– Ты такой смешной, ему три дня всего, он еще ни на кого не похож или на всех младенцев сразу, – посмеиваясь, ответила жена.

Счастливый отец, не вставая с пола, развернулся к ней и попросил рассказать, что произошло, выслушав, покрутил головой.

– Получается, проснись ты секунд на двадцать позже, мы бы сына только и видели. Не хотел связываться с этими «родственничками», но теперь придется заняться ими вплотную.

– Ты что, прибить их собираешься? Еще не хватало из-за этих пьяниц в тюрьме оказаться, – встревожилась Марина.

– Убивать людей мне убеждения не позволяют, но остановить их надо, они не успокоятся, придется всю жизнь жить и оглядываться. Наверняка собирались Антошку похитить, чтобы у нас детей отжать или денег. Не получилось сейчас, попробуют еще. Не тревожься, я приму меры, – задумчиво сказал он.

– Пожалуйста, только без криминала, – попросила она.

За разговором они вначале не услышали легкого царапания в дверь, их кот, который никогда не мяукал, молча рвался в спаль-

ню. Он точно знал, что сюда ему нельзя, и никогда не пытался зайти на запретную территорию, но сейчас просто ломился всем телом, пытаясь снести преграду. Недоумевающий Стас открыл дверь, Кот влетел в спальню и устремился к кроватке с Антошкой.

Стас кинулся к нему, чтобы оттащить от ребенка, но Марина остановила:

– Подожди, посмотрим.

Кот запрыгнул в кроватку, обнюхал младенца, потерся огромной головой о спеленатый сверток, издал странный звук (не то стон, не то рык) и вытянулся своим длинным телом рядом с ребенком. Он прижался к нему, как бы согревая, и положил на него обе лапы. Выглядел он при этом успокоенным, как будто наконец обрел свое место.

Марина и Стас удивленно переглянулись:

– А он точно кот? Не кошка? – спросил Стас. – Зачем ему ребенок?

– Ты что, не видишь? Он его охраняет, я тебе говорила: «Наш кот – телепат». Видимо, почувствовал, что его хотели украсть, может быть, это он меня разбудил, – прошептала она.

– Чудны дела твои, Господи, – так же шепотом ответил Стас.

Однажды вечером, примерно через неделю после этого разговора, Стас сказал:

– Можешь больше не беспокоиться, считаю, проблема решена.

– А подробнее? Как ты это проделал? Надеюсь, все чисто? – тревожно поинтересовалась Марина.

– Ты спрашиваешь, как будто я их на куски порубил и в проруби утопил.

– Не мешало бы, – проворчала она.

– Кто это у нас такой кровожадный? Не обязательно убивать человека. Все гораздо проще и одновременно сложнее. Сущность человека подвержена целенаправленной модификации, ученые это не отрицают, а на Востоке такие практики издревле существуют. Я пришел к ним с бутылкой, аргумент сработал, впустили. Поговорили серьезно. Предложил работу денежную найти, бросить пить, иначе родительских прав лишатся. Школа жалуется, соседи жалуются. Чем чужих детей воровать, лучше родными заняться. Растолковал, что опекунами им быть не выгодно: жесткий контроль, отчеты за

каждую копейку. Государство зря денег не платит, а за растрату имущества опекаемых можно и в тюрьму угодить. Задумались, кажется, испугались. Предложил им обучение за мой счет по специальностям, которые нравятся. Предложил выпить за успех, налил, выпили. Все, больше они пить не захотят.

– Я и забыла, что ты гипнозом владеешь.

– Это не совсем гипноз, это восточные техники, объяснить не смогу, с детства обучался, а ты далека от этого, – ответил он, – но не суть важно, главное, пить перестанут, за ум возьмутся, не до глупостей будет.

– Они теперь не будут пить совсем?

– Надеюсь, но контролировать придется.

– Ты можешь людей от пьянства избавлять, почему этим не занимаешься?

– Я не вправе вмешиваться в их судьбу, менять ее в угоду себе. Не знаю, чем этот эксперимент мне обернется, – задумчиво отозвался Стас.

– Но ты пытаешься изменить их судьбу к лучшему, а в Вене ты вмешался в судьбу своей знакомой, которая меня чуть на тот свет не отправила.

– Это другой случай. Она по этой дорожке шла, и тюрьма за наркоту ей светила, я только немного ускорил процесс. И никаких практик я к ней не применял.

– А с «родственниками» разве другой случай? Они допились до преступления, на них в полицию надо было заявить за похищение, сели бы как миленькие, – возмутилась Марина.

– Какая полиция, доказательств нет. На месте преступления их не застали, медсестра все отрицала бы. Списали бы на послеродовой психоз.

Марина возмущенно фыркнула, понимая, что Стас прав. А он продолжил:

– Только спасать народ от пьянства – дело безнадежное. С этими еще неизвестно, что получится. Он захочет быть шофером, а она – работать в косметическом салоне. Пришлося огорчить, что нужно для этого получить медицинское образование. Сошлись на флористике.

Бессмысленно и платят мало, но пусть попробует. Курсы я им оплачу, дальше работать придется, а работать они не умеют и не любят. Тут гипноз и все восточные методы бессильны.

8

Снова наступило лето. Семейство прочно обосновалось на даче. Теперь здесь всегда было шумно и весело. Галочка и Юрочка заметно подросли, Вика, внучка Катерины III, тоже, и вместе они составляли однородную компанию, с разницей в возрасте чуть больше года. Катерина III прижилась в их семье, к детям относилась хорошо, была в меру строга и в меру мудра. Дети ее любили, а Вику считали сестрой. Назвать гувернантку Фрекен Бок Марина бы не решилась, хотя на и Мэри Поппинс она не тянула. «Впрочем, хватит с нас этих Мери Поппинс, – вспомнив Ларису, мысленно нахмурилась Марина, – нам такой вариант – самое то».

Выбивались из этой компании подросший Эрик, который все лето проводил в России, и Антошка, научившийся ползать и ставший быстрым, как «бешеная молекула». Так Марина дразнила младшего сына за стремительные перемещения, поэтому самым обычным занятием всех дачников были поиски Антошки, который «только что был здесь». Единственным членом дачного сообщества, всегда знавшим, где находится младшенький, был ретривер Чир, благодаря которому Антошка непременно находился. Пес оповещал о своей находке заливистым лаем, а то и приносил его, точнее притаскивал, как кутенка, прихватив зубами за одежки. Антон при этом махал ручками и ножками и заливался смехом. На даче Кот перестал ревностно охранять ребенка, сдав на попечение Чиру. У него на воле появилась масса неотложных дел. Кот сутками пропадал вне дома, иногда появляясь поздно вечером, исхудалый и израненный в вечных боях за сердца деревенских «дам». Быстро ел, не разбирая, что предлагали, и засыпал мертвецким сном, во сне дергая лапами и взвывая почти по-собачьи, видимо, переживал свои приключения.

Это мирное существование прервал однажды звонок из Н-ска. Звонил «лепший» друг Павел. Марина поддерживала с ним отношения, частенько перезваниваясь, и сейчас радостно отозвалась на

звонок. Но чем больше слушала, тем мрачнее становилось ее лицо. «Хорошо, еду», – тихо отозвалась она. Отключила телефон, и он мягко скользнул в траву, но Марина этого не заметила. Стас, наблюдавший за ней, понял: в родном городе случились неприятности.

– Плохие новости? – тревожно спросил он.

Она, не ответив, пошла в дом, он догнал, встряхнул:

– Что произошло?

– Мне надо ехать, – вместо ответа сказала она, – пока я собираюсь, билеты закажи до Н-ска.

– Сию минуту? Ответь, зачем ехать? – продолжал трясти ее Стас.

– Да не тряси ты меня. – Марина скинула его руки с плеч. – На Леру напали, она в коме уже неделю. Мне не звонили, думали, обойдется, не хотели расстраивать.

Он понял, что спорить бесполезно, помог собраться, заказал билеты, отвез в аэропорт. Наскоро простились, Марина улетела, а он еще некоторое время бесцельно бродил по аэропорту, подавляя желание бросить все и улететь вслед за ней. На душе было тревожно, он понимал, что Лера скорее по ту сторону жизни, чем по эту.

Марина осторожно вошла в палату, где опутанная проводами, окруженная приборами безжизненно лежала Лера. Увидела ее ранее постоянно меняющееся от обуревавших разнообразных эмоций одновременно, а теперь совершенно бескровное лицо, застывшее словно маска, и не выдержала. Она выскочила из палаты и зарыдала в голос. Пытаясь удержаться от крика, она прикусила себе руку и опомнилась, только почувствовав вкус собственной крови на губах.

Аркадий, муж Леры, прижал ее голову к своей груди, тихо сказал:

– Надо держаться, первый раз это тяжело видеть. Осталась только надежда, мы надеемся и молимся, молись и ты, чем нас больше, тем больше надежды, что нам ее вернут.

Марина долго просидела возле палаты, приходя в себя. В памяти всплыл давний разговор с подругой. Они тогда посмотрели фильм про людей, находящихся в коме, он так и назывался – «Кома». Лера говорила: «Я как невролог, хоть и детский, скажу тебе: «В фильме

нафантизировано до фига, но то, что люди в коме все слышат, – научный факт. Они не могут реагировать, но с ними надо обязательно разговаривать».

«Бедная Лерка, знала бы, что сама окажешься в таком положении», – думала она.

– Аркадий, – обратилась она к Лериному мужу, – а вы с ней разговариваете?

– Зачем? – вопросом ответил тот. – Она же без сознания.

Марина, как подхваченная ветром, влетела в палату, остановилась возле высокого ложа и, подавив накатывающиеся слезы, взяла безжизненную Лерину руку. Рука была мягкой и теплой, это ободрило ее.

– Подруга моя драгоценная, вот мы снова увиделись. Здравствуй, дорогая моя, – сказала она и осторожно прикоснулась губами к хранящей Лерину жизнь руке. – Не ожидала тебя в таком состоянии найти, но зато ты никуда теперь не бежишь, и мне торопиться некуда. Будем разговаривать, никто не помешает. Мы так мало разговаривали с тобой в последнее время.

Она пододвинула стул к кровати и, не выпуская Лерину руку из своей, начала рассказывать ей про все, что произошло с рождения Антошки.

– Крестник твой стал самостоятельный, носится по всему дачному участку, пока ползком. Кот здоров, даже чересчур, и, сдается, мне, скоро в нашем поселке будет полно камышовых котиков. Я ведь думала, он ко мне пришел, меня выбрал, а оказалось, что это он к Антошке пришел, когда я его еще носила. – Марина говорила все что приходило в голову. Она надеялась, что Лере все интересно.

– Представляешь, тут к нам в гости Ольга с Вадимом нагрянули – это друзья Стаса. И эта галеристка, посмотрев на нашу круговорть детскую, заявила: «Теперь, когда у вас свой ребенок появился, зачем вам чужие? Отдали бы их Ирининой сестре, они их хотели усыновить, родная кровь». Я ее чуть не прибила, но сдержалась, говорю: «Чужих детей не бывает. Мы их любим как своих, они нам и есть свои... Ведь неплохой в сущности человек, а как ляпнет иногда. Но, если честно, разница есть. Я никому не говорила, даже себе боюсь

признаться. Я очень люблю и Эрика, и Юрочку, и Галочку. За них жизнь отдам, но Антошка – это другая любовь. Наверное, чистый инстинкт, мозги перестают работать, выключаются. Ты как врач мне бы сейчас объяснила, я так в тебе нуждаюсь. В тебе все нуждаются: бабушка, мама, папа, сын, муж, – она говорила Лере, как ей повезло с Аркадием, как он ее любит, переживает и надеется на возвращение. – А еще, помнишь, ты, глядя на меня, хотела ребенка родить. Лерка, возвращайся, мы все здесь тебя ждем, – она прикоснулась губами к руке Леры и поцеловала.

Немного помолчав и выпив воды, она продолжала вспоминать прошлую жизнь, школу, детские годы. Наконец ее сменили. Марина так долго говорила, что сел голос и совершенно покинули силы. Наказав родственникам разговаривать с подругой постоянно, она отправилась домой отдыхать.

На следующий день она снова была на посту и долго с грустью разглядывала подругу. Лерка не была записной красавицей. Все в ней было крупным: глаза, губы, нос, ступни (тридцать девятого размера), руки, грудь, но энергия и обаяние придавали ей много привлекательности. Любой человек мгновенно попадал под ее чары и уже не обращал внимания на недостатки. Сейчас обездвиженная, лишенная своих главных качеств Лера выглядела немного страшненькой.

– Ишь придумали держать тебя в черном теле. Женщина до последнего дня должна быть красивой, а ты у нас скоро выздоровеешь, мышцы надо в тонусе держать, чтобы встала и пошла, – обратилась Марина к подруге, – ничего, мы сейчас это поправим.

Она накрутила родственников, и те затребовали для Леры массаж два раза в день, умывание, причесывание и прочее. Дополнительная плата, конечно, понадобилась, зато после всех гигиенических процедур она стала выглядеть куда лучше. Марина слегка подрумянила ей щеки. Теперь Лера выглядела живой и почти красивой.

– Вот, подруга, ты у нас опять красотка, – ей хотелось подбодрить Леру, а что может женщину приободрить? Только сознание, что на нее и в таком состоянии приятно смотреть.

После хлопот она снова уселась у кровати и «повела дозволенные речи», в основном ей хотелось говорить о долгожданном сыне:

– Рождение Антона перевернуло все. Я читала давно, что стать матерью, это значит согласиться на то, что твое сердце живет отдельно от тебя. За точность цитаты не ручаюсь, но это правда: он часть меня, но он сам по себе, даже сейчас, когда совсем маленький. Знаешь, я думаю, конфликт между поколениями именно в этом – родители считают детей частью себя, а дети считают себя отдельными, ощущают свою «самость». Ты давно мать, как бы с тобой хотелось поговорить об этом.

Ее речи прервал Юра, который приехал в город раньше нее и сейчас пришел, чтобы сменить на больничном посту. Она решила немного задержаться, чтобы побывать с Юром, которого она «отпустила», но все равно считала своим. Они с Юркой подежурили вместе около Леры, которую держал за руку, рассказывая о своей жизни с Настей, Егорке, сыне от первой жены Алины, Машке, совместной дочке с Настей, бизнесе в Иркутске и разных жизненных событиях.

– Знаешь, – сказал он Марине, когда они вышли из больницы, – мне показалось, что у Леры лицо не такое безжизненное, как было, мне думается: она с нами, только не может ответить.

– Пошли ко мне домой, туда Пашка обещал заскочить, как только освободится, да и подкормиться не мешает. Он собирался рассказать, что на самом деле приключилось с Лерой.

– А что с ней могло приключиться? – пожал плечами Юрий. – Мне сказали, что на нее напали, когда поздно возвращалась домой, стукнули по голове, ограбили.

Павел объявился почти ночью и, накрою перекусив, принялся рассказывать, что в деле Леры много странностей. Во-первых, он не верил, что на нее могли напасть во дворе, в котором она жила с рождения, где ее знали даже воробы, не то что наркоманы и хулиганы. Он был уверен, и Юра с Мариной с ним согласились, что это чужак. Чужак, не попавший ни на одну камеру наблюдения во дворе и окрестностях, что позволяло предположить хорошую подготовку и неслучайный выбор жертвы.

– Продвинутый вор – выбрал место, где нет камер, дождался Леру. Место, где он стоял, – слепая зона. Забрал только телефон, возможно, он и был истинной целью вора. Это не слишком похоже на версию о спонтанности нападения. Любой наркоман не в состо-

янии караулить жертву, треснул бы первого попавшегося под руку и непременно сдернул цепочку, сумку забрал.

– Ребята, – сказала Марина, – у меня дежавю: три года назад мы так же сидели и пытались разобраться с убийством на нашей даче.

– Да уж, – отозвался Пашка, – и чем это закончилось... Вспоминайте, может быть, когда с Лерой разговаривали, она упоминала об угрозах, неприятностях, странностях? Аркадия спрашивал. Он говорит: «Последнее время она была дерганая, срывалась на всех», но списывает это на усталость, что ей в отпуск пора.

Они задумались. Юрий покачал головой, не припомнив ничего похожего.

А Марина вспомнила:

– Знаешь, Лера говорила про неприятности на работе, но в чем эти неприятности заключались, не распространялась. Один раз как бы про себя сказала, что этот козел у нее еще попляшет. Кто такой, не знаю, она отмахнулась от моего вопроса. Конфликт на работе, но вроде за это не убивают.

– Тepлее, но что у них на работе может быть? – заинтересовался Павел.

– У них на работе психотропных препаратов полно, дети не очень нормальные, – отозвалась Марина, – могут быть, злоупотребления по линии учета и воровство лекарств. За это разве убивают?

– Сматывая какие объемы, а то очень даже убивают, – сказал Павел. – Но это зона ответственности госдумы, – загрустил он.

– Что за госдума? – заинтересовалась Марина. – Госнаркоконтроль, что ли?

– Бери выше, теперь это называется Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, – отозвался Павел. – Это же невозможно выговорить. Укоротили, чтоб язык не ломать.

– Слушайте, а может быть, ее перепутали? – предложил Юрий еще одну версию. – За что нашу Лерку убивать. Или, допустим, убивать не хотели, недаром она жива, просто не рассчитали силу удара? – продолжил он.

– Мужики, оперировать такими понятиями, как «улики», меня одну учили? – разозлилась Марина. – Реально что есть у следствия? Версий можно придумать миллион.

– Есть следы человека, который ее поджидал, – отозвался Павел.

– А с чего взяли, что этот человек ждал именно ее. Может быть, он свою подружку поджидал или подглядывал за кем в окно? Мало ли, – опровергла Марина.

– Нет, экспертиза показала, что следы от места, где ее ждали, идут по направлению к месту, где она упала, а потом удаляются от него. В следах микрочастицы ее крови, преступник дошел до дороги, и дальше они теряются, видимо, уехал на машине. Следы не очень четкие, орудия преступления не нашли, вероятно забрал с собой. Никаких других улик вроде волос, ниток от одежды, окурков не обнаружено.

– Похоже на профессионала, а никак не на спонтанное нападение, – сказала Марина. – Это все? А распечатку звонков с ее телефона запросили, может быть, угрозы или незнакомые звонки? Свидетели? Почему следствие топчется на месте?

– Я смотрю, ты самая умная! – возмутился Павел. – Ничего интересного в распечатке: бытовые обычные разговоры. Свидетелей нет, было поздно и темно.

– Черт, вот преступник пошел хитрый. Что толку искать исполнителя, надо искать заказчика – ищи, кому выгодно. Мне кажется, что выгода от ее исчезновения – на работе. Я напрягу мужа, пусть поищет нестандартными методами. А ты, Паш, потряси Аркашку, вдруг у него любовница есть или воздыхательница, он натура художественная, – предложила Марина. – Давайте расходиться, поздно.

Когда гости ушли, Марина набрала Стаса и в подробностях рассказала известные на данный момент факты. Он тоже решил, что разборки на работе – версия перспективная.

– Я попробую поработать с документацией, бухгалтерской отчетностью и по препаратам. Но с препаратами надо сверку делать на месте, назначения проверять, фактический и книжный остаток сверять, по бумагам не нароешь. Звонки посмотреть нужно... Личности руководства неплохо проверить. Пороюсь. Пару дней мне потребуется, – без особого энтузиазма откликнулся Стас.

Ближе к ночи позвонил Стас:

– Марина, сегодня ночью кто у Леры дежурит?

– Сегодня у нее мама, она обычно остается на ночь, а днем отсыпается.

– Попроси ей в пару мужчину: муж, отец, кто угодно. Я завтра прилетаю, объясню, а пока не оставляйте ее ни на минуту и дежурьте по двое.

– Да случилось что?

– Приеду – дам послушать разговор. А пока поверь мне, ее жизнь в опасности, – и отключился.

– Снова здорово, – проворчала Марина.

Но не поверить мужу не могла. Послушалась и, едва скрывая охватившую тревогу, набрала Юрия. Передав разговор со Стасом, попросила его ехать прямо сейчас в больницу. Ночь, к счастью, прошла спокойно.

Новости, которые привез Стас, огорчили всех. Ему удалось перехватить разговор директора психоневрологического дома-интерната, где работала Лера, с неизвестным лицом: «Тебе ничего серьезного доверить нельзя. Любой малолеток справился бы лучше, бабу убрать не можете по-тихому. Не дай бог очнется и расскажет о твоих художествах». – «Что она может рассказать? – оправдывался директор интерната. – Она ничего не знала, одни подозрения. И почему о моих художествах? Наших. Я не один все это раскрутил». – «Поговори еще, без головы останешься! – угрожающе отозвался неизвестный. – Убрать ее надо срочно, без шума и чтоб не подкопались. Этому тебя, надеюсь, учить не надо?»

Разговор прервался, а слушатели переглянулись в ужасе.

– Как мы отследим и поймем, что ей капают? – спросил Павел. – Пока она в больнице, ее жизнь под угрозой, а мы бессильны. В другую больницу переводить бессмысленно. Везде достанут, найдут за деньги исполнителя, медики – народ небогатый. Да и можно ли ее транспортировать?

Марина набрала Ирину, их общую с Лерой знакомую, точнее,

это Марине она была знакомая, а с Лерой они вместе учились в институте и дружили.

– Ир, здравствуй, у меня к тебе просьба необычная. Ты могла бы взять несколько дней без содержания? Лера в коме, ей нужна твоя помощь.

Ирину она попросила как можно быстрее ехать сразу в больницу и контролировать всех медсестер, которые делают инъекции. Особо ничего не объясняла, сказала только про угрозу жизни. Впрочем, Ирина не первый год работала в медицине и прекрасно все додумала сама. Стас уже находился там. Пришедшая делать инъекцию медсестра была подвергнута осмотру, ампула изъята и по телефону название лекарства прочитано Ирине. Только получив от нее добро, разрешил ввести его в капельницу.

Павел установил слежку за директором, нужно было выяснить, в чем он замешан и как собирается навредить Лере. Все прослушанные разговоры ответа на этот вопрос не дали, он был осторожен, посторонних разговоров больше по телефону не вел, ему никто не звонил. Значит, с подельниками он встречается лично.

– Еще бы узнать, что за дела, неужели Стас ничего не накопал? – спрашивал Павел Марину, но она только пожимала плечами:

– Ты видел и слышал то же, что и я. А с Лерой надо что-то придумывать, мы так долго в этой больнице не продержимся, – она надолго замолчала. Наконец хлопнула себя по лбу: – Мы дураки! Паша, срочно звони Костику! Как только забыли? У него жена – директор частной клиники. Надо раздобыть санавиацию.

Ирина подняла на ноги всех знакомых, но оказалось, что перемещение пациента в таком состоянии требует соблюдения множества условий и формальностей, прежде всего технической оснащенности дорогостоящим оборудованием и кадров, умеющих этим оборудованием владеть. Пробиться через чиновничьи препоны не удалось, решить вопрос, как всегда, помогли деньги. В городе имелась коммерческая организация «Медавиа», которая и перенесла Леру в Иркутск. Вслед за Лерой туда отправились мама Леры и Юрий. В Иркутске за Леру нечего опасаться, Светлана приняла ее в свою клинику, там лучшее оборудование и лучшие лекарства в городе.

Проводив Леру, Павел выдохнул с облегчением, теперь ничего не будет отвлекать его от расследования. Они собирались у Мариной и решали, что делать дальше. Стас настаивал на возвращении домой, но Марина уперлась и заявила, что здесь нужнее.

– Лера в безопасности, что от тебя еще нужно? Дома дети ждут, а расследованием должны профессионалы заниматься, – уговаривал он.

– Пока не найдем, кто ее прибить хочет, никуда не уеду. Ее все равно попытаются грохнуть, когда она придет в себя и вернется из Иркутска.

Павел поддержал Стаса:

– Ты как собралась участвовать в расследовании? Мисс Марпл в засадах будет сидеть, за преступниками гоняться? – он знал, что сравнение с этой дамой взвесит Марину и охладит ее пыл. – Но ты права, действительно нужно найти причину устранения Леры. Для этого надо понять, куда двигаться дальше. И какие дела творятся в этом интернате.

Стас перелопатил все документы, которые только смог найти на электронных носителях, и высказал предположение, что дело может быть в опекунстве. При этом директоре за пять лет было усыновлено всего два ребенка, в основном в интернате практикуют передачу детей под опеку.

– Могу скинуть данные, пусть ваши поищут в этом направлении. За последние годы усыновленные дети в интернате отсутствуют, зато полно детей, взятых под опеку. Еще попалось несколько документов, в которых опекунами оказывались несуществующие люди, типа мертвые души. Похоже на криминал, но это тебе выяснить, – обратился он к Павлу.

– Ну что ж, скинь, государство платит опекунам, может быть, они с директором делятся. И продолжай слушать этого фрукта, наружное наблюдение за ним ведется, за ним следит, но прослушивание пока на согласовании, его сложно получить, и оснований мало-вато. Хорошо, что «наружку» выбили. Кстати, того типа, с которым он разговаривал про убийство Леры, установить не удалось, – доложил Павел.

– Кто бы сомневался: все у вас долго да не удалось! – вклинилась в разговор Марина, готовая поквитаться за обидное прозвище. – Вряд ли опекуны делятся деньгами, средства небольшие, чего там делить.

– Нам домой пора ехать, – снова стал настаивать Стас. Вполне достаточно, что я буду на связи с Павлом. Если потребуется, что нужно – взломаем, куда нельзя – проникнем. Для этого мне не обязательно здесь присутствовать.

– Ничего себе, тут самое интересное начинается, – возмутилась Марина, – а мы уедем?

– Интересное ей начинается, как была безбашеная, так и осталась. Это тебе, голубушка, не кино, – ухмыльнулся Павел, – и вы с Лерой свое дело сделали. Хватит с нас одной пострадавшей, а ты – настоящий катализатор, как только в дело встреваешь, сразу начинаются подвижки.

Не успели они уехать, как стало известно о новом преступлении. Эту новость Павел рассказал уже в аэропорту, когда провожал друзей. Директора интерната сбил автомобиль. Водитель не оказал помощи пострадавшему и скрылся, впрочем, помочь пострадавшему не требовалась, он умер сразу. Два происшествия в одном учреждении в столь короткий срок выглядели подозрительно. Попытка замаскировать под несчастный случай и ограбление показалась неубедительной даже руководству, и оба дела объединили в одно. Павел вел дело Леры, и объединенное новое дело досталось ему. Это давало возможность на законных основаниях взяться за проверку дома-интерната.

– И где была твоя хваленая «наружка»? – спросил Стас.

– Потеряли его. Может быть, подельники засекли, что за ним следят? А, кстати, твоя незаконная прослушка? – в тон ему ответил Павел.

– Он не договаривался о встрече, по крайней мере, по телефону, а может быть, и не было никакой встречи. Напился мужик со страху, что не успел Леру устраниТЬ, и попал спящую под колеса.

– Или дружки его устранили как слабое звено. Еще бы знать, в чем подельники и кто они, – задумчиво протянул Павел.

Вернувшиеся родители были встречены со всевозможным почетом, дети с восторгом обстреляли их из водяных пистолетов. Нападение было организовано по всем правилам, неожиданно и стремительно, из засады. В нападении участвовали трое «партизан», включая Вику, внучку Екатерины III. Эрика такие забавы уже не интересовали, он считал себя взрослым, к тому же пребывал в меланхолии. У Антошки руки были заняты – он передвигался пока на четырех конечностях, только визжал от радости, когда на него нечаянно попадали струйки воды. В итоге оружие было конфисковано и всем, в том числе и нападавшим, пришлось переодеваться в сухую одежду.

Марина с некоторой грустью смотрела на Эрика, полупрозрачный хрупкий Маленький принц на ее глазах превращался в юного Зигфрида. Мальчик основательно перерос ее и догонял отца. Потискать его было уже неловко, зато можно было подбрасывать и зацеловывать маленького Антона, обнимать Ирочку и Юрочку, которые были не прочь получить свою порцию ласки. И даже Кот, отсыпавшийся в темном уголке послеочных похождений, выполз на солнышко и, вылизывая серовато- песочную шкурку с пятнышками, искося поглядывал на прибывших хозяев. На морде Кота явно читалось удовлетворение от того, что все семья в сборе. Марина от избытка чувств подхватила на руки его весомую тушку и уткнулась носом в нос Кота. Его изумило нарушение субординации, но все же потерся головой о щеку, спрыгнул на землю и величественно удалился. Так родители мгновенно вились в обычную семейную кутерьму, вроде никуда не уезжали. В памяти Мариной начали тускнеть переживания, связанные с покушением на Леру, напоминала только постоянная связь с Иркутском. Каждый раз она с трепетом набирала видеозвонок, но, увидев печальное лицо Юрия, понимала, что и сегодня ее надежда не оправдалась.

Зато разговоры с Павлом были редкими, он не баловал звонками, но однажды рассказал потрясающую новость. При проверке дел опекаемых детей выяснилось, что несколько из них погибли, но ни по одному факту дело не заводилось. Павел затребовал материалы в свой отдел и выяснил, что погибали дети от различных несчаст-

ных случаев. Внешне все выглядело гладко, один ребенок попал под машину, другой – погиб в парке на карусели, но чаще падали и получали травмы, от которых умирали. Всего обнаружилось пять умерших ребятишек. На первый взгляд ничего подозрительного в этом не было. Дети имели различные неврологические заболевания, что сопровождалось плохой координацией движений, их смерть выглядела естественной. Но Павлу удалось убедить руководство, что детские смерти, плюс два криминальных случая с сотрудниками – многовато для одного учреждения. Было разрешено проведение эксгумации, и судмедэксперты установили, что у погибших отсутствовала печень, причем не просто отсутствовала, а была изъята хирургическим путем.

– У некоторых детей по нескольку органов изъято, но детская трансплантология в России запрещена, и это криминал, скорее криминалище. Больше пока нечего рассказать, будем рыть дальше. Ну, пока. До связи, – и Павел отключился.

– Обалдеть! – произнесла Марина. – Они что, детей на запчасти разбирали? Стас, а сколько примерно стоит пересадка печени?

– Сейчас посмотрим, – отозвался не менее озадаченный Стас. Через пару минут сказал: – Смотри где делать операцию, в среднем от ста до двухсот тысяч долларов, а если печень от живого донора, то может стоить дороже.

– Ничего себе! Да за такие деньги... – Марина присвистнула, – некоторые маму родную разберут. Слушай, я думаю, директор не мог обойтись без врача, и он обязательно ранее работал в трансплантологии, но уволен или уволился, то есть бывший трансплантолог. Тот, кто занимается этим официально, не станет палиться на криминале.

– Пожалуй, ты права. Хотя не факт, – задумчиво сказал Стас, – надо попросить Павла скинуть фото- и видеоматериалы, что делало наружное наблюдение, когда за директором следило. Надо еще раз внимательно посмотреть, с кем он контактировал. Они сейчас зааются в информации о погибших детишках, и им некогда будет возвращаться к старым материалам. А я чувствую: директор должен был с ним пересекаться. Такие разговоры не для телефонов, значит, встречались лично.

10

С утра позвонил Юрий. У Марину сжалось сердце, обычно он звонил вечером, и она ослабевшей рукой взяла телефон. На экране появилось лицо бывшего мужа, который сказал:

– С тобой поговорить хотят. – И повернулся экран телефона от себя.

На Марину смотрели глаза Леры, широко открытые и улыбающиеся. Марина охнула от неожиданности и задала глупый вопрос:

– Это ты?

– Дурочка ты моя любимая, – слабым голосом отозвалась Лера.

– Ты когда очнулась? – более осмысленно спросила Марина и за-
прыгала на месте от избытка чувств.

– Хватит, наговоритесь, успеете, она пока слабая, очнулась только сегодня ночью, ей восстанавливаться и восстанавливаться, – прервал разговор Юрий.

Марина, вне себя от радости, понеслась в дом, где Стас просматривал записи, которые скинул Пашка. Муж придумал хитрую программу, которая выделяла из общей массы лица людей, с которыми контактировал директор, и собирала на них информацию, начиная с официальных баз и заканчивая соцсетями. К сожалению, программа не понимала важность того или иного контакта и выдавала всех подряд: от кассирши в супермаркете до дворника. Через некоторое время Стасу пришлось просматривать записи самому.

Радостная Марина торопилась сообщить Стасу, что Лера пришла в себя, но, пробегая мимо качелей, заметила на них печального Эрика. Она догадывалась, о чем грустит паренек, по ее наблюдениям, он был влюблен в соседскую девочку, но задавать вопросы считала неделикатным.

Но тут она решила вмешаться в ситуацию, подойдя к Эрику, легонько обняла его за плечи и тихо сказала:

– Сегодня праздник Ивана Купала. К отцу подойди, он поможет тебе организовать ночное гуляние в поселке. Глядишь, удастся познакомиться и понравиться избраннице. Ночь сегодня волшебная.

Эрик вздрогнул и испуганно посмотрел на нее:

– Ма, откуда ты знаешь?

Она повернула Эрика к себе, внимательно посмотрела на лоб.

– Тоже мне тайна, у тебя на лбу все написано. – И направилась в дом.

– Шутишь, – вслед ей улыбнулся приободрившийся Эрик.

– Лера в себя пришла, – сообщила Марина, влетая в кабинет мужа.

– Отлично, может быть, она что-нибудь вспомнит или знает, за что ее стукнули, – отозвался он. – У меня пока результатов нет. Осторожный был.

– Она только ночью пришла в себя, врачи не разрешают ее волновать, а то она опять может в кому впасть.

Среди ночи Стас разбудил Марину. Она уснула, утомленная праздничными хлопотами, радостная, что ее затея удалась. Все соседи остались довольны веселым мероприятием, а Эрик покорил сердце малолетней гордячки.

– Посмотри, кажется, это тот, кого мы ищем.

Сон мгновенно оставил Марину, и она уставилась в монитор. В парке на лавочке вдалеке друг от друга сидели два человека. Одним из них был директор, второй – неизвестный. На первый взгляд они просто присели на одну лавочку, чтобы отдохнуть, но если присмотреться, губы у них слегка шевелились. Дав Марине вдоволь полюбоваться этим зреющим, Стас открыл страничку компьютера с досье, собранным на незнакомца.

– Та-дам, – пропел он, – читай.

– Ничего себе, – произнесла потрясенная Марина, прочитав: «Господин Н работал в московской клинике и подавал большие надежды в области трансплантологии, но досадная случайность испортила его карьеру. Родственники погибшего молодого человека заподозрили, что не все меры были приняты для спасения жизни их сына. Они оказались влиятельными людьми, была назначена судебно-медицинская экспертиза. Молодой человек был доставлен в больницу после аварии. Врач Н диагностировал смерть головного мозга. Органы были изъяты для проведения операции для пересадки нескольким больным, при этом согласия родственников погибшего не запрашивали. Экспертиза и экстумация показали, что травмы были

многочисленные и тяжелые, но доказать или опровергнуть факт гибели мозга на момент изъятия органов не удалось. До суда дело не дошло, но в узких кругах вышла большая шумиха, и врач Н был вынужден распрощаться с трансплантологией. Москву он покинул, объявился в Н-ске и теперь работает в травматологическом отделении одной крупной клиники».

– Это он, сто процентов! – звивалась Марина. – Посылай скорее Павлу, пусть слежку установят, он слинять может.

– Никуда он не денется. Считает, что на него ничего нет, и он прав. Что ему можно предъявить? Мало ли с кем на лавочку присел случайно, а история московская вообще ни о чем, – остудил ее порыв Стас. – Следить за ним нельзя, приглядывать надо осторожно, а их «наружки» слона могут спугнуть, не то что этого осторожного зверя.

– Так не заметил же, – сказала Марина.

– Это не за ним следили, и, может быть, заметил, директор погиб. Мы вообще не знаем, кто входит в преступную группу, сколько человек, кто организатор. По функциям понятно только, что директор отвечал за поставку, извини, для них это так и было, подходящего материала. Анализы дети сдавали, интернат – медицинское учреждение, так что определить тканевую совместимость труда не составляло. Только жди реципиента да подбирай ему донора. Травматолог получал материал непригодным к жизни, но еще живым, и осуществлял саму операцию. Пересадка, скорее всего, происходила тайно во время его дежурства. В бригаде должны быть как минимум анестезиолог, операционная сестра и ассистент. Возможно, они не знали о криминальном происхождении доноров или только догадывались. Еще в преступной группе должен быть сотрудник из органов опеки и тот, кто приводил донора в состояние, пригодное для изъятия органов.

– Ужас, как ты это назвал, – поежилась Марина, – прям мороз по коже, сказал бы прямо: «Убивал».

– Я правильно сказал, убить и дурак может, а тут надо сделать так, чтобы доставленный в травму пациент был не жив и не мертв, чтобы пересадить его еще живой орган. Большой виртуоз. Для большого живой орган – дополнительные несколько лет жизни и стоит

дороже. Кто-то должен был все это координировать, находить подходящих клиентов, способных заплатить за срочность и конфиденциальность. Получается преступная группа не маленькая и достаточно разветвленная, – Стас сделал паузу, – еще думать и думать. Надо завтра с Павлом совещаться, и у него могли появиться дополнительные сведения. Так что спать.

На следующий вечер организовали групповой чат и смогли вчетвером обсудить ситуацию. Юрий сообщил, что разговаривал с Лерой, она не видела напавшего на нее человека, почувствовала страшный удар и очнулась только сейчас. Немного прояснила вопрос с директором. Лера случайно встретила опекунов одного из своих детей, и они сообщили, что мальчик погиб – попал под машину, спасти не удалось. На Леру это произвело впечатление, и она, обзвонив нескольких опекунов из тех, кого знала, выяснила, что еще один ребенок погиб. Вместо того чтобы подумать, вспыльчивая Лера тут же понеслась задавать неудобные вопросы директору. Она по наивности предположила, что опекуны недобросовестно исполняют обязанности, плохо следят за детьми. Они требуют особого ухода и постоянного внимания, а директор опекунов покрывает, вместо того чтобы забить тревогу и ужесточить требования. Через несколько дней Лера получила по голове. Настоящей причины она не знала и до сих пор не догадывается.

– Я поняла, почему этот гад ее не убил, – мрачно сказала Марина, – он привык иметь дело с детьми и силу удара не рассчитал.

– Мы просмотрели все документы по опекаемым детям, – продолжил Павел, – всего нашли пять детей. И еще два случая доказать невозможно, дети вместе с опекунами якобы погибли при пожаре. Еще лет пять назад два ребенка погибли в самом диспансере, один упал на оградку вокруг цветника, другой поскользнулся на лестнице, ударился головой. У этих детей тоже отсутствует печень. Были ли это реально несчастные случаи или их убили, теперь не выяснить. Возможно, первое несчастье натолкнуло на «гениальную» мысль, и дело поставили на поток.

– Короче, преступная схема примерно ясна, но после смерти директора они затихли. Надо ловить с поличным, на живца брать.

Я попробую в даркнете сделать заказ на срочную пересадку печени для мальчика из Австрии, предложить тысяч двести евро и отправить. Скорее всего, реципиентов они там находили. Там все продают от наркотиков до оружия. Должны клюнуть. Только помочь медиков нужна, чтобы документы оформить как надо. Я в медицине не силен, – предложил Стас.

Павлу пришлось доложить об этой идее руководству. Через некоторое время с его предложением согласились, потому что другой возможности выловить преступников не было.

– К операции подключился московский Следственный комитет, они будут работать под прикрытием, а мы только осуществлять оперативное сопровождение. И все, никаких вопросов больше, а то попрут меня из органов за утечку информации, – сказал он Марине.

– Мы не вмешивались в ваше расследование, – обиженно отозвалась она, – главное, благодаря вмешательству Стаса удалось Леру спасти, теперь она в безопасности. А то эти упыри устранили бы ее, пока ваши доблестные органы раскачиваются.

Стаса известие не огорчило, у него желания играть в детектива не было, он тут же забыл об этом деле. А Марина вдруг с удивлением поняла, что ее больше расследований волнует ягодная пора. Лето выдалось теплое, если не сказать жаркое, и ягод уродилось видимо-невидимо. Каждое утро они с Катериной и детьми выбирались в луга. Поставив корзинку посреди ягодной поляны, она с удовольствием наблюдала, как дети собирают клубнику. В основном ягода отправлялась детям в рот, но иногда кое-что доставалось и корзинкам. Через несколько часов сияющие рожицы оказывались перемазанными ягодным соком, а корзинки наполненными. Тогда шумной стайкой они возвращались домой, и тут начиналось великолепие – варка варенья. Тот, кто думает, что дело это простое и нехитрое, глубоко заблуждается. В этом процессе много разных мелочей, которые важно соблюдать, чтобы варенье получалось правильным. Перво-наперво ягоды нужно перебрать от листьев, веточек и прочего мусора. Это самый муторный этап, потом подготавливается сахар, не абы какой, требуется рафинад. Сначала большие куски колют, потом растапливают в густой сироп, горячим сиропом заливают перебранные ягоды.

Ягоды должны в этом сиропе постоять часов двенадцать, а то и сутки, потом их кипятят минут пять на небольшом огне и снова отставляют. Процедуру лучше всего проделывать в медном тазу, подойдет и эмалированный, но медный все же лучше. Так делается несколько раз, при этом тщательно снимается пенка, и этого этапа нетерпеливо ждет детвора, потому что, кто же не знает, нет ничего вкуснее пенок от варенья. Затем варенье перекладывается в стерилизованные банки и баночки, которые закрываются крышками. Сверху полагалось накрыть красивой салфеткой, чтобы рисунок соответствовал ягодам в банке. Поверх салфеточек повязывались яркие шелковые ленточки, и только тогда банки убирались в погреб. Этот ритуал Марина совершила неукоснительно, отдавая дань своим бабушкам. Одна из них научила правильно варить варенье из любой ягоды, сохраняя их целыми, другая варила варенье из любого продукта: из кабачков, одуванчиков, зеленых помидоров, а фирменное ее варенье было из грецких орехов. Все эти секреты и мелочи, которыми они щедро делились с Мариной, оказывается, помнились до сих пор и теперь пригодились ей.

Постепенно начало забываться трагическое происшествие с Лерой. Она еще лечилась в клинике в Иркутске, восстанавливая былую форму, и врачи давали оптимистичные прогнозы. Они каждый вечер подолгу болтали на разные темы, и однажды Марина рассказала о новом увлечении.

– Ты удивишься, – смеялась она, – я теперь вся из себя хозяйка, каких только заготовок не делаю, и так много, что пришлось помощницу взять, сама уже неправляюсь. На днях спустилась в погреб, не представляешь, какой у меня замечательный погреб, чисто дворец, а на полках сплошь банки и баночки, а в них варенья, соленья, компоты. Красота неописуемая. Стою и сама себе говорю: «Ты, Марина Алексеевна, настоящая Пульхерия Ивановна, старосветская помещица».

– Ты за что ни возьмешься, во все душу вкладываешь, – сказала Лера, ничуть не удивившись, – только проходят твои увлечения быстро.

– Не скажи, – не согласилась Марина, – многие мои увлечения годами делятся. Но ты права, когда увлечение становится рутиной,

я остываю. А с заготовками я не только для семьи стараюсь, хочу зимой в ресторане подавать. Представляешь, приходит клиент с мороза, а ему чай горячий и ароматное варенье в красивой баночке. Я банки небольшие, граммов по сто, делаю для ресторана, а сверху салфеточка яркая и ленточка бантиком – бабушкино варенье. Мило же.

– Мило-мило, – улыбалась Лера, – фантазерка ты наша.

Павел звонил редко, и разговор старался закончить быстрее, как будто боялся, что Марина начнет сейчас вытрясать из него душу, высматривая подробности расследования, о которых распространяться не имел права. Но она не допытывалась, пока операция не закончилась, никто ничего не должен знать. Главное, что Лера находится в безопасности. Оставалось только надеяться, что всех, кого надо, задержат и осудят. Однажды Павел позвонил и радостным голосом сообщил, что ему дали отпуск и они с Ксю собираются в Питер. Ксения никогда не была в Санкт-Петербурге, но мечтала побывать в этом городе с детства, и Павел решил исполнить мечту жены.

– Как же тебя отпустили? – удивилась Марина. – Ты что, в операции не участвуешь?

– Участвую. Только она благополучно завершена, всех повязали, в Москву забрали, – отчитался Павел. – Если мы к вам по пути заедем на пару дней, не будете возражать?

– Ты, блин, на грубость нарываешься… – цитируя Высоцкого, обрадовалась она, – да хоть на пару месяцев.

Через несколько дней гости сидели на веранде дома за большим круглым столом и с удовольствием ели вишневый пирог. Надо ли говорить, что на столе красовалось несколько сортов варенья, которым Марина с гордостью их угощала. Когда они вдоволь напились чаю, наелись пирогов, а дети отправились спать, Пашка соизволил рассказать о завершении операции. Ему самому не терпелось это сделать, и он ожидал, что подруга начнет приставать с вопросами, а он немного покуряжится над ней. К его удивлению, Марина не выказывала никакого интереса, разговоры велись на самые разные темы, не касаясь криминального происшествия.

– Вы слушать будете, чем дело закончилось? – несколько обиженно спросил Пашка. – Или неинтересно?

– Что ты, Пашенька, – промурлыкала Марина, – ждем. Главное, что бандитов поймали.

– На поверку банда оказалась небольшая. Всего три человека: директор, его водитель и хирург из травмы, – обстоятельно начал Павел, – остальных использовали втемную. Медики, морг, опека – им платили за разовые услуги, что за этим скрывалось, не догадывались или старались не догадываться. Все получали русские деньги, не слишком большие по сравнению с организаторами. Бригада для операции каждый раз набиралась из разных сотрудников, кто с хирургом дежурил, получали деньги и помалкивали. Дети все равно были не жильцы, а они другую жизнь спасали, так он их совесть успокаивал. Операции были редкими: одна-две в год. Осторожный. Или так рассказывает теперь, чтобы количество эпизодов сократить. – Павел помолчал. – Хирург и был организатором, началось все случайно. В интернате упал мальчишка-эпилептик, ударился головой о бетонную ступеньку, его отвезли в травму. Совпало, что к хирургу в это время обратился один небедный господин из Москвы, его сыну нужна была пересадка печени. Хирург отказал вначале, а тут случай подвернулся. Проверил на совместимость, оказалась – не очень, но использовать можно, тем более орган живой. Позвонил, чтобы господин сына привез, а травмированного парнишку перевел на искусственное дыхание и препараты лучшие, лишь бы не умер до срока. Когда привезли реципиента, провел тайно операцию по пересадке. Получил большие деньги в валюте и задумался: «Чего зря добру пропадать?»

С этого случая закрутилось. Договорился с директором, тот согласился, не слишком ему «дурачков» было жалко. Потом одного парнишку специально на оградку приложили, исполнителем стал шофер директора. Это он «ликвидатором» у них был, он Лерку чуть не угrobил. Все опять сошло с рук, но поняли, что в интернате смертей достаточно, слишком подозрительно будет. С усыновленными детьми связываться не с руки, решили передавать детей под опеку. Это проще оформляется, можно больше детей сбить с рук, а ответственность падает на опекунов, если несчастье случится. Шофер обставлял все под несчастный случай, дела даже не заводили, очень правдоподобно выглядело.

– Да, зная твое «человеколюбие», – обратился Павел к Марине, – забегая вперед, скажу, когда брали шофера, он оказал вооруженное сопротивление, и его ликвидировали. Бывший спецназовец, отсидел срок за убийство, эдакий душегуб.

– Может быть, ты прав, это жестоко, – задумчиво сказала Марина, – но я очень рада, что этого гада пристрелили. Столько крови на нем. Зато теперь можно жить спокойно и не думать, что он может выйти из тюрьмы и добраться до Леры.

– За столько трупов он бы пожизненное схлопотал, – отозвалась Ксю, – но я тоже рада, честно.

– В основном операцию готовил московский Следственный комитет и московские оперативники. Легенду взяли ту, что Стас придумал. Отец из Австрии разместил объявление в даркнете: «Нужна срочная пересадка печени пятнадцатилетнему сыну». Подсадных подготовили, разработали легенду, оформили документы. С медицинскими бумагами помог институт трансплантологии.

– Я не пойму, – спросил Стас, – почему именно интернатские дети, у него целая травма была под рукой? И смертность среди пациентов не маленькая.

– Потому что они никому не нужны, никто не будет допытываться, куда делся, зачем операция, – печально объяснила Ксю.

– Это как не нужны? – взвилась Марина. – За них Лера чуть жизни не лишилась. А мы? Разве не мы все прекратили этот ужас?

– Я вкратце, а то интригу поломал: рассказал, что главный злодей убит, не интересно стало вам. Больше недели не было никаких известий, решили, что преступники не клюнули на сообщение, может быть, свернули деятельность окончательно. И вдруг «австрийцу» поступило сообщение о возможном проведении операции в России, в Н-ске. Предложили привезти сына и ожидать некоторое время, пока не будет найден донор с подходящей тканевой совместимостью. Дальше – дело техники: доставили оперативного сотрудника в травму под видом потерпевшего. Хирург клюнул, решил срочно делать операцию. Прямо в операционной повязали. Он был так ошарашен, что назвал сообщника и где его найти. При задержании шофер погиб, я уже говорил. Собственно, на этом для нас операция закон-

чились. Сейчас в Москве хирурга раскручивают на другие эпизоды по делу, а он, пользуясь тем, что подельники погибли, все валит на них. Хорошо, что имеется запись, где он приказывает Леру убить, из чего следует, что он всем заправлял. Надеюсь, на пожизненное ему доказанных эпизодов хватит.

– А почему Москва в расследование вмешалась? – спросила Марина.

– Московские следователи давно приглядывались к институту трансплантологии, у них информация была про незаконные операции, следы вели в наш город. Хирург иногда умудрялся органы своим знакомым продавать, они оперировали втайне за большие деньги. Деньги мимо кассы в карман шли, а они нашему эскулапу иногда богатых клиентов подбрасывали. Такой взаимовыгодный обмен. В институте этих деятелей тоже обезвредили.

Прошло больше года после трагических событий, и Марине удалось затащить Леру в гости. Устроившись в деревянной беседке, из которой открывался вид на Оку, они неспешно разговаривали. Сквозь золотые редкие листья просвечивала синева неба и воды, делая все вокруг необыкновенно праздничным. От золота и синевы захватывало дух, а горьковатый терпкий запах хризантем, цветущих вокруг беседки, бодрил и одновременно навевал легкую печаль очредного расставания с летом.

– Ох, и красота тут у тебя! – воскликнула Лера, и тихо запела грустным, мягким голосом:

Я сделал бы корабль для тебя,
Чтобы уплыть с тобой к деревьям
И к золоту на голубом...
Я бы увидел нас так, как мы есть,
Как зеленые деревья с золотом на голубом...

Марина радостно улынулась:

– Ты помнишь?
– Как не помнить. И почему я так долго не приезжала, – с легкой грустинкой в голосе произнесла Лера.

Марина знала почему, за это время Лера успела стать бабушкой. Как она боялась, сын пошел по ее стопам и женился в восемнадцать лет на сверстнице, а та чуть не на свадьбе родила Лерке внука.

– Нет, ты представляешь, меня в книгу Гиннеса можно заносить, стать бабкой в тридцать восемь! Как в Африке, – жаловалась она, – а я еще сама хотела девочку родить.

– Так кто мешает? – спрашивала Марина, – Аркадий против?

– Что мужиков спрашивать, – дерзко отвечала Лера, – разыгрывают из себя взрослых дядек, а на самом деле до седых волос мальчишки.

– Не знаю, может, ты права. Но мой делает вид, что рад. Месяцев через шесть у нас ожидается пополнение в количестве двух штук.

– Вот ни фига себе, – прошептала потрясенная Лера, – двойня? Марина кивнула:

– Хотя я на его месте сошла бы с ума. Я на своем – схожу.

– Ты будешь как Анджелина Джоли: шесть детей, своих троих и приемных троих. И двойняшки. Один в один, – захлопала в ладони Лера.

– При чем тут Джоли? Нашла пример! С детьми у нее не все ладно и с мужем развелась, – возразила Марина. – Радости я мало чувствую, больше тревоги. Разве я думала, что до этого дойдет. Я мечтала об одном ребенке, максимум о двух, а это вселенская катастрофа, я не справлюсь.

– Ничего, подруга, Господь милостив, он всегда дает ношу по силам, – Лера встала, обняла ее за плечи. – Радоваться надо, ты точно справишься, ты всегдаправляешься, – утешила она Марину и добавила: – А у меня теперь точно дочка будет, какие наши годы...

Часть 4

Доми наши

1

Машина неслась по узкой дороге, ведущей к дому, что называется, сломя голову, но расстояние между джипом Марины и преследователями не увеличивалось. На едущего следом «Ягуара», который не особо маскировался, она обратила внимание еще в городе. Мощный кроссовер, темно-бежевого цвета, разрисованный коричневыми пятнами и зигзагами, выглядел экзотически, и не заметить его было трудно. Чтобы убедиться в том, что преследуют именно ее, Марина заехала в торговый центр и, спрятавшись за колонной, наблюдала через стекло витрины за высокочившими из «Ягуара» странными типами. Они были одеты в черные косухи и кожаные черные брюки, наряд дополняли черные очки, усы и банданы, как будто их породил плохой американский экшен. Она могла поклясться, что раньше никогда не видела их. Потому терялась в догадках, что им нужно? Марина находилась в оживленной толпе и решила столкнуться с ними лицом к лицу, надеясь, что среди людей – в безопасности, но бандиты скользнули по ней равнодушным взглядом и прошли внутрь магазина. Они явно спешили и кого-то искали. Марина вздохнула с облегчением, очевидно перестраховалась. Вышла из торгового центра и поехала домой.

Новый дом они с мужем построили недавно на месте заброшенного пионерского лагеря на берегу Оки, с огромной территорией и совершенно запущенным парком, переходящим в настоящий лес. Это место досталось Стасу больше десяти лет назад, когда один из разорившихся клиентов не смог расплатиться за проделанную работу. Недвижимость была ненужной и неликвидной, но больше взять было нечего. Периодически на этой территории, с руинами бывших корпусов, Стас с друзьями проводили «дикие выходные»: бродили по лесу, отстреливая обнаглевших ворон, рыбачили, устраивали посиделки у костра, на котором готовили еду. Когда у Марины родилась двойня, прежнее жилье оказалось тесным и пришлося обзавестись новым семейным гнездом.

Сначала путь к дому пролегал по трассе, затем сворачивал на проселочную дорогу, которая местами была асфальтирована, местами – отсыпана гравием. К самому полотну проселочной дороги выбегали березы, дубы и клены. Она была узкой: едва разъедутся две машины. Когда Марина впервые ехала по ней, пришла в восторг, поскольку эта дорога напомнила дорогу на дачу в родном городе. Только там вдоль дороги росли сосны, она звала ее «темной аллеей», а эта была более праздничной, особенно осенью. Задумавшись о текущих делах, она вела автомобиль машинально, но, когда до дома оставалось минут двадцать езды, вдруг обнаружила, что за ней едет знакомый «Ягуар». Марина нажала на педаль газа. В голове пронеслось: или бандиты присмотрели ее джип, или перепутали со Стасом. В телефоне имелась программа голосового управления, и она попросила «Алису» набрать номер мужа, в двух словах объяснила ситуацию.

Он коротко бросил:

– Не останавливайся ни в коем случае, держись. Я еду. – И отключился.

Она хорошо знала мужа, и ей оставалось только нестись по дороге, пока не подоспеет помошь, и надеяться, что джип не подведет. Встреча с этими типами не сулила ничего хорошего. Какими бы ни были их намерения, в живых ее не оставят: кому нужны живые свидетели. С помощью «Алисы» она дозвонилась до Сергея, друга семьи и одновременно начальника убойного отдела.

Выслушав ее сбивчивый рассказ, он в своей обычной недоверчивой манере поинтересовался, не причудилась ли погоня:

– Тебе часом мирная жизнь не наскучила? Кому нужно за тобой гоняться?

– В том и дело, не за мной. Я в торговом центре проверилась, они меня в лицо не знают. Ты вечно ерничашь, а меня грохнуть могут за здорово живешь, – возмутилась она.

– Какой от нас толк: пока доедем, все будет кончено. Сейчас ближайшему посту ГИБДД позвоню, может быть, успеют, – обеспокоенный Сергей отключился.

А Марина вдруг с ужасом увидела впереди засаду: ей перекрыли проезд. Ждали и основательно подготовились, поперек дороги сто-

яли две машины. Со стороны леса проехать возможности не было, машины почти упирались в деревья, а посередине дороги заходили одна за одну, что называется внахлест. Все это она увидела и в доли секунды оценила обстановку. «Останавливаться нельзя, надо идти на таран, это единственная возможность прорваться», – мысль мелькнула и исчезла. Она до упора вдавила педаль газа и рванула вперед.

– Ну, дружок, не подведи, – обратилась к авто, не сознавая, что говорит вслух. – Только бы мотор не повредить.

В момент столкновения ее бросило на массивный руль, почувствовала сильный удар в грудь и задохнулась от боли. В глазах поплыли разноцветные круги, но сознания не потеряла. И, как в замедленном кино, проносясь мимо, успела заметить легковушку, съезжающую в сторону от удара джипа, удивленные лица двух мужчин, куривших на обочине. А потом хлопки и резкие металлические удары по бамперу. «Эти гады еще и стреляют!» – промелькнуло в голове.

Зато она прорвалась и теперь мчалась по дороге, с облегчением поняв, что ее не преследуют. Позже, вспоминая этот эпизод, который длился несколько секунд, она удивлялась, как опасность преобразовала время. В тот миг физически ощущала податливость и текучесть мгновений. Время колыхалось вокруг призрачным маревом, позволяя мыслить и действовать иначе, чем в обычной жизни. Нет, вся жизнь не пронеслась перед мысленным взором, как рассказывают люди, пережившие опасность. Зато она успела оценить обстановку и принять верное решение, которое спасло ей жизнь. Понимала, что, конечно, время не изменилось, просто мозг перешел в другой режим работы. Время – это константа, а мысли запросто могут менять скорость, и в состоянии измененного сознания люди способны на любые чудеса.

Через пять минут после тарана Марину встретила машина мужа. Она затормозила, увидев бегущих к ней Стаса и Леона, так сокращенно звали Леонида, друга, который занимался безопасностью их семьи. Ухватила подбежавшего мужа за воротник рубашки и с облегчением уtkнулась лбом ему в грудь.

– Слава богу, жива! – говорил Стас. – Черт возьми, объясни, что случилось! Кто тебя преследовал? Почему машина разбита?

– Сама не знаю. Я тебе сказала, бандиты преследовали меня еще в городе, потом отстали, но по дороге устроили засаду: двумя машинами перегородили дорогу, мне пришлось их таранить. Не понимаю, может быть, на джип польстились, по виду они настоящие гангстеры, только зачем было стрелять по машине, они же ее повредили. Все в черном: косухи, банданы, очки, – сбивчиво рассказывала Марина.

– Я, кажется, знаю, в чем дело, – подал голос Леонид, – нужно быстро ехать домой. Я сяду в джип, вы в «bumer». Не надо возвращаться, – видя, что Стас пытается что-то сказать, произнес он, – за безопасность пока отвечаю я.

Марине пришлось лечь на заднее сидение автомобиля, ребра сильно болели, сидеть она не могла. Теперь в безопасности, когда адреналин улетучился, она чувствовала каждый толчок и не могла сдержать стона, когда машину встряхивало на рытвинах. Стас встревоженно поглядывал на жену и еще с дороги позвонил знакомому врачу, попросив приехать как можно скорее. В дом он занес ее на руках и положил на твердую кушетку. Когда она лежала спокойно, не шевелясь, грудь почти не болела, из чего они заключили, что, видимо, сломаны ребра.

Здесь возле лежанки мужчины устроили совещание.

– Я догадываюсь, в чем дело, – начал Леон, – эти парни по мою душу. Старый должок, – он замолчал, – через пару лет, как ты ушел из Легиона, нас перебросили в Боснию в составе миротворческих сил. Тебе не надо рассказывать, что там творилось, – он замолчал, – но в то время было почти спокойно. Служба не напрягала, но случилась заварушка в одном горном районе, мы с местным патрулем выехали туда. Нам вмешиваться нельзя, только наблюдать, а попробуй их развести, когда обе стороны вооружены и плевали на наше миротворчество. В село с гор спустилась банда, террор устроили местным: грабеж, стрельбу. Патруль едет по дороге и плюет на все, главное, чтобы их не трогали, и мы следом, такие же. Миротворцы, – он зло выругался. – С брони наблюдали сверху, главная задача – не допустить жертв среди мирного населения, но мы с брони не имели права слезать. Одна видимость. Проезжая мимо одного двора, услышали вопли из-за забора, во дворе увидели пятерых бандюков. Один схватил

девчонку лет двенадцати, а другие держали родню. Тот, который девчонку поймал, сорвал с нее одежду и насиловать собрался, как будто взрослых баб мало. Я пальнул в него не раздумывая, сразу наповал. Те четверо по нам стрелять начали, но ребята на броневике во двор въехали и чуть их в землю не вмесили. Сбежали. Родственники руки целовали, благодарили. А меня начальство отдельно поблагодарило: выперло из Легиона.

– Ничего себе, ты, оказывается, виноват, – воскликнула Марина. – Стас, ты успел в Легионе послужить? Никогда не рассказывал.

– Мало ли чего в жизни бывает, французское гражданство у меня не за красивые глаза, – ответил Стас, – не перебивай. А дальше что?

– Ничего особенного. Поболтался по Франции, в охране работал, потом добрые люди передали, что ищут меня. Кровники образовались, родня и дружки того типа, которого я пристрелил в Боснии. Уехал в Россию, тебя встретил, жил в этой глупши, думал: не найдут. – Он тяжело вздохнул. – Нашли. Видимо, они меня в джипе срисовали, я на нем всегда в город ездил, и решили напасть по дороге, а в машине на грех ты оказалась, – обратился Леон к Марине.

– Теперь все понятно, – удовлетворенно отозвалась она, – а то Сергей на меня бочку катит: «Вечно ты куда-то вляпашься», – передразнила она.

Врач, машина ГИБДД и Сергей с ребятами из отдела подъехали почти одновременно.

Марина не преминула вставить шпильку:

– Твои патрульные так торопились, что даже вы их обогнали. Спасители. Только за смертью посыпать.

– Язва ты, Маринка, спасибо скажи, что все обошлось, – проговорчал Сергей, понимая, что она права. – Они остановились на месте происшествия, пока все осмотрели, улики собрали, потому мы вместе и приехали. Как ты умудрилась машину разделать под орех?

Патрульные сняли с нее показания по поводу дорожного происшествия, заполнили протокол и отбыли. Марина объяснила, что машина стояла поперек дороги, и она случайно ее немного «подвинула». Оказалось, одна в угоне, а на другой громили скрылись, видимо, осталась целой.

Врач, бегло осмотрев пострадавшую, подтвердил, что у нее сломаны два ребра. Настаивал на рентгене, но она отказалась. Он ограничился тем, что наложил тугую повязку, потребовал придерживаться постельного режима и тоже уехал, сказав, что будет на связи. Сергей с операми остался, и Стас подробнее объяснил происшедшее.

Сергей задумался:

– Дело – дрянь. Даже не знаю, что делать. Их надо найти, нехватало нам тут иностранных террористов. Но это не наш уровень, сами знаете чей, надо сообщить, пусть ловят.

– Это только наше предположение. Зачем понапрасну шум поднимать? Контора слишком серьезная, чтобы беспокоить. Это вполне могут быть местные бандиты, в таком случае своими силами справишься, – возразил Стас.

Сергей задумался, связываться с конторой – себе дороже, надо сначала самим все выяснить. Наконец решил:

– Надо исключить или подтвердить факт прибытия их в страну, а потом действовать самим или впутывать фээсбэшников. – Обратился к Марине: – Как думаешь, сколько их? Ты их видела, сможешь опознать по фото?

– Не знаю точно, на обочине стояли два бандита, и двоих видела в супермаркете, но они с усами, в черных очках. Сомневаюсь, что в таком виде они прибыли к нам, может быть, это камуфляж. Не уверена, что смогу узнать, – отозвалась она, пожав плечами, что вызвало очередной приступ боли.

– Скорее всего, въехали по собственным паспортам, они уверены, что здесь их не ждут и я их не знаю. А я действительно их не знаю, – подал голос Леонид.

– Разумно. Хотя я на их месте ехал бы через Белоруссию на автобусе, но вдруг нам повезет, – одобрил Сергей.

Стас проник в базу пограничной службы и отсортировал иностранцев, прибывших в Россию за последние десять дней. Въезжающие были дополнительно отсортированы по полу и возрасту. Все равно Марине пришлось просматривать большее количество фотографий, чем они планировали.

У нее уже начало рябить в глазах, когда это занятие прервал Леонид:

– Слушайте, их минимум четверо и они вооружены. Боюсь, они не успокоились и наверняка наблюдают за территорией. Могут решиться на штурм, это редкостные отморозки.

– Мы не уверены в их наличии, а ты про штурм дома беспокоишься. Хотя бандиты тоже могут вломиться. Дом в отдалении, до ближайшей деревни километров двадцать, до города и того больше. Поживиться есть чем. Связываться с фээсбэшниками пока рано, не хочется выглядеть идиотом. На всякий случай я останусь сегодня у вас ночевать и парня своего одного оставлю, – решил Сергей, – в случае чего продержимся до приезда подмоги. Стас, давайте перебираться в безопасное место.

Снаружи дом не выглядел большим. Крепкий, приземистый, с двускатной крышей, он напоминал шале и казался двухэтажным, хотя на самом деле этажа было четыре. В нулевом или цокольном этаже, практически под землей, располагались бытовые и подсобные помещения: бойлерная, прачечная с сушилкой, бассейн, баня, сауна.

– Может быть, я заразился вашей паранойей, но лучше перестраховаться. В доме есть нулевой этаж, нет окон и легче держать оборону. Если перемещаться, то туда. Я займусь детьми, нужно их отправить вниз, – откликнулся Стас.

– Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят, – подала голос Марина.

– Ну куда ж мы без твоих комментов, – съязвил, выходя из комнаты Сергей.

Она хмыкнула и, не удостоив его ответом, продолжила рассматривать фотографии. Через некоторое время ткнула пальцем в одного хмурого гражданина и воскликнула:

– Вот этот тип здорово похож на одного из тех, что в супермаркете были, только он здесь без банданы. Границу России пересек неделю назад, по приглашению, наверняка липовое или такие же бандосы организовали. А по паспорту он француз и прилетел оттуда же, вовсе не боснийец.

– Отлично, значит, надо посмотреть подходящих типов, что границу пересекли примерно в это время, – сказал Леон. – Скорее всего, они не толпой въехали, рейсы могут быть разными.

– Я еще посмотрю, вдруг они не шифровались. – Она вернулась к просмотру пассажиров рейса, на котором прибыл узнанный ею бандит, и вдруг вскрикнула:

– Вот, вот этот! Я его видела в супермаркете! Точно он! Даже усы настоящие.

– Эти двое тоже подходят, посмотри, – через некоторое время Леон показал фото двух крепких ребят, – они даже зарегистрировались вместе, братья по документам и похожи.

– Попались, голубчики! – крикнула Марина вошедшему Сергею. – Четверо прибыли одним рейсом неделю назад из Франции, думаю, больше никого. Но какая честь, на одного нашего целая банда.

– Подтвердилось, значит, – недовольно отозвался Сергей, – теперь без конторы не обойтись. Есть у меня один знакомый там, придется обращаться.

К вечеру все постепенно устроилось. Дети были внизу, двоих парней из отдела Сергей отправил в город, а сам и его сотрудник Денис, спецназовец, служивший в Чечне, остались на ночевку. Со знакомым фээсбэшником переговорил, ситуацию обрисовал, фотографии отправил. Прибытие конторских обещано завтра утром, им многое нужно прояснить и подготовить по своей линии.

Взрослые тоже спустились на нулевой этаж. Марине как травмированной вставать не разрешали, и мужчины разместились возле ее ложа. Стас доложил, что сигналы со всех камер перевел на свой ноутбук, и теперь все окрестности вокруг дома можно видеть отсюда, а у камер имеется функция ночного видения. Мужчины решили дежурить парами по три часа. Вход на этаж был один, возле этой двери они и устроились. Во двор Стас выпустил всех собак, целую стаю, начиная с Чира и заканчивая йорком Питером, которого недавно приобрели для близнецов Дашки и Артемки. Оставалось надеяться, что собаки не пострадают от рук бандитов, если их наглость возьмет верх над благородствием.

2

Стас и Леон дежурили первыми, в это время Сергей и Денис спали. Марина облюбовала сауну, где были деревянные широкие лавки,

на которые она попросила положить матрац, получилось отличное спальное место для человека со сломанными ребрами. Твердая лавка полезна при такой травме, но покрутившись с час на неудобном ложе, она решила навестить дежуривших мужчин. Выскользнув из сауны, остановилась возле бассейна, сожалея, что не может искупаться, с тоской глядя на прохладную воду.

Стас заметил, что она не спит, и тут же подошел:

– Не спится? Не тревожься, все будет хорошо.

Он слегка обнял ее за плечи, приободряя.

– Я не тревожусь, просто не спится. Ложе неудобное, ребра болят, здорово я шарахнулась, – отозвалась она. – Слушай, раз мы оба не спим, расскажи про Легион. Как ты туда попал?

– Просто взял и поступил, – пожал плечами Стас, – долгая история и давняя.

– Все равно делать нечего, расскажи, интересно, – подергала его за рубашку Марина.

– Окончил институт, жена сбежала, настроение ниже нуля, ничего делать не хотелось, такая пустота образовалась, как после смерти мамы. Решил летом проехать по Европам, автобусный тур взял, дешево и много стран сразу можно посмотреть. В нашей группе гид оказался русским эмигрантом, он стал французом, отслужив во Французском легионе. Меня это зацепило. Ленка, жена бывшая, в Европу рванула, бросила меня ради богатого серба. Однажды пришла домой и заявила: «Я на развод подала, наша история закончена, у меня – новая любовь, новая жизнь». Я решил в пику ей: тоже буду в Европе жить, дело свое открою, стану богатым, она еще пожалеет, что ушла. Молодой дурачок, двадцать один год стукнуло. Слушай, не хочу это вспоминать, ну что пристала, – Стас недовольно поморщился.

Марина взъерошила ему волосы.

– Мой бедный мальчик, как ты страдал, – в голосе прозвучала ирония.

– Зря иронизируешь, я ее любил. Ты знаешь, мой план удался. Я потом встречался с Ленкой в Риме на светской тусовке. Она в то время была замужем за итальянским графом, двое пацанов-графинчи-

ков, – усмехнулся Стас, – собственное палаццио в Венеции, куча денег от прежних мужей. Мне тоже было чем похвастаться: гражданство французское, живу в Вене, жена – баронесса, сын, свой бизнес. Она оценила: «Я всегда знала: из тебя выйдет толк». Даже попыталась снова охмурить: «Если бы я тебя не бросила, из нас обоих ничего не вышло, но я всегда любила только тебя, как оказалось, деньги в жизни не главное».

– Вот мне интересно слушать про твоих бывших жен, – прервала его Марина, – я просила про Легион рассказать.

– Я рассказываю, зачем туда подался. Когда были в Марселе, нашел их контору, прошел две медкомиссии, разные тесты на физическую подготовку: отжаться, подтянуться, пробежаться для меня не проблема. Отправили в лагерь для новобранцев в Обани. Что в армии интересного? Обычные армейские будни. Тебя пытаются сломать физически и психологически все, от последнего капрала до высоких чинов и даже сослуживцев. Главное, не лезть на рожон, но уметь за себя постоять. Хорошо, когда понимают, что тебя лучше не трогать, а у меня это получалось. Русских, украинцев было много, поляки и прочие братья славяне, французы все в начальстве, сплошь отребье, с тех пор терпеть их не могу. Все прошел, не сбежал, хотя отсев огромный, но рекрутов никто силой не держит: хочешь – уходи. Я выдержал, заключил контракт на пять лет.

Хотел в десант, отправили в воздушно-десантный полк на Корсику. Потом в спецназ попал, моя физическая форма была убедительна. Это подразделение десантников, потому участвовал, привлекался, направлялся. Об этом не распространяются.

– О! Ты прыгаешь с парашютом, здорово, я обожаю парашют, – вклинилась в рассказ Марина, – у меня тридцать два прыжка, из них три затяжных. А почему ты никогда не предлагал мне попрыгать?

– Свои не считал, сотни, много прыгали. Напрыгался, – отозвался Стас, – в десанттуре подружился с австрийцем, в отпуске стал бывать у него в Вене, познакомился с Хелен, поженились, когда еще служил.

– Ничего себе, у вас отпуск был? – удивилась Марина, сделав вид, что пропустила мимо ушей про вторую жену Стаса.

– Целых сорок пять рабочих дней в году. И вечером, после семи, мы были почти свободными людьми. Могли ходить в рестораны, ездить по окрестностям, с другом всю Корсику искоlesили.

– А тебе не жалко целых пять лет жизни?

– Не пожалел, что прошел Легион. Французский, итальянский языки – как родные, во Франции за своего принимают, в Италии – тоже. Мир посмотрел, гражданство получил, квартиру купил в Париже, в рассрочку, сейчас она моя собственная.

– Фу, как меркантильно, – Марина наморщила нос, – а Родине служить не захотел. Служить за деньги – это фи.

– Почему не захотел, просто так сложилось.

– Хорошо, а если война случится? Ты за кого воевать будешь? За Францию?

– С моими навыками я своей стране буду полезен, но лучше пусть не будет войны. Если война не дай бог случится, она будет совсем другой, чем мы можем представить сейчас.

– Нет, ты увильнул. Если Франция и Россия. За кого?

– Франция – член НАТО, если что, набросится вся Европа, поэтому, ясное дело, за Россию.

– А что ты про квартиру говорил? – перевела разговор на другую тему Марина, – почему мы в ней не жили, когда были в Париже, а в отеле?

– Она в хорошем районе, но маленькая. Я ее сдаю. Если я захочу пожить в квартире, по договору с агентством обязан предупреждать о приезде за месяц. Люди, которые там живут, должны иметь время, чтобы найти новое жилье. У нас было всего два дня, зато жили мы в шикарном отеле.

В конце концов разговоры утомили Марину, она отправилась на место. Усталость взяла свое, она уснула, едва коснувшись головой подушки. Ночь прошла спокойно, никто не потревожил покой обитателей дома.

Рано утром ее разбудили громкие голоса. Оказалось, Леон пропал, его нигде не могут найти. Схватившись за телефон, Стас стал назначивать ему, телефон был не доступен, но в телефоне имелось голосовое сообщение: «Стас, не ищи меня, это мои долги, только

мне по ним платить. Твоя семья не должна пострадать, травма Мариной – на моей совести. Я виноват в случившемся, но не ожидал от них такой прыти. Это не твоя война. Джип я возьму, «гости» считают его моим. Все. Прощайте».

Запись закончилась, присутствующие переглянулись.

– Он, как перепелка, уводит врагов от гнезда, – Стас побледнел.

– Погибнет этот герой без толку, против четырех шансов у него нет, – сказал Сергей.

– Шансы у него есть, – возразил Стас, – но слишком малы. Столком. Он спасает мою семью.

Не успели они понять, что делать с пропажей Леона, как явились фээсбэшники. Их было трое, и Стас с сомнением посмотрел на молодцов, которые не представляют, с кем имеют дело. Сергей дал подробную информацию по вчерашней ситуации, рассказал последние новости. На вопрос, что теперь делать им, было сказано, что операция под контролем ведомства, и приказано не вмешиваться.

– Пусть себе дальше важничают, а мне нужно друга искать, ему помочь нужна. Может быть, еще не поздно, – вслед отбывшим сотрудникам сказал Стас.

– Я с тобой, – отозвался Сергей.

Стас покосился на него неодобрительно, но возражать не стал.

Марина осталась дома с детьми и гувернанткой. Катерина III, как ее звали в шутку, была для детей и нянькой, и гувернанткой, и учительницей. Управлялась с ними легко и непринужденно, а дети в свою очередь побаивались и любили ее. Катерина привела детей в сауну пожелать маме доброго утра. Она успела рассказать им, что мама попала в аварию и должна меньше двигаться, чтобы быстрее выздороветь. Дети смотрели на нее с испугом, потому что не привыкли видеть больной. Марина создала в их глазах образ мамы-феи, доброй волшебницы, которая появляется в жизни с подарками, веселыми затеями, сказками, мультиками, играми и сюрпризами. Мама-праздник. Такую роль она себе придумала, потому что не хватало физических и моральных сил на постоянное присутствие в их жизни, на будничные заботы. Хорошо, что Стас имел возможность облегчать

их, и она могла нанимать людей себе в помощь. Изящная, красиво одетая, благоухающая духами, она неожиданно появлялась в жизни детей, одаривала присутствием и так же неожиданно исчезала.

«Да, Марина Алексеевна, плохая из тебя мамаша получилась. Дети – очень энергозатратная работа. Я их люблю, за них жизнь отдам, но быть с ними постоянно не могу. Вступает в силу привычка, будни делают жизнь тусклой, я начинаю тяготиться всем вокруг. Этого они ни в коем разе не должны чувствовать. Дети – для радости, а не для мучений», – так частенько корила она себя за то, что мало уделяет им внимания и оправдывала любовью, которая искупаает все.

В этот день Марина детей от себя не отпустила. Ее угнетала тревога за мужа и Леона, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, затеяла с ними игру в театр. Они любили так развлекаться, брали любую сказку, немного переделывали на свой вкус, выбирали роли и разыгрывали сценки. Бывало, вместе на ходу сочиняли свою забавную историю. Когда времени было мало, разыгрывали этюды или изображали животных и предметы. Сегодня времени девать было некуда, и она решила поставить сказку «Колобок». Дети были привучены играть роли без костюмов и декораций, она считала, что это развивает фантазию. На «Колобке» решили шикануть: из подручных материалов сделали костюмы, приспособив все меховые вещи и ткани, что нашлись в доме, а Эрик и Галочка нарисовали декорации. Получился отменный спектакль, хоть выезжай на гастроли: с переделанными песнями и танцами. Настоящий мюзикл.

Стас появился поздно вечером. Дети спали, переполненные впечатлениями от разыгранного спектакля, который получился музыкальным и смешным. Дети и немногочисленные зрители очень веселились. Конец у сказки придумали забавный – лиса не захотела есть Колобка, потому что он за время путешествия по лесу стал совсем черствым.

Глянув на потемневшее лицо мужа, Марина не решилась спросить, что случилось, и так все понятно.

– Леонида больше нет? – не утерпела она через некоторое время.

– Да, – тяжело выдавил Стас, – эти твари его убили. Но он с ними успел посчитаться, двое отбегались. Двоих не успел, они с ним распра-

вились. В закрытом гробу придется хоронить, – он прервал рассказ и долго тяжело молчал.

Марина тоже молчала, не могла позволить себе заплакать, ее горе – ничто по сравнению с потерей Стаса. Так, погруженные в себя, они просидели долгое время, не осознавая этого.

Неожиданно Стас заговорил снова:

– Не знаю, Леон их выследил или они его поджидали, но врасплох застать не смогли. Он сумел выбраться из машины, в одного метнул нож, попал прямо в глаз, второго застрелил. Только силы были неравны. Двое оставшихся бандитов его добили. Стреляли так, что тело превратили в решето, потом издевались уже над трупом. На том месте такая бойня… Даже Серега, видавший виды опер, был в шоке, – Стас снова замолчал, опустил голову на руки.

Марина сидела рядом. Наконец решилась прервать молчание:

– Закончилось чем? Вы их нашли или успели улизнуть?

– Преступники погибли при задержании, можешь не беспокоиться, – коротко бросил он.

Она поняла: больше ничего не расскажет.

Продолжение истории она узнала от Сергея, потребовав рассказать, как все было.

– Так чего ты ко мне пристаешь, у мужа спроси, – отнекивался тот.

– Муж-муж. Не знаешь его? Наверняка геройствовал, разве он такое расскажет? Меня волновать не хочет, ты тоже не стал бы жене свои подвиги живописать, – наседала Марина. Сергей и Просто Мария поженились этой весной.

– Марии расписывать нечего, у нее почти все на глазах происходит, – возражал Серега. – Какие у нас подвиги, сериалов настроилась?

– С какого перепугу «на глазах»? Она в Следственном комитете, ты – в убойном, чего заливаешь, – не отставала она, – еще уговаривай его. Колись давай.

Сергей понял, что рассказать придется, и нехотя начал:

– Нашли их быстро. На джипе навигатор был установлен. От дома минут пятнадцать отъехали, наткнулись на вашу пустую ма-

шину, осторожно просочились в лес, недалече от дороги – три трупа. Кто кого выследил? Непонятно. Но Леон сумел двоих прикончить. А дальше не повезло, расстреляли его двое оставшиеся в живых.

– Да, мне Стас говорил, в одного нож метнул, другого застрелил, – поддакнула Марина.

– Раз все знаешь, зачем рассказывать? – Сергей нашел повод прерваться.

– Я только это и знаю. Не вредничай, говори, что дальше было? – спохватилась она.

– А что мне за это будет? – начал набивать цену Сергей.

– Неприкрытий шантаж – уголовно наказуемое деяние. Из хорошего отношения не можешь?

– Например, дружеский поцелуй меня бы здорово простимулировал.

– Я тебя потом поцелую. Если захочешь, – с угрозой в голосе произнесла Марина. – Совсем обалдел?

– Не надо мне «Теток Чарлея» цитировать. Как видишь, я знаю, откуда фраза. Пощутить нельзя? Или опять будешь ехидничать про выросший интеллектуальный уровень сыскарей? Откуда такое презрение? У нас с тобой, между прочим, образование одинаковое, – отповедь Сергея почти заставила Марину стушеваться, но она не потеряла самообладания.

– Хорошо, зря я тебя попросила, обойдусь без твоих рассказов, – Марина решительно поднялась и собралась покинуть комнату.

До Сергея дошло, что он перестарался:

– Ладно, слушай. Была слабая надежда, что полетят они самолетом, как прилетели. Раз дело сделали, постараются убраться из страны немедленно. Помчались мы в международный аэропорт в надежде, что они еще не успели улететь, обошли все стойки регистрации. Видимо, не их день был, повезло нам: засекли на вылете в Мюнхен. Еще пару минут – и ребятки пересекли бы границу. Стас отреагировал мгновенно. Подошел к пареньку в конце очереди, перехватил ручку чемодана на колесиках, тихо сказал: «Билет давай быстро и молчи!» И мне: «Объясни человеку, чтобы не возмущался, я сейчас все верну. Потом за мной двигай».

Приняв самый легкомысленный вид, насвистывая мелодию, подкатил в начало очереди и обратился на французском языке к симпатичной девушке, стоявшей прямо за бандитами: «Вы заняли на меня очередь, как мы договаривались?» Девушка недоуменно смотрела на неизвестного человека, который заговорил с ней на незнакомом языке, но не успела ответить. Один из бандитов обернулся, любопытствуя, получил удар в район кадыка, отключился и рухнул на пол. Второй, не успев сообразить, в чем дело, получил удар в район основания черепа и улегся рядом. Я подоспел, быстро надел на них наручники, показал онемевшим от неожиданности пассажирам удостоверение: «Господа, прошу спокойствия, убойный отдел, произведено задержание опасных преступников».

Операция заняла пару секунд. Бандитов мы препроводили в дежурную часть, пришлось ждать фээсбэшников, которых я вызвал, как только наручники защелкнул. Они еще не раскачались, операцию, видите ли, готовили. Прибыли, приняли террористов под белые руки, как пожарные, когда все сгорело. Еще бочку накатили, что посмели вмешаться. Я им объяснил, что у нас убой и мне фиолетово, какой они национальности, главное, задержали вовремя. Крыть было нечем, но начальству нашему нажаловались.

– Влетело? – спросила Марина.

– Не особо. Когда к себе вернулся, наш полковник наорал для порядку, но сам доволен был, что я умыл контору. Пригнали конторские спецназ свой, загрузили голубцов и отбыли. Мы следом тронулись, дорога-то одна. Я собрался было обогнать их автомобиль, но Стас не позволил, велел ехать за ними:

– Они не понимают, с кем имеют дело, я уверен, что наши «друзья» попытаются сбежать.

– Куда они денутся из закрытого автомобиля? На них наручники, они среди вооруженных людей. И зачем им бежать в чужой стране, им экстрадиция на родину светит, – пытался я возражать.

– Посмотрим. Я буду рад, если ошибаюсь, но, может быть, им на родину как раз нельзя. У них на родине вендетта процветает, кровников у них там должно быть полно.

Мы ехали в хвосте, как вдруг дверь микроавтобуса резко с грохотом откатилась. Два человека вылетели на обочину, как будто их выкинула чья-то сильная рука, и скатились в кювет. В руках у них были автоматы, видимо, отобрали у спецназовцев, тут же дали очередь по их авто. Микроавтобус затормозил, мы тоже, из него раздались автоматные очереди. Спецназ высыпал на дорогу, вышли и мы. Оказалось, бандиты сумели незаметно освободиться от наручников и использовали их как кастеты. Одновременно ударили по лицу сидящих у двери бойцов, те от боли и неожиданности позволили вырвать у себя автоматы. Воспользовались замешательством, откатили дверь и выпрыгнули на дорогу, но другие бойцы, что сидели дальше, вовремя опомнились. Обоих бандитов достали автоматные очереди. Пострадали несколько ребят, но все остались живы благодаря каскам и бронежилетам.

– Как я рада, что их добили, а то живи и думай, вдруг эти гангстеры вернутся. Хорошо, что вы по ним не стали стрелять, а то у вас бы кровники появились и проблемы с ФСБ, – заключила слушательница.

– Мы не успели, ребята быстро опомнились, а случись что, твой помчался бы за ними в погоню, потому и заставил меня плестись за машиной, – сказал Сергей. Марина покивала в знак согласия.

Марина находилась на верхнем этаже, который едва угадывался под крышей. Там располагалось огромное неразгороженное пространство, именуемое для простоты верандой. Оно было многофункциональным: библиотека, кинозал, зона отдыха, зимний сад, здесь же принимали гостей. Заканчивалось пространство большой открытой террасой, которую не было видно со стороны фасада. Зимой она огораживалась стеклянными окнами, практически стеклянной стеной, летом находилась под открытым небом.

Она стояла на своем любимом месте и рассеянно смотрела на закат, отсюда удобно было наблюдать закаты и рассветы. Она приходила на террасу каждый вечер, потому что открывался замечательный вид на реку. Дом разместился на месте плаца бывшего пионерского лагеря. Раньше здесь проводили линейки, поднимали и опускали флаг Советского Союза, потом России, а от плаца вела прямая аллея к зданию столовой, которое было совершенно разрушено временем и теперь снесено. За столовой до самой реки росли лиственные де-

ревья, их постарались сохранить. Крутой берег оборудовали двумя спиральными спусками на узкую полоску речного пляжа, а пляж засыпали чистым серовато-золотистым песком. Сквозь аллею виднелся противоположный пологий берег реки, можно было любоваться закатами и восходами. Они никогда не повторялись, каждый день шоу, которое показывало солнце, дарило новые краски, новые виды. Сегодня закат выдался поразительным: небо на западе было покрыто редкими перьевыми тучами, через которые еще проглядывало солнце, освещая их потусторонним красновато-черным светом, что навевало тревожное и торжественное настроение. Казалось, там наверху хромой Гефест кует для воинственных богов волшебные мечи. Вспышки зарниц усиливали впечатление и почти совпадали с отдаленными раскатами грома – вдалеке бушевала гроза, но до них пока не докатилась.

Неожиданно руки мужа обняли за талию, и он прошептал на ухо:

– По метелочке заскучала? Куда намылилась?
– Это ты меня ведьмой обозвал? – удивилась Марина.

– Почему обозвал, это комплиментище, я обожаю ведьмов, – он прикоснулся губами к нежной коже щеки. – Задумываешься часто, витаешь в облаках, значит, скоро сорвешься в полет – верная примета.

– Как только почувствовал? Я думаю, давно дома не была. Ты меня отпустишь?

– Разве тебя удержишь, – глухо отозвался Стас, – лети куда хочешь, только возвращайся. И тихо на ухо спел:

Он не спал, пил на кухне горький чай
В час, когда она летала по ночам,
А потом поутру она клялась,
Что вчера это был последний раз...
А он боялся, что когда-нибудь под полной луной
Она забудет дорогу домой...

– Неужели ты думаешь, что я могу не вернуться? – спросила огорченно, сердце ее сжалось. – Я люблю наш дом, детей и тебя, но не могу долго на одном месте, с детства лягушка-путешественница, так меня бабушка называла.

4

Марина открыла дверь своим ключом и, оставив чемодан у порога, прошла вглубь квартиры. У нее возникло ощущение, что квартира обитаема, как будто люди живут здесь и только недолго покинули ее. Она провела пальцем по ключнице – даже пыли не было. Заглянула в гостиную и комнату родителей, открыла окна. Ворвался свежий летний ветер, принес с собой запахи только что постриженной травы, цветущих кустов жасмина и бензина. Получив свободу, ветер носился по квартире, радостно полоскал занавесками, надувая их словно паруса. Марина прошла в свою крошечную комнатку, там все было так, как она оставила, даже книжка, которую читала, ожидая такси в аэропорт по-прежнему лежала на письменном столе. Она на автомате взяла ее и поставила в книжный шкаф. Ласково провела рукой по корешкам книг, как будто здороваясь, подольше задержалась на своих.

«Да, Марина Алексеевна, папа был бы счастлив. Ему нравилось мной гордиться. Мама, наоборот, стыдится моих книг, считает их бульварными романами. Она навсегда разочаровалась во мне, когда я родилась непохожей на нее. Мама – редкая красавица, очень хотела сына, всегда говорила про меня: «Третий сорт – не брак». Если бы не папа, я бы выросла затурканной дурнушкой, но они с бабушкой всегда называли меня красавицей и счастьем. И рисовать я не умею, еще одно ее разочарование».

Марина усмехнулась, посмотрела на свой портрет, который мама нарисовала в детстве: «Симпатично вышло. Видимо, она по-своему любила меня и хотела добра, но детство было счастливым только благодаря папе и бабушке».

Она вышла в прихожую, устроилась с ногами на черном кожаном диване. Диван был старый и выглядел очень аристократично. Прислонилась головой к высокой спинке, закрыла глаза. Она очень тосковала по отцу и размечталась, что вернулась из очередной вылазки и ждет с работы родителей. Вот сейчас повернется ключ в замке и папа войдет в дверь. В этот самый момент ключ в замке действительно повернулся. Волосы у Марины зашевелились, а сердце, забыв сделать следующий удар, замерло. Открыла глаза и увидела вошедшую в квартиру Леру.

– Ужас что такое! – воскликнула Марина. – Я чуть инфаркт не схватила!

– Ты откуда взялась? – возмущенно-радостно заголосила в ответ Лера. – Почему не сообщила, что прилетишь сегодня? Я тебя позже ждала.

Они обнялись и начали тискать друг друга в объятиях.

– Зачем сообщать, сама добралась, я домой приехала, зачем вас напрасно дергать. А ты чего тут забыла?

– Зашла проверить, все ли в порядке, чтобы отчий дом встретил чистотой и уютом, – пояснила Лера, – соседская девчонка каждую неделю уборку делает, но контроль еще никому не повредил.

На следующее утро подруги отправились на рынок, чтобы загрузить холодильник. Марина собиралась пожить дома не меньше недели. Назавтра запланирована дружеская вечеринка с Павлом, его женой Ксю и Лерой с мужем. Она любила рынки и базары, в любом городе прежде всего стремилась попасть на базар, считала, что почувствовать душу города и его жителей лучше всего именно здесь. Ароматы, цвета, вкусы, зазывные крики продавцов, общение, азарт торга, все привлекало и сулило интересное времяпрепровождение. Именно на рынке она начинала жалеть, что не умеет рисовать. Как было бы здорово перенести на бумагу пиршество форм и красок. Рынок родного города – праздник детства. Бабушка брала с собой, и Марина на всю катушку пользовалась ее добротой, умудряясь выыганить массу вкусностей. Воспоминания одолели, и она машинально брела за Лерой, не вникая в ее болтовню, погруженная в ощущения. Вдруг показалось, что она слышит знакомый голос, который не думала здесь услышать. Повернула голову в его направлении и в соседнем торговом ряду увидела крупную фигуру бывшей соседки по даче.

Лера в это время неслась вдоль прилавков, оживленно разговаривая с подругой, но не получив в очередной раз ответа, оглянулась. Рядом никого не было, и Лера застыла на полуслове, ища глазами неожиданно исчезнувшую спутницу. Покрутив головой, увидела, как Марина с радостными восклицаниями бросается к незнакомой женщине.

– Теть Зоя, ты откуда здесь? – услышала Лера возглас, адресованный высокой крепкой женщине, чуть более шестидесяти лет, которая

смотрела на нее с испугом, как будто увидела привидение, и даже делала отстраняющее движение рукой.

– Сама-то откуда взялась? – неожиданно ослабевшим голосом спрашивала всегда громогласная Зоя.

Лера вспомнила, точнее, предположила, что это дачная соседка Мариной, которую она видела на ее свадьбе. Не в правилах Леры было стоять в сторонке. Она тоже подскочила к Зое и начала радостно трясти ее руку. Ошарашенная Зоя молчала и смотрела на Марину, которой здесь быть не должно, и на радующуюся встрече незнакомую женщину.

Наконец командирская натура взяла верх, и Зоя громко сказала:

– Ша, девки, совсем вы меня с ума свели. Похоже, торговли нынче не будет, надо бы присесть где-нибудь да потолковать спокойно, ведь столько лет тебя не видела, – обратилась она к Марине.

– Чего приседать, поехали ко мне, ты у меня никогда в гостях не бывала, – отозвалась она радостно.

Торговлю Зоя свернула, отдав товар подружкам, несмотря на их протесты, как вклад в намечающееся застолье. Придирчиво оглядела трехкомнатную квартиру, просторную кухню с большим круглым столом и камином, который бы украшен изразцами.

– Хорошая квартира, – одобрительно подвела итог ревизии, – продавать будешь?

– Пока не собираюсь, и мама не хочет, у нас долевая собственность, – отозвалась хозяйка, – тут мой дом, здесь до сих пор папино присутствие, камин этот сам изразцами отделял, здесь все его руками сделано.

Через некоторое время они сидели за столом на кухне. Стол собрали быстро, не обошлось без спиртного. Сама Зоя почти не употребляла, но застолья без рюмочки не представляла и всегда служила катализатором процесса. Разговор велся обо всем и сразу.

Зоя рассказывала про сына Ивана, который вышел в отставку и живет теперь рядом с ней в бывшем доме Мариной:

– Заборчик между домами мы убрали, дорожку Иван вымостили, летнюю кухню твою злосчастную снесли, там беседка теперь с мангалом и печкой.

– А яблоню мою любимую не спилили? – спрашивала она.

– Жива твоя яблоня, только старая она, Иван рядом молодое деревце выращивает, на смену. Женился он. Наша деревенская, учительницей работает в соседнем селе, и Иван там теперь ведет уроки, ОБЖ какое-то, про жизнь. У нее дочка десяти лет и внука мне родили! – радостно воскликнула Зоя. – Ох! Весело у нас теперь, два года внуку. Что это я все о себе. Мариночка, расскажи, сама как? Ведь ничего про тебя не знаю почитай столько лет.

– Нормально живет, – встремляла Лера, которой наскучило молчать, – муж богатый, любит ее без памяти, все капризы выполняет...

– Быть капризной в руках заботливого мужчины – это счастье, – глубокомысленно изрекла Зоя. – Муж, говоришь, богатый? И как оно там, в богачестве, живется?

– Скажешь тоже, теть Зоя, – отозвалась Марина, – какое такое богачество, бюджетов не пилит, чужого не отнимает, своим умом зарабатывает.

– Что ты меня все теть да теть? Зови просто по имени, – поправила Зоя, – не такая я старая, чтоб навеличивать.

– Хорошо, если хочешь, – согласилась Марина. – Вовсе я не капитанша, это Лерка сочиняет. Заботливый, правда, и любит. На жизнь хватает, мне брильянтов, одежды брендовой и прочей фигни не надо. Терпеть понты не могу. Не в богатстве дело, я бы с ним жила в любом шалаше, честное слово, в любом захолустье. Но богатство – это приятно, мы большой дом построили, детям места много надо.

– Стало быть, с новым мужем детки у тебя появились? – обратилась Зоя. – Один, двое?

– Не-а, – протянула озорно Марина, – шестеро.

– Бог ты мой! – всплеснула руками Зоя. – Когда умудрилась-то?!

– Слушайте вы ее, – засмеялась Лера и вкратце объяснила про приемных детей и про двойню. – Так что два раза Маринка в роддом ездила, – заключила она, – а стала матерью-героиней, я же говорю: везунчик!

Они еще долго болтали о событиях, произошедших за время, что они не виделись, рассматривали фотографии, которых было полно в смартфоне. Зоя всплескивала руками, восторгаясь детьми, мужем,

домом, а особенно огородом и небольшой фермой. Марина завела хозяйство, когда дом только строился, для того чтобы кормить детей полезной едой. Часть продуктов, которые не съедались домашними, отправлялись в ее чешский ресторан.

– Зоя, вы представляете, у нее – целый зоопарк! – опять встремляла Лера. – Овцы, козы, кролики, коровы, индейки, перепелки, гуси, утки. Да еще разных пород. А какие лошади! Она не устает меня поражать, как только умудряется все организовать. Быстро. Буквально на пустом месте! – рассказывала Лера, искренне восхищаясь успехами подруги. – Ведь никогда не занималась сельским хозяйством.

– Брось, засмущала меня похвалами, – прервала Марина. – Ничего особенного знать не надо, главное, найти правильных людей, они все сделают.

– Ах ты моя Екатерина Вторая! – съехидничала Лера. – Она умеет находить нужных людей, вот в чем секрет.

– Молодец, девочка, – серьезно похвалила Зоя, – это главное в жизни – найти свое дело.

– Знали бы, как трудно теперь с хорошими специалистами. Наше поколение выросло бездельниками, а молодые совсем ничего знать и уметь не хотят. Зато все поголовно заняты «саморазвитием»: сядут в позу «лотоса» и медитируют, чтобы красивый дом на берегу океана и «стотыщи миллиона».

– Узнаю твоё «стотыщи миллиона»! – смеясь, воскликнула Лера. – Ты еще в школе так говорила.

– Говорила, – подтвердила Марина, – шутка юмора. А без шуток: запросы гигантские, на выходе – пшик. Я недавно повара в ресторан искала, приходит перец молодой: «Подайте мне зарплату сто тысяч», а сам яйцо-пашот сварить не умеет. И не один такой. Учиться не хотят: «Вы сначала дайте, а я потом буду посмотреть, осчастливить вас собой или нет».

– Что, не нашла? – спросила Зоя.

– Найти нашла, речь о тенденции.

Невольно погрустнели, и разговор сам собой свернул в сторону криминальных злоключений, которые сыпались на хозяйку как из рога изобилия. И хотя рассказывала она вкратце, пересыпая истории

изрядным количеством хохмочек, Зоя то и дело всплескивала руками и качала головой. Историю про ликвидацию иностранных террористов изрядно уставшим гостям Марина заканчивала скороговоркой.

– Твое человеколюбие в этом вопросе широко известно, – хмыкнула Лера, вспомнив свою детективную историю.

– Да уж, у тебя не жизнь, а сплошной детективный роман: слева – трупы, справа – кровь, а посередине – любовь, – жалостливо протянула Зоя.

Подруги прыснули от смеха:

– Зоя, вы настоящий кладезь остроумия, – восхитилась Лера.

– Не мной придумано, – отказалась от лавров Зоя, – но в точности про тебя. Ты бы, Мариночка, в церковь сходила, тревожно мне, не доведут тебя до добра твои детективы. Почитай с больше десятка трупов я насчитала.

– Ты мне Леркино дело не шей, я в нем не задействована. А сколько там трупов, сколько детей погибло, сложно было установить. Фигурант один остался, вот и постарался скрыть, что смог.

– Как не задействована?! – запротестовала Лера. – Если бы не ты, меня бы вообще не было. До тебя я блуждала на дне глубокого оврага, вокруг – туман серый, наверху голоса слышны, а я выбраться не могу, кричать не могу, брожу в отчаянии. Временами адская боль головная накатывала, тогда серое марево становилось багровым. И никакого света я не видела, не встречала никого. Одна-одинешенька. Страшно. Вдруг голос твой, он звал меня, я поняла, что не одна, меня наверху ищут и спасут. И спасли. А кто меня в Иркутск вывез, ведь добили бы.

– Много народу в твоем спасении участвовало, даже московские сыщики. Смотрю, утомила я вас своими детективами? – спросила у гостей Марина. – Вижу-вижу. Так сложилось, но в моей жизни сплошной драйв. С тех пор, Зоя, как мы с тобой нашли Макса на даче, меня в жизни преследует криминал.

– Нет, Маринушка, не утомила, я прям заслушалась, – ответила Зоя, – будто несколько детективов зараз прочитала, кабы не с тобой это происходило, дюже бы интересно, а так тебя жалко. Давайте выпьем, чтобы Мариночкины приключения на этом закончились. Ее и так потрепало, страх какой, особенно про ментов-оборотней.

Они выпили по рюмочке, и Марина сказала:

– Ладно вам, хватит меня жалеть, давайте я вам смешную историю расскажу на закуску. Мы со Стасом прожили с полгода, зимой он по делам уехал в Вену. У него там сын и фирма, периодически туда мотается. Я осталась дома и однажды днем услышала, как в замке поворачивается ключ. Решила: это Клавдия, наша, точнее его, домоправительница, пришла или Стас вернулся. Выхожу в прихожую и вижу, что в квартиру вкатывается девица с чемоданом на колесиках. Каблуки сантиметров пятнадцать, роскошное манто, белобрысые длинные волосы. Этакая нимфа. Меня увидела и заявляет: «Стас Клавдию заменил? Она и его достала? Вот хорошо. Что столбом встала? Шубу прими». И скидывает шубу с плеч.

Я стою соображаю, что за явление Христа народу. Шуба, естественно, на пол падает. Девица как заверещит: «Ты, косорукая, сдурали совсем?! Шуба дороже этой халупы стоит! Чего столбом стоишь, деревня, подними».

«Воровка с чемоданом вкатилась, чтобы квартиру обчистить, или родня дальняя, про которую не знаю», – соображаю про себя и спрашиваю: «Сама кто такая?» – «Я девушка Стаса», – эта мымрень мне отвечает. «Какая такая девушка, когда я жена?» Недолго думая, набираю полицию, говорю адрес и в двух словах: «Пришли наряд, к нам в дом воровка пожаловала, я дома одна, муж в командировке, постараюсь ее задержать». Белобрысая опять верещит: «Это я воровка?! Неизвестно, что ты за жена, нет у него никакой жены!»

Пришлось достать из сумочки электрошокер, Стас просит с собой носить. Показала ей и выразила огромное желание применить, если она с дивана, на который плюхнулась, хоть на сантиметр сдвигнется. Наряд прибыл минут через десять, у нас в соседнем дворе отделение полиции. Стали разбираться, документы проверили у нее и у меня. Я Стасу позвонила, фото ее послала, и он попросил полицейских эту дамочку отпустить. Оказалось, у него с этой фифой был роман задолго до нашей встречи. Она в Европу уехала и вдруг с какого-то испуга решила вернуться. Сюрприз, короче. Полицейские посмеялись, ключи у нее отобрали и выставили. Я заявление писать не стала, а потом пожалела, незаконное проникновение в чужое жи-

лище, присела бы ненадолго. Скорее всего, она про жену знала и решила провокацию устроить из вредности и разочарования. Веселые казусы со мной тоже случаются, – заключила Марина.

– Смешно, прямо обхочешься, – откликнулась Лера, – ты мне не рассказывала такую историю.

На этом посиделки сошли на нет. Вечерело, Зоя засобиралась в деревню. Простились тепло, понимая, что вряд ли больше встретятся.

5

Марина проснулась рано. Солнечное утро, прохладный душ, любимый старый халатик из натурального шелка и легкий завтрак привели в бодрое настроение. Она сварила кофе, налила напиток в тонкую фарфоровую чашечку. Задумчиво полюбовавшись густой коричневой пенкой и вдохнув аромат, круживший голову, вышла на балкон. Рассматривала знакомый с детства двор и с грустью отмечала изменения, которые в нем произошли. Вон там, в углу двора, в детстве была устроена деревянная сцена с лавочками для зрителей. Она вздохнула, с грустью вспомнив, сколько было выступлений на ее первых подмостках. Здесь она впервые познала вкус аплодисментов. Теперь на этом месте площадка со спортивными снарядами, а сцену давно разломали. Хорошо, что во дворе устроена подземная парковка прямо под бывшей площадкой, это позволило разбить небольшой сквер. Старые тополя, что росли во дворе, спилили, посадив взамен яблони и рябины, которые успели превратиться в большие деревья. Марина перегнулась через перила и посмотрела на кусты жасмина у подъезда. Их было четыре. Неделю назад они еще цвели и были похожи на невест, закутавшихся в белоснежную пышную фату, что стоят возле дверей загса, терпеливо ожидая своей очереди. Сегодня нежные цветы с кустов полностью облетели, усеяв землю белоснежными лепестками.

– Здесь выпал снег, // и я понять не в силах, // где сливы цвет, где снега белизна, – вслух процитировала Марина несколько строк японского поэта, имя которого забыла, затем посмотрела в чашку.

Забытый кофе остыл и неприятно горчил. Она вернулась на кухню, открыла холодильник и положила в чашку ложечку мороженого,

придирчиво рассматривая, как белый шарик плавает на поверхности, не желая растворяться, и только тонкие белые струйки показывали, что кофе исподволь берет над ним верх. Она залпом выпила кофе, доела полужидкое мороженое и, сполоснув, повесила чашку на специальный крючок. Неожиданно настроение изменилось, пришла простая мысль, что той девочки, которая жила здесь раньше, и ее прежней семьи больше нет, а в этой квартире обитают только тени. Жизнь изменилась, двор изменился, друзья изменились и не живут больше в этом дворе. Никогда больше не встретит ее во дворе Юрка, который живет теперь в Иркутске, и погибшая Аленка, и даже Лера больше не обитает в их подъезде.

«Хороший у Леры дом получился, недаром Аркадий архитектор. Такой необычный, на яхту смахивает, – Марина вздохнула. – Два дня в гостях у Леры – это подарок. Интересно, как они умудрились получить разрешение на строительство в таком месте заповедном: на берегу реки, прямо среди песка и сосен. Очень круто вышло».

Она медленно опустилась на стул и уткнулась лбом в скрещенные на столе руки. Настроение испортилось окончательно. Вспомнила, как они вдрызг разругались с Пашкой, так что Лере и Ксю буквально пришлось их растаскивать. Хотя именно Лера стала невольной зчинщицей ссоры, вскользь упомянув про последнее приключение, чего сама Марина делать категорически не собиралась. Услышав историю про иностранных бандитов и сломанные ребра, Павел начать орать, что она вечно сует нос куда не просят, что она непременно допрыгается, сломав себе однажды и голову.

«Господи, – простонала Марина, – сколько мы наговорили в запале ссоры, сторяча! Это непростительно».

Ее понесло после Пашкиных нападок на Стаса, когда он узнал, что тот служил в Легионе. Шпионом называл и высказал предположение, «откуда у денег ноги растут».

– Сам ты шпион, он патриот больше, чем ты, – горячилась она, – а деньги своим умом зарабатывает. И тебе никто не мешает, иди в адвокаты, к примеру.

– Чтобы я, сыскарь, пошел в адвокаты отмазывать преступников, которых мои друзья поймали? – Павел от возмущения покрылся красными пятнами. – Ты совсем сбрендила?

– Ничего страшного, они все равно не настоящих преступников ловят, а тех, кто под руку попался. Чем сажать безвинных людей, лучше защищать виноватых, – высказалась она в пылу спора.

«С какого испуга я это несла? Не будет он защищать виновных, и я не буду, для красного словца ляпнула, – помотала головой, – нет, Пашка тоже наговорил лишнего. – Посидела немного и вновь обратилась к себе: – Марина Алексеевна, что ты тут торчишь, кому нужна и кто тебе по большому счету нужен? А дома семья скучает, ждут тебя, попрыгушку».

Она открыла планшет, заказала билет на самолет и с облегчением выдохнула: «Все, хватит с меня, погостила. Завтра лечу обратно».

Марина привыкла ездить без нежностей вроде проводов и встреч, но вдруг поняла, что очень хочет завтра в аэропорту увидеть мужа. Она набрала его номер и попросила встретить ее.

На следующее утро она подкатила к зданию аэропорта и возле входа в зал вылета неожиданно столкнулась с Пашкой.

– Ты куда летишь? – поинтересовалась удивленно.

– Никуда. Мучаюсь. Мы так недружелюбно расстались. Узнал у Леры, что сегодня улетаешь, решил проводить, – немного смущенно объяснил он.

Павел был прямым, жестким человеком, не склонным к сантиментам, и Марина была тронута его желанием косвенно попросить прощения и попрощаться, несмотря на разногласия.

– Я так рада видеть тебя! Меня тоже мучил мой несправедливый наезд, думала, ты меня не простишь. – И она радостно обняла друга в порыве примирения.

А всего через несколько часов она радостно бросилась на шею мужу, удивив его: сантименты не в ее характере, что он и высказал.

– То, что я просто соскучилась, подумать нельзя?

Ожидание радостной встречи не оправдались, Марина изо всех сил сдерживала раздражение. Автомобиль въехал в город, и она решила заскочить на квартиру:

– Если сейчас приедем домой, до ночи будем с детьми возиться, вдвоем побывать не удастся.

Ее предложение Стас поддержал с большим энтузиазмом. Романтическая часть свидания растопила лед, который тонкой корочкой

недовольства начал затягивать незамутненную гладь их отношений. Обоих потянуло на задушевные разговоры.

– Как жаль, мы почти перестали общаться, перебрасываемся парой фраз за день. Ты постоянно занят, на меня времени не остается, – говорила Марина.

– Не думал, что тебе это нужно. Ты самодостаточная, как сейчас любят выражаться, и тоже все время занята.

– Придумываю я себе занятия, чтобы ты не занимал в моей жизни слишком много места. Видишь ли, я всю сознательную жизнь борюсь с зависимостями. Избавилась практически от всех. Пока от тяги к перемене мест не могу избавиться. Перемещения в пространстве – простой способ сбежать от себя. Беда в том, что куда бы ни поехал, повсюду ташишь себя за собой, – она запнулась, признавая: – Ты тоже моя зависимость.

– И ты пытаешься от меня избавиться? – спросил шутливо Стас, но за шуткой Марина услышала горечь. – Мне кажется, любовь – это жажда зависимости, а не свободы, – продолжил он. – Надеюсь, не станешь спорить. Если любишь, хочешь все время быть рядом с предметом любви. И откуда у тебя зависимости, от которых нужно было избавляться? Ты такая правильная девочка.

– Мы с Юркой были еще те деятели: не вылезали изочных клубов и вечеринок, курили, пили все что горит, анашу курили, дрались. В милицию попадали, несколько раз чуть из института не отчислили. Декан нас любил, и учились хорошо. Пронесло. Юрка меня называл адреналиновой наркоманкой, все время на подвиги тянуло. Потому Пашка на меня до сих пор орет, помнит, что за фрукт я была. Но когда осознала, что не могу без этого обходиться, стала бороться. Вот! Я Стрелец, птица вольная, а любая зависимость, как кандалы, лишает свободы, – победно заключила она.

– Ничего себе! Я не подозревал, какие бездны таятся в моей жене! – воскликнул Стас. – Адреналин в тебе до сих пор кипищует, недаром к тебе криминальные истории липнут. Или ты к ним!

– Знаешь, это очень страшно – зависеть от любви, – продолжила Марина, пропустив его комментарий мимо ушей, – она имеет свойство уходить, и остается выжженная пустыня. Я Капитан Очевид-

ность, но ты тоже терял любовь, не надо объяснять, что это такое. Я хочу быть с тобой все время, но боюсь наскутить, вот и исчезаю.

– Зачем вообще любить, если изначально думать, что любовь закончится? Пока люди любят, они думают, что любовь вечна, иначе зачем все это?

Между разговорами Стас обмолвился, что сразу после ее отъезда в гости явилась мать. Сейчас она живет у них дома, проводит время с детьми.

Это удивило Марину:

– Чего она на Волге забыла летом, когда у нее море под боком? Сентиментальность не в характере матери, похоже, у нее размолвка со вторым мужем. – Она недовольно поморщилась, порадовавшись решению заехать в город.

Домой сразу расхотелось, но к вечеру все же пришлось ехать. Марину не ждали, потому ее появление было встречено бурей восторгов. Дети облепили маму со всех сторон, особенно усердствовали Дашка с Артемкой, которым не было еще двух лет и которые в последнее время гонялись за мамой. Ее порадовало, что радость не зависела от подарков, обычно привозимых из поездок. В этот раз она сорвалась внезапно и не успела ничего купить, кроме мелочей, приобретенных прямо в аэропорту. Высыпанный из пакета ворох блокнотов, ручек, дешевеньких сувенирчиков привел всех в восторг, и они весь вечер рылись в этой куче, выбирая понравившиеся вещички. Мама тоже была любезна. Постепенно настороженность Марины прошла, и вечер закончился благопристойно.

6

Утром Марина обнаружила на телефоне несколько десятков пропущенных звонков. Набрала Сергея, и на нее обрушилась изрядная порция ругани.

– Ты опять слиньяла? Приехать срочно придется! – возбужденно кричал в телефон Сергей.

– Чего разоряешься? Я вчера прилетела, – отозвалась она.

– Почему не отвечаешь? – резко спрашивал Сергей. – И Стас не отзываетсѧ.

– Я вчера телефон забыла включить после самолета, а у Стаса разрядился, – объяснила она. – Случилось что?

– Что? Еще спрашивает! В твоем ресторане зарезали повара.

– Ивана? – ужаснулась Марина.

– Су-шефа вашего. А улики указывают на Ивана. Его задержали.

– Черт! Вы совсем сдурали? Не может Иван никого убить!

– Поезжай в Следственный комитет, показания нужно дать, – закончил разговор Сергей.

Она сорвалась с места в карьер, бросив на ходу домашним, что едет в ресторан. Стас посмотрел подозрительно, но ничего не сказал, а ей не хотелось никого посвящать в криминальные новости.

«Какое криминальное божество я опять разбудила или обидела ненароком? Как долго это будет продолжаться и что теперь делать?» – думала она по пути.

Следователь, который вел дело, был недоволен ею, подозреваемыми, операми и, очевидно, самой жизнью. Она с ходу наткнулась на предвзятое отношение, даже грубость в свой адрес, когда попыталась усомниться в виновности Ивана. Основными уликами против него были отпечатки пальцев на ноже, которым убит су-шеф. Аргумент, чьи еще отпечатки могут быть на ноже повара, кроме его собственных, впечатления не произвел. Стало понятно, убийцу он искать не станет. Зачем, если есть подозреваемый.

Марина, сидя на лавке возле комитета, выбирала, кому позвонить: Сереге или мужу? Вспомнив, как он утром орал на нее, как будто она виновница происшествия, решительно набрала Стаса. Коротко объяснила ситуацию и попросила помочь от его адвоката. Ивана надо вызволять из заточения, мало того, что он ее друг, так и ресторан остался без персонала. Иван – в кутузке, Мирон убит, на работе остался только один молодой повар. Возможно, ресторан придется временно закрыть. Она созвонилась с управляющим и узнала, что пока работают на старых запасах. Выручало, что меню ресторана небольшое. Народ же повалил валом, всем любопытно посмотреть на место преступления, а если повезет, услышать ненароком интересное.

– Только такой рекламы нам не хватало, – огорченно поделилась она с управляющим. Он ответил, что никто не верит в виновность Ивана и все с нетерпением ждут его «из застенков».

Пока Марина ожидала адвоката, в голову лезли разные неприятные мысли: «И чего следаки моду взяли орать на меня? То Пашка, то Сергей теперь. Я им коза отпущения, что ли? А еще следак по делу. Представляю, как он с подозреваемыми разговаривает, если со мной был так груб. Пренеприятный тип. Поведение подозрительное, «заказуху» напоминает. Нынче модно убирать конкурентов руками служителей Фемиды. Правда, абсурдно убивать повара, подставляя под убийство другого, чтобы разорить конкурента. Такие дела делаются тоныше, без убийств обходятся. С другой стороны, что мешает воспользоваться подвернувшимся случаем. Версия сомнительная, мне никто не угрожал, в округе ресторанов нет, мой ресторанчик в этом месте никому не мешает. По крайней мере, явно. Ты, Марина Алексеевна, как всегда, фантазируешь, может быть, следователь просто хочет закрыть первого попавшегося под руку. Главное спихнуть, чтобы «висяка» не было».

Задумавшись, чуть не прозевала подъехавшего адвоката. Узнала машину и радостно бросилась к нему. Марина никогда не забывала, что он помог им выиграть дело по усыновлению детей, и сейчас надеялась на его помощь. Вместе с ним из машины вышел еще один господин. Адвокат представил его как чешского консула, который будет предъявлять следствию протест по поводу задержания чешского подданного. С собой ее не пригласили, а она не рискнула напрашиваться. Довольно долго маялась в неведении, казалось, что прошли часы, прежде чем из двери показались три человека. Марина бросилась к ним, целуя и тормоша Ивана и тряся руки обоим избавителям. Ее восторги умерили, сказав, что он теперь не обвиняемый, но подозреваемый, и отпущен под подписку о невыезде.

– Вы волшебник! – с восторгом глядя на адвоката, произнесла Марина.

– Что я? – отозвался он. – Ты бы видела, какое впечатление на следователя консул произвел. Но Ивана все равно бы пришлось отпустить. Сорок восемь часов прошли, улики – косвенные, в суд бесполезно идти, арест на таких шатких основаниях не утвердят. Результаты экспертизы подоспели более тщательные. Обнаружилось несоответствие между отпечатками пальцев, оставленных Иваном,

и нанесенным ударом, то есть убийца должен был держать нож иначе. Отпечатки оказались смазанными, значит, после Ивана нож брал другой человек, видимо, убийца, и он был в перчатках.

– Следователь понял, что за парня могут заступиться, и решил не рисковать, – сделала вывод Марина. – А дело теперь придется нам распутывать, он ничего делать не будет.

Она отвезла своего шефа домой, чтобы он мог отоспаться, отдохнуть от пережитого и завтра появиться в ресторане. А сама отправилась на работу, узнать, как обстоят дела, и на месте разобраться в случившемся.

Персонал встретил ее с тревогой, все боялись, что ресторан придется закрыть, и волновалась за судьбу Ивана. Она успокоила, сообщив, что шеф-повара отпустили под подписку о невыезде и завтра он обещал выйти на работу. В запасе имелись полуфабрикаты, которые заранее готовил шеф, но за два дня все запасы распроданы, так что возвращается он вовремя. Насчет су-шефа управляющий сообщил, что на примете есть парнишка, который раньше работал в другом ресторане поваром, сейчас сменил род деятельности, но готов вернуться в профессию. Посовещавшись, решили пригласить его и устроить негласный конкурс между ним и поваренком, который, по словам управляющего, хорошо проявил себя. Дальше пусть Иван решает, кого из них делать су-шефом. В конце концов, ему работать.

Потом управляющий повел осматривать место происшествия. Мирона убили в коридоре возле туалетной комнаты для посетителей. Коридор образовывал небольшой закуток, в котором помещалось огромное зеркало, где дамы могли привести себя в порядок в стороне от посторонних взглядов. Здесь сидящим на подоконнике с ножом в груди его и нашли. Удар он, похоже, не ожидал, потому что следов борьбы видно не было. Непонятно, что су-шеф тут делал. Для персонала имелась отдельная санитарная комната с душем совсем в другой стороне, рядом с кухней.

– Что он забыл в этом дамском уголке? – задумчиво высказалась Марина. – Он не опасался будущего убийцу, может быть, знал его. Записи с камер наблюдения надо просмотреть.

– Изъяли записи, – доложил управляющий.

– Какое они право имели? – возмущение вырвалось наружу гневным возгласом. – Вы должны были им копии сделать. Изъяли? Что-то мне подсказывает, обратно их не вернут, – она хмыкнула, – хотя камер на месте преступления все равно нет, а то было бы слишком просто. Ладно, обойдемся.

Она не стала рассказывать управляющему, что устанавливает миниатюрные камеры, презентованные мужем, по всему ресторану. Изображение выводилось на ее смартфон или ноутбук, и Марина всегда могла видеть все, что творится в ресторане в ее отсутствие. Камеры периодически переставлялись в места, которые ей казались более заслуживающими внимания. Персонал об этом не знал, удивляясь, как хозяйка всегда была в курсе дел и узнавала о разных косяках.

Вернувшись в свой небольшой кабинет, зашла в программу, нашла нужный день и примерное время преступления. Мельком попрыгав по помещениям и закоулкам ресторана, не нашла ничего, на чем стоило заострить внимание. Понятно, разбираться нужно детально и основательно, но в очередной раз огорчилась, что камеры не устанавливались в коридоре возле гардероба для посетителей. Кто бы мог подумать, что это может пригодиться, ведь следить за гостями не входило в ее планы. Она подумала, что нужно внимательно и детально просмотреть записи из кухни, может быть, удастся заметить, кто и когда брал нож. Еще решила, что нужно проанализировать страницу Мирона в социальных сетях, не мешало бы изучить страницы других сотрудников. Что это может дать, не знала, но действия требовали значительного времени, и для этого совсем не обязательно торчать в ресторане.

Марина вернулась домой поздно, когда ужин закончился. Детям пора было спать, и Катерина III уже увела их. За столом оставались только Стас и мама, ожидая ее. Марина так умоталась и изнервничалась за долгий день, что вяло ковыряла поджаренную на гриле рыбу и овощи. Есть совсем не хотелось, и она медленно жевала, не чувствуя вкуса еды. Из задумчивости вывел голос мамы, о существовании которой она ненадолго забыла.

– Ты чего сгорбилась? Спину держать надо, несмотря ни на что! Что у тебя случилось?

Марина вздрогнула и недовольно посмотрела на мать. Как она могла забыть о существовании такого раздражителя?

– Ничего не случилось, – отозвалась себе под нос, – су-шефа нового ищем на кухню.

– Тоже мне дело. Как домой съездила, что там? В квартире запустение?

– Почему запустение? Чисто. Каждую неделю уборка, я плачу девочке-студентке из соседнего подъезда. Съезди сама, отпуск же у тебя, – нехотя отозвалась Марина.

– Что я там забыла? В кои веки вырвалась с внуками повидаться, а ты хочешь, чтобы я быстрее съехала, – догадалась мама.

– Живи, кто против, но дом могла бы навестить, там все папиными руками сделано, он как будто до сих пор там живет. Да и на могилку его могла бы сходить, ты у него, наверное, с похорон не была.

– Что ты всю жизнь: «Папа, папа»! Люся Гурченко нашлась! Так у той отец хоть родной был! – раздраженно воскликнула мама и осеклась.

На веранде повисло тяжелое молчание. Мама даже прикрыла рот рукой и испуганно смотрела на дочь, а на нее было страшно смотреть. По лицу разливалась мертвенная бледность, через которую пробивались красные пятна. Марина молчала, подавляя желание запустить в мать тяжелой сахарницей, через несколько секунд резко выдохнула и повернулась к мужу:

– Стас, я тебя очень прошу, пусть эта женщина завтра уедет из нашего дома. Я не могу жить с ней под одной крышей. – Она встала, откинув ногой стул, и бросилась прочь.

Ошеломленный Стас остался сидеть за столом. Бежать за Мариной смысла не было. Он покрутил головой и укоризненно произнес:

– Ну вы даете, Елена Владимировна! Сказать такое Маринке! Вы же знаете, как она любит отца.

– Вырвалось сгоряча. Я не так хотела сообщить, теперь она ничего не станет слушать, – огорченно отозвалась мать.

– Так это правда? – изумился Стас. – Я думал, вы хотели ее разозлить.

Елена Владимировна тяжело вздохнула, открыла сумочку, достала аккуратно сложенный листок в мультифоре (так в Сибири называют прозрачный пакет для документов), протянула зятю:

– Читай.

Стас осторожно взял листок, развернул и прочитал, что согласно генетической экспертизе совпадение ДНК Марины и отца равно нулю.

А теща продолжила:

– Завтра мне придется уехать и поговорить с ней не удастся, тебе расскажу, сам решай, рассказывать жене или нет. У нас в городе было замечательное место – Дом ученых, там собирался цвет российской науки, а мы, студенты, просачивались туда правдами-неправдами. Молодая была, влюбилась в молодого, но уже женатого ученого. И он меня полюбил, но уйти из семьи не мог: ребенок был, и карьере могла эта история повредить, тогда такие времена были. Я забеременела, хотела избавиться от ребенка, он не позволил. В меня был влюблен другой молодой ученый, неженатый, предложил выйти за него замуж. Они даже друзья были с моей любовью, мы там все были друзья, все друг друга знали. От отчаяния выскочила за него, но полюбить так и не смогла... – Елена Владимировна помолчала, как будто раздумывая, говорить дальше или нет, потом решила продолжить рассказ: – Через некоторое время у него второй сын родился, а его пригласили в Москву. Но мы все равно не могли расстаться. Когда ездила в командировки, старались пересекаться в разных городах. Я всю жизнь его люблю. Он знал о дочери, интересовался ее жизнью, подарки передавал, я их от себя дарила. Алексей, муж мой, очень привязался к девочке, и она его любила ненормальной любовью. Так мы жили: Марина, муж, моя мать, а я отдельно, чужая в своей семье. Недавно у моего любимого умерла жена, он предложил соединить наши жизни. После траура мы поженимся. Я раздумывала, как рассказать деликатней, а сорвалась неожиданно. Что теперь будет? – Она подняла глаза на Стаса, но он только пожал плечами.

Марина наматывала круги по спальне. Несмотря на усталость, заснуть она даже не пыталась. Решиться поговорить с матерью, выяснить, что та имела в виду, не могла, боялась, что не сдержится и накинется на нее с кулаками.

«Нет, пусть лучше катится из моего дома от греха подальше. Змея! – снова вскипала Марина. – Все время нам с папой жизнь отравляла и после его смерти добавила яду. Не может простить нашей привязанности друг к другу».

Марина остановилась возле окна, прижалась пылающим лбом к прохладному стеклу. Не помнила, сколько времени такостояла, очнувшись, почувствовав крепкие объятия мужа. Всхлипнула, повернувшись лицом к нему, уткнувшись лбом в грудь.

– Она завтра уедет, не переживай! Приносит извинение за неуместные слова и сожалеет.

– Я думаю, – отозвалась Марина, – вдруг папа мне не родной. Тогда я буду любить его еще сильнее. Не каждый отец способен так любить собственного ребенка, а чужого – просто невозможно. Интересно, знал он об этом? Что воспитывал и любил чужого ребенка? Или был уверен, что я его родная дочь? А может быть, она со зла ляпнула? – с надеждой подняла глаза на мужа.

– Она случайно проболталаась, но это правда. И он знал. Елена Владимировна мне сейчас все рассказала, – начал Стас, но она не дала ему продолжить:

– Не хочу ничего знать, а про нее ничего не хочу больше слышать. Папа – мой герой! Или она рассчитывала, что я буду биться в истерике от такой новости и сразу папу разлюблю? – устало махнула рукой. – Оставим этот разговор. Пора спать. Завтра много дел, надо убийство раскрывать, потому что следователь ничего не хочет делать.

Она вкратце рассказала мужу про помощь адвоката при освобождении Ивана, как не повезло со следователем – равнодушным чиновником, которому лишь бы скорее закрыть дело. Попытку Стаса убедить не вмешиваться она оставила без внимания, а он не стал настаивать, зная, что только усилит рвение жены.

7

Утром Стас отправил Елену Владимировну в город, заказал билеты на рейс. Когда Марина проснулась, к ее радости, матери дома не было. Позавтракав и повозившись с детьми, она тихонько удалилась к себе «в будуар», так она называла комнату, примыкавшую к их

общей спальне. К Сергею она решила не обращаться. Помощи или информации о ходе следствия от него не дождешься, а нарываться на очередную порцию грубости не хотелось.

Плохо, что информации мало, особо анализировать нечего. Убит Мирон на территории, прилегающей к залу, то есть под подозрение автоматически попадают посетители ресторана. Это расширяет круг подозреваемых и на руку убийце. Она пришла к заключению, что разбираться с посетителями не под силу, пусть с этим возятся следственные органы. Посетители не слишком ее заботили, главное, разобраться со своими. Но убийство совершено ножом, которым пользовались только на кухне. Посторонний попасть туда не мог, даже официанты забирали готовые блюда на стойке и внутрь кухни не заходили. Марина никак не могла решить, это сделано для того, чтобы запутать следствие, или убийца действовал спонтанно, не обдумав последствия.

Подумав, поняла, что практически ничего не знает о людях, которые работают на нее. Какие отношения их связывали, в том числе вне работы, и связывали ли вообще? Хорошо, что в коллективе не было женщин, то есть любовные истории, изменения вряд ли возможны. Впрочем, одна женщина была, но уборщице Людмиле было за сорок, любовь к ней молодых коллег исключалась. Работница старательная, человек спокойный, миролюбивый, ни с кем не ссорилась, Марина готова была исключить ее из круга подозреваемых сразу. Зачем ей убивать парня, годившегося в сыновья? Невероятным казалось и то, что ребята затаили зло на су-шефа, так что готовы были его убить. Выходило, что убить некому, но Мирон все же мертв.

Вчера Марина успела переговорить с Иваном, но его информация мало помогла понять произошедшее: перед убийством су-шеф недолго отлучился. Сказал, что вернется скоро, но не было его минут двадцать. Иван начал сердится за долгое отсутствие, как вдруг услышал женский крик. На су-шефа одновременно наткнулись уборщица и посетительница ресторана. Ему не звонили, брать телефоны на рабочие места не разрешалось, из кухни их никто не вызывал. Оперативники нашли у Мирона записку в кармане: «Нужно увидеться по известному делу. Буду ждать возле зеркала в двенадцать часов».

Следователь велел Ивану написать такой текст из записи печатными буквами и отправил на почкерковедческую экспертизу.

«Значит, точно коллеги прихлопнули нашего су-шефа, кто из посетителей мог засунуть записку ему в карман. Хотя в карман ее засунул Мирон, а как получил, никто не знает. «Известное дело», может быть, Мирон занимался шантажом или, наоборот, шантажировали его. Но что за убийственные тайны могли скрывать или знать эти молодые люди? – размышляла Марина и не хотела верить в эту версию. – Возможно, любовные страсти кипели среди парней помимо работы. Су-шеф мог отбить девушку, соперник – отомстить. Мирон был симпатичным парнем, девицы заглядывались на него. Хотя чего гадать зря, нужно основательно просмотреть их социальные ленты».

Пришлось погрузиться в изучение популярных сетей. Всего в первую смену в ресторане работали восемь человек: шеф, су-шеф, повар, два официанта, уборщица, управляющий, охранник. Иван был исключен сразу, тем более что на камере видно: он находился на кухне во время убийства. Зачем держали в изоляторе, когда его невиновность сразу можно было установить. Но, видимо, смотреть записи – не барское дело, и следователь ждал заключения экспертов. По камерам Марина также исключила одного официанта, который был в зале и обслуживал клиентов. Сосредоточилась на остальных пяти сотрудниках. У Людмилы странички в сетях не было, что странно: женщина не старая и хотя бы в «Одноклассниках» могла засветиться. Нынче если человека нет в сетях, его просто нет. Пролистав ленты других членов коллектива, Марина не нашла ничего интересного или заслуживающего внимания. Обычные фоточки, афоризмы или анекдоты. Мирон, как она и предполагала, постоянно постил себя с разными симпатичными девицами, то есть был вполне сложившимся ловеласом. Единственное, что настораживало: перерыв в ведении соцсети. Может быть, парень серьезно влюбился, ему стало не до страничек в соцсетях или появилась замужняя дама, которую нельзя засвечивать.

«Почему, Марина Алексеевна, эта версия раньше в голову не приходила? – спросила она. – Его мог найти и грохнуть обманутый ревнивый муж. Это объясняет, почему он уехал из Ярославля. Только

опять непонятно, зачем Мирону Нижний? Если уезжать, так сразу в Москву. Прятаться лучше в большом городе. Может, я, как всегда, фантазирую, и не прятался он ни от кого, – она вздохнула, – придумать можно что угодно, фактов нет. Где их добыть, откуда? В Ярославль, может быть, съездить? Родные и знакомые наверняка многое знают. А пока надо Стаса попросить посмотреть, удалял ли парень инфу со своей страницы или нет, а если удалял, то восстановить. Недаром говорят, что из интернета ничего не исчезает. Заодно про Людмилу пусть посмотрит, может, и у нее была страничка, но удалена».

Обрадованная, что хоть какая-то идея пришла в голову, она отправилась обедать и заодно попросила мужа помочь с соцсетями.

Марина провела полдня за компьютером, что считала вредным для здоровья, поэтому после обеда отправилась с детьми на ферму. На самом краю их «поместья» находился участок, где содержались разные животные. Это были коровы мясных и молочных пород, козы, овцы, куры, индейки, гуси, кролики и прочие «зверики», как называли их дети. Она завела эту ферму давно, когда дом еще строился, для того чтобы кормить семью нормальной едой. Только свиней закупала в деревне, потому что для ресторана нужно было много свинины. Она купила породистых поросят, раздала деревенским жителям, которые их откармливали. Крестьяне рассчитывались с долгом за поросят мясом, и это было выгодно обеим сторонам.

Рядом с фермой был разбит большой огород, растения шли на еду людям и служили кормом животным, то, что не съедала семья, отправлялось в ресторан. Галочка, Юрочка и Антошка выбрали себе подшефное животное, за которое отвечали. Они кормили, наливали воду, чистили клетки. Марина внушала детям, что животные полностью зависят от них, и если не накормить зверика, он умрет от голода. Так она пыталась воспитать в них любовь к живым существам и ответственность за чужую жизнь. Антошку, которому пошел уже четвертый год, выбрал пушистого кролика, которого называл «зайчик», Галочка – маленького кудрявого ягненка, а Юрочка подружился с гусем. Причем он так привязался к мальчишке, что ходил за ним по пятам, даже позволял играть с гусятами, а гуси ревностно охраняют потомство и более ответственного родителя найти трудно. По утрам,

часов в пять, он умудрялся ускользнуть из вольера, появлялся под окнами Юрочки, гоготал и хлопал крыльями, вызывая того на улицу, и будил весь дом. Все удивлялись этой странной дружбе, а Марина прочитала в книжке, что с гусями и не такие привязанности случаются.

У нее среди звериков тоже нашлась подружка. Не домашнее животное, а вполне вольное, почти дикое. В парке еще в бытность существования пионерского лагеря развелось много белок. Они продолжали здесь жить и приводили детей в восторг. Белки были практически ручные и выпрашивали еду у всех подряд. Марина добиралась до фермы на электросамокате, потому что быстрым шагом идти было с полчаса. Но в одно летнее утро ей захотелось прогуляться. Идя по тропинке, она заметила на высоком пеньке рыже-серую белку. Правившись с ней, увидела, что белка сложила лапки перед грудью и протягивает их, умоляюще заглядывая в глаза. Марина поняла, что у нее просят еду. Она машинально сунула руку в карман летнего сарафана, зная, что еды с собой нет, но с удивлением обнаружила несколько семечек и протянула одну семечку белке. Та взяла и, держа обеими лапками, освободила от шелухи. Достала зернышко и съела, потом протянула лапки к Марине, ухватила ладонь и потрясла, как будто благодарила. Скорчив белке все семечки, что были в кармане, она заслужила «вечную» дружбу зверька. С тех пор, отправляясь на ферму, останавливалась возле пня, если белки не было, по-беличьи цокала языком, и та появлялась. Больше всего смешала эта странная привычка зверька благодарить за еду. Каждый раз она обхватывала обеими лапками ладонь и тряслась ее, как обычно делают друзья при встрече. Когда у Марине было время, она присаживалась на траву возле пенька, а белка перебиралась на ветку повыше и начинала тихонечко что-то цокотать. При этом на мордочке зверька появлялось заговорщическое выражение, как будто она рассказывала разные лесные тайны. Потом белка замолкала и смотрела на Марину, ожидая, что та расскажет в ответ. Слушала зверушка внимательно и сочувственно, как будто понимая, а Марина, по привычке обращаясь к себе, мысленно крутила пальцем у виска: «Ты, Марина Алексеевна, уже с белками разговариваешь, этак недолго и в психушку угодить».

Время, проведенное на ферме, было лучшим антидепрессантом, домой она вернулась отдохнувшая и полная сил. К этому времени Стас восстановил странички в сетях, чтобы она могла работать дальше. Но рыскать по сетям надоело, она решила внимательнее просмотреть записи с камер не только в день убийства. Ей пришло в голову, что нож мог пропасть не в этот печальный день, а за день или еще раньше. Вздохнув, она принялась смотреть записи, проторчала у экрана до самого вечера, но зря. Ничего интересного увидеть в записях не удалось. Ножей на кухне водилась целая прорва, кто их брал, куда они перемещались, понять было сложно. Безрезультатно прошел первый день. За ужином Стас поинтересовался успехами в расследовании, помогли ли восстановленные материалы. Она ответила, что еще не притрагивалась, просматривала записи с камер и только потеряла время.

– Давай я завтра с утра посмотрю, – предложил муж, – у меня внимание лучше твоего.

– Да что ж такое! – воскликнула Марина. – Все только и делают, что критикуют меня.

– Я? – удивился Стас. – С чего ты взяла? Кто из нас в спецназе служил? Внимание к деталям – это наше все! Однако тебе Серега здорово самомнение уронил.

– Не дождешься, – проворчала она, – а с Сергеем твоим я больше не дружу, нечего на меня орать. От помохи не откажусь, спасибо. Я тогда завтра с удаленных страничек начну.

– Это правильно, что раздружила, он хоть и женился, все равно бабник, от таких типов замужней женщине лучше держаться подальше.

Марина с утра нырнула в интернет, просмотрела удаленную часть странички Мирона в соцсети и не нашла ничего интересного. На снимках была симпатичная молоденькая девушка, выглядели оба счастливыми. Постепенно фотографии с ней становились реже, пока не исчезли совсем, а на фото появилась другая девица. Ничего странного в этом не было. У Мирона одна девушка больше пары месяцев не задерживалась.

«Зачем же он тебя удалил? – размышляла она, обращаясь к фотографии девушки. – Ничего особенного или компрометирующего

в удаленных постах нет. Может быть, так надоела, что он больше видеть ее фоток не мог? Надо попросить Стаса поставить программу распознавания лиц, где-нибудь она могла еще засветиться».

Она помчалась в кабинет мужа, но он отказался ставить ей программу, сославшись на то, что ее ноутбук такую программу не потянет.

– Скинь мне фото, я сам посмотрю, – предложил он.

– А как твои успехи? – поинтересовалась Марина.

Услышав, что пока информации нет, она, с одной стороны, расстроилась, а с другой – порадовалась: «Вот, а то решил, что я невнимательная. Пусть сам попробует. Других легко критиковать».

На другой день просмотрела страничку Людмилы в «Одноклассниках». Зачем удаляла – тоже непонятно. Ничего интересного не находилось, все как у всех. Вдруг Марину привлекло прежнее местожительство Людмилы. Оказалось, раньше она жила в Ярославле и работала в больнице.

«Вот это номер! – вслух воскликнула она. – Я балда! Когда принимала на работу, могла обратить внимание на записи в трудовой книжке. С чего это взрослой женщине переезжать в другой город, устраиваться уборщицей в ресторан, когда она всю жизнь работала медицинской сестрой? Мне срочно нужна была уборщица, я вообще не смотрела трудовую. Стас прав, я невнимательная. Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Мало ли какие обстоятельства могут быть у человека».

Звякнула электронная почта, Стас приспал материал про девушку Мирона. Девушку звали Светлана, она покончила с собой, выбросившись из окна девятого этажа.

«Ничего себе! – удивилась Марина. – Так она погибла! Непонятно, почему покончила с собой, зато понятно, зачем Мирон удалил ее со своей страницы. Кому приятно видеть лицо погибшей бывшей. И он мог винить себя в ее смерти».

Сожалея о гибели девушки, Марина нашла ее страничку в соцсети. Без особого интереса просматривая посты, умирала от скуки.

«До чего у людей серенькие страници, зачем только заводят. Написать ничего умного сами не умеют, так хотя бы размещали интересные материалы. Хорошо, что я давно перестала интересовать-

ся этим. Как начнут с утра всякую ерунду выкладывать: «Вот это я завтракаю, вот это я в бассейне купаюсь, это мой автомобиль, это я на шопинге прикупила разных вещичек». Тьфу! Поубивала бы! – разозлилась окончательно Марина. – Впрочем, чего это разошлась, каждый развлекается как может, не всем везет умными родиться», – усмехнулась она.

Неожиданно на странице Светланы мелькнуло лицо Людмилы, ее уборщицы. Она не поверила глазам: на нескольких фотографиях Светлана и Людмила были запечатлены вдвоем. Позировали в купальниках на фоне моря, видимо, вместе отдыхали на курорте. И тут до нее дошло, что они похожи, а по возрасту, скорее всего, мать и дочь: «Вот это да! Погибшая бывшая девушка Мирона – дочь Людмилы!»

Марина помчалась в кабинет Стаса сообщить потрясающую новость и столкнулась с ним в коридоре.

– А я к тебе, – сказал он, – кажется, я нашел убийцу. Пойдем, покажу.

– Это я, кажется, нашла убийцу! – выпалила она.

Они обменялись информацией. Стас заметил, что нож пропал за два дня до убийства су-шефа. Взяла его Людмила. На записи видно, как она моет пол, нож лежит на столе, заканчивает мыть, отходит от стола, ножа уже нет. Съемка скрытой камерой велась со спины, как она брала нож, куда дела, непонятно, но то, что взяла именно она, сомнений нет. В сочетании с информацией о родстве с погибшей Светланой становился очевидным мотив убийства, понятно, кто убийца. Если припомнить, что якобы наткнулась на убитого Мирона именно Людмила, сомнений не оставалось.

8

После обеда они отправились в ресторан вместе.

– Я не могу тебе позволить разговаривать с этой сумасшедшей наедине. Кто знает, что ей в голову придет. Придушит тебя и скроется, – объяснил Стас свое желание присутствовать при разговоре с уборщицей.

Они находились в кабинете и обдумывали «допрос», чтобы добиться чистосердечного признания, когда в дверь постучали.

В кабинет проскользнула Людмила, протянула листок бумаги:

– Извините меня, Марина Алексеевна, я вынуждена рассчитаться и просить вас отпустить меня без отработки.

Марина взяла листок, прочитала заявление на увольнение по собственному желанию.

– Ну что ж, – сказала она, – я не возражаю. – Она подписала заявление, достала из сейфа трудовую книжку, внесла необходимые записи и положила на стол перед собой.

– Я попросила бы вас присесть и выслушать меня. Это в ваших интересах, – она помолчала и продолжила: – Если бы в убийстве Мирона не обвинили Ивана, я не стала бы вмешиваться и искать убийцу. Но ситуация обязывает. Ваш мотив понятен, ведь вы считаете, что это он виноват в гибели вашей дочери. Это вы взяли нож, это вас застала на месте преступления гостья нашего ресторана.

Людмила молчала, только сверкали ее глаза, и Марина подумала: «Как хорошо, что рядом муж». Сейчас она поверила, что эта женщина вполне способна убить ее и скрыться.

Наконец уборщица заговорила:

– Вам легко меня судить, но вы тоже мать. Моя девочка росла наивным чистым ребенком, а он задурил ей голову, болтал про любовь, но такие ловеласы неспособны любить. Он только развлекался: очередная ничего не значащая девица. Она забеременела, он ее бросил, хотя он бы все равно ее бросил. Девочка моя не смогла пережить предательства, любила по-настоящему и решила не жить без любви. Я потеряла дочь и внука, а этот мерзавец продолжал жить, как раньше. Он нарывался на неприятности с одной восточной девушкой. Ее брат избил его, пригрозил убить, если не женится, но Мирон предпочел уехать от греха подальше. Он насолил стольким людям, что его все равно бы прикончили. На каждого Дон Жуана найдется свой Командор. Я решила, что он не должен жить и продолжать ломать чужие жизни. Поехала за ним, выследила, где работает, где живет. Потом случайно узнала, что вы уборщицу ищете. Так мы стали сослуживцами, – Людмила горько усмехнулась, – я пыталась с ним разговор завести, но никак не удавалось. На работе некогда, а после работы он сразу исчезал. Торопился продолжать разгульную

жизнь. Тогда я написала ему записку, хотела в последний раз попытаться образумить.

– Интересно. Образу-у-у-мить, – протянул Стас, – с ножом за пазухой. Или где вы его прятали?

– Я не убила бы его, если бы он раскаялся, – снова сверкнули глаза Людмилы, – а он даже вспомнить не мог, кто такая эта Светлана. Вспомнил только, когда сказала, что покончила с собой из-за него. Заявил: «Вы про эту сумасшедшую? Истеричка! Всю кровь выпила, проходу не давала». Если бы он выказал хоть немного раскаяния и сочувствия, но нет. Я поняла, что он безнадежен, и ударила ножом, я хорошо анатомию знаю, куда бить, объяснять не надо.

– Мне непонятно, – подала голос Марина, – зачем было устраиваться на одну с ним работу? Проще треснуть кирпичом по голове в темном переулке, кошелек, телефон забрать. Убийство при ограблении, вас бы не нашли. Зачем пришли в мой ресторан? Тут подозреваемых – раз, два и обчелся. Да еще пытались поваров подставить.

– Я хотела напомнить про мою дочь, в темном переулке это сложно сделать, а так он умер, зная, за что наказан.

– Отлично, – подытожила Марина, – мы разобрались, кто, кого, за что. Но вы не правы. Люди встречаются, расстаются, в жизни так бывает. Убивать за это? Я с мужем прожила одиннадцать лет, а он полюбил другую женщину, ушел. Мне его убить надо было? Или его избранницу? Парень порядочный негодяй был, но он не выталкивал из окна вашу дочь, не заставлял ее делать аборт. А ваша девочка не смогла вам об этом рассказать, значит, у вас не было доверительных отношений с дочерью, вы косвенно виноваты в трагедии. Если бы все женщины, которых бросают, кончали жизнь самоубийством или убивали неверных мужчин, на Земле людей не осталось. А что делать отцу парня? Вы разрушили его семью: он потерял сына, жена в больнице с инфарктом. Ему тоже за нож хвататься, чтобы убить вас?

Наступило молчание, которое никто не решался прервать.

Наконец Людмила сказала:

– Этот парень был мне должен. Я не хотела забирать его жизнь, мне нужно было хотя бы раскаяние и сожаление, но увы. Ему при-

шлось расплатиться своей жизнью за жизнь моей девочки. Мой счет закрыт теперь, как и его. Но эта цена оказалась непосильной для меня.

Марина покрутила головой:

– Средневековые какое-то. Русская вендетта. Ну да Бог вам судья. Она протянула женщине листок бумаги, сказала:

– Пишите, как дело было. Вот визитка, тут указаны данные, на это имя писать чистосердечное признание.

Когда заявление в Следственный комитет было готово, она прочитала его, удовлетворенно кивнула.

– Ну что ж, изложили четко и понятно. Так, – сказала она, – убийство мы раскрыли, подозрение с других сотрудников сняли, «чистуху» получили, но я не занималась в Следственный комитет ловить за них убийц. Мы им и так преподнесли преступницу на блюдечке с голубой каемочкой. Письмо вы сейчас с почты отправите в Следственный комитет, а что делать дальше, сами решайте. Можете явиться с повинной, суд это учтет. Можете скрываться – страна большая. Как совесть подскажет. А я умываю руки.

Она попросила Стаса сопроводить женщину до почты, отправить письмо и отпустить Людмилу на все четыре стороны.

– Тоже мне, Понтий Пилат в юбке. «Я умываю руки», – передразнил он. – Дурацкое решение, я не согласен. Ты юрист, как можно? Ты ведь была согласна с Жегловым: «Вор должен сидеть в тюрьме». А тут не вор, убийца, нельзя ее отпускать, – возразил Стас.

– Не припомню, чтобы меня звали Немезида, не мое дело судить или миловать. Может быть, я не права, – пожала плечами Марина, – мы провели частное расследование, полномочий у нас нет. Я и так помогла органам. Если скроется, пусть ищут, должны они хоть что-то делать. А эта несчастная и так наказана на всю жизнь.

– Спасибо вам, Марина Алексеевна! – Людмила схватила ее руку и попыталась поцеловать.

Она вырвала руку:

– Вы что? С ума сошли?

– Спасибо! – еще раз сказала Людмила. – Мое место в монастыре, я давно так решила. Если меня примут туда, – она сделала паузу, –

буду молить Бога за вас, за мою несчастную дочь и за отнятую мной жизнь. До конца жизни не отмолить мне грехов, но Бог милостив.

Через три дня к ним в дом явился Сергей. Марина поняла, что письмо получено. Они переглянулись со Стасом. Держать язык за зубами договорились еще раньше. Обвинений ждать долго не пришлось.

– Ну, колись, – обратился Сергей к Марине, – зачем отпустила свою уборщицу?

– Какое право я имела ее задерживать? Она заявление по собственному желанию написала, я ей трудовую выдала, что не так?

– Почему она положенные две недели не отработала?

– Это на усмотрение администрации, можно не отрабатывать. Она сказала: «Надо срочно уехать». Я предложила сходить к следователю, объяснить, что уезжает, адрес указать куда. Она ответила, что обязательно сходит, – обстоятельно объяснила Марина.

– Убийство! Расследование! И ты ни при чем? Нос свой Варварин не сунула?

– И?

– Не прикидывайся, что ничего не знаешь!

– Да что я знать должна? – совершенно искренне вспылила она.

– То, что твоя уборщица и есть убийца! От нее чистосердечное пришло в Следственный комитет, – торжествующе сказал Сергей.

– Да ладно! – Удивление было сыграно идеально. – Ничего себе! Тетка вежливая, старательная, сроду бы не подумала. Но хорошо, что созналась, хоть отстанете от моего ресторана. Теперь знаете, кого арестовывать.

– Арестовали бы, так она признание написала и скрылась.

– Вот оно что! Вам теперь в федеральный розыск подавать, вот незадача. А я при чем?

– Так я тебе и поверил! Хватит мне мозг компостировать! – взорвался Сергей.

– А нечего на меня наезжать, чуть что, сразу я виновата, – возмущение тоже выглядело искренним.

– Серега, и правда, что ты к моей жене постоянно цепляешься? – вступил в разговор Стас. – Еще раз услышу – оторву что-нибудь нужное.

– Что оторвешь? – машинально переспросил Серега.

– Да что под руку попадется, то и оторву.

– Ты начальнику убойного отдела при исполнении угрожаешь?

– Исполнение твое закончилось, ордера нет, так что выбирай: если явился как опер – выметайся из моего дома, если как друг – прекрати катить бочку на мою жену.

Сергей выбрал остаться на ужин и выпить мировую. Пришлось поверить, что новость для них такая же неожиданность, как и для всех.

– С чего ты решил, что это я раскрыла убийцу? – спросила за ужином Марина. – Убойный отдел, Следственный комитет расследуют-расследуют и, кроме невинного человека, никого не находят на роль убийцы, и вдруг появляюсь я, вся такая в белом, – Марина сделал паузу, в которую вклинился Стас:

– На белом коне?

– Естес-с-сенно, – продолжила она, – и раз! По твоей версии, одна раскрываю убийство. Таких комплиментов мне еще никто не делал. У меня так поднялась самооценка, что готова поверить в свой детективный дар. Может, мне детективное агентство открыть?

– Не, детективным агентствам убийствами заниматься нельзя, только следить за неверными мужьями и женами, это тебе будет скучно, – подал голос Стас.

– А вся в белом на белом коне – это вы о чем? – заинтересовался Сергей.

– Не обращай внимания, просто нам эта фраза нравится. Цитата, кажется, из Булгакова, я же актерка, голова полна разных цитат, – отмахнулась Марина.

9

Лето близилось к завершению. Стоял конец августа, трагические события, приключившиеся в ресторане, постепенно забылись. Август в России непостоянный, то он самый жаркий месяц лета, то холодней сентября. В этот год стояла жара. Марина была занята бумагами, мечтая поскорее очутиться дома и отправиться с детьми на речку, когда к ней заглянул управляющий:

– Марина Алексеевна, вас гость спрашивает. Он в маленьком кабинете.

– Чем недоволен?

– Претензий не предъявлял, попросил пригласить хозяйку.

«Вот черт, – выругалась Марина, – так хочется быстрее закончить, а тут разбираись со скандалистом».

Но делать нечего. Натянув дежурную улыбку, она отправилась объясняться с назойливым посетителем. Заглянула в кабинет и оценивающим взглядом скользнула по импозантному господину около сорока. Костюм выдавал обладателя немалых средств.

«Каким ветром в нашу скромную харчевню занесло такого хлыща?» – подумала про себя, а вслух спросила дорогого (в смысле денег) гостя:

– Чем могу быть полезна?

– Не могли бы вы присесть за мой столик? – соревнуясь в любезности, попросил гость.

– Прошу прощения, но время у меня ограничено, и чем быстрее вы изложите суть ваших претензий, тем быстрее мы их решим.

– О, что вы! – воскликнул гость. – Никаких претензий, я здесь совершенно по другому поводу.

– Уже интересно! Чем мы заслужили видеть в нашем скромном колбасном мирке такого важного посетителя? – спросила Марина, присаживаясь за столик.

– Видите ли, я в некотором смысле ваш брат, – сообщил господин, смущенно и чуть испуганно глядя на нее.

– Та-ак! – протянула она, выдержав паузу. – Дорогая мама никак не успокоится, братьев начала подсыпать. Я же сказала ей: «Меня ее прошлые амурные дела не касаются».

– Я понимаю ваш скептицизм и чувствую себя неловко, но вы – результат прошлых амурных дел, как вы выразились. Ваша мама попросила меня поговорить с вами. Дело в том, что закончился траур по моей маме и вскоре наш отец и ваша мама должны пожениться. Меня просили передать, что ваше присутствие на этой скромной церемонии крайне желательно.

Марина молчала и новоявленный брат продолжил:

– Поверьте, мой отец считает, что время пришло и нам пора начать общаться. Ведь мы, по сути, одна семья, он всегда интересовался вами и вашей жизнью. Когда рассказал нам с братом, что у нас есть сестра, мы обрадовались: всегда хотели иметь сестру, и неожиданно желание исполнилось.

– Вы не находите, что поздновато? Наши жизни сложились, прожиты отдельно друг от друга. К чему теперь шумиха насчет родства, одной крови и прочие благоглупости? Я охотно верю, что ваш отец, – она подчеркнула голосом слово «ваш», – достойный человек, как и вы с братом. Но у меня был замечательный пapa, которого, к несчастью, больше нет, от этого я люблю его не меньше и не собираюсь менять на другого. Так что передайте моей маме: «Я желаю ей счастья в новой семье. На свадьбе меня не будет, это не обсуждается, тем более что в сентябре мы с мужем всегда бываем в Японии». А теперь разрешите откланяться, я действительно очень занята.

Не ожидая ответа, Марина стремительно покинула гостя. По пути она наткнулась на управляющего и попросила отнести чек гостя на свой счет. Затем отправилась в свою коморку и, войдя внутрь, треснула кулаком по стене с такой силой, что взвыла от боли и испугалась, не сломала ли кисть. Она открыла холодильник, приложила лед к немного припухшей руке и заметила бутылку своего любимого шерри-брэнди. Налив полстакана, залпом выпила. О дальнейшей работе речи быть не могло. Ее тряслось, рука болела, голова закружилась от выпитой дозы.

«Нет, мать не успокоится, пока окончательно меня не доконает», – разъяренно подумала она. Наконец спиртное подействовало, она немного расслабилась и поняла, что за руль в таком состоянии садиться нельзя: «Как ты, Марина Алексеевна, теперь до дома доберешься? И зачем так бурно реагировать? Подумаешь, брат явился. Совсем даже неплохой брат, кстати. При других обстоятельствах я, может, порадовалась бы».

Пришлось звонить на фирму мужа, просить машину. В дороге Марину совсем развезло, полстакана крепкого напитка в жару сделали свое дело. Из машины Стас вынес ее буквально на руках, приняллся отпаивать крепким чаем, а она, давясь слезами, рассказывала при-

чину своего пьянства. Пришлось срочно уложить спать, чтобы дети не увидели маму в этаком состоянии.

С тех пор Стас при каждом удобном случае пытался внушить жене, как ей повезло найти отца и братьев. В пример приводил себя, которого она примирila с новой семьей отца.

– Почему ты в такой же ситуации не хочешь принять подарок судьбы? – спрашивал он. – Я же, в конце концов, принял.

– Это другое. Представь, что твоя мама оказалась бы тебе неродной. Усыновила в младенчестве. Теперь ее нет, ты чтишь ее память, и вдруг отец рассказывает, что на самом деле твоя биологическая мать жива. Ты обрадуешься, захочешь общаться, сможешь полюбить? – спросила она однажды.

Этот вопрос поставил Стаса в тупик. Действительно, он не знал, как бы поступил на месте жены. Честно ответить на вопрос не смог и больше не вмешивался: «Само собой образуется».

В Японию Марина не поехала. В этой стране она побывала два раза и считала, что вполне достаточно. В конце сентября Стас уехал, а она, проводив мужа, решила ненадолго слетать в Питер. Ее волновали изменения, произошедшие в жизни давней питерской приятельницы Женьки, которая являлась владелицей арт-кафе. Заведение досталось ей после давнего развода с мужем, и вначале было обычным рестораном, но она своими усилиями сумела превратить его в доходное и модное место.

В жизни Женьки нарисовался новый бой-френд, который из обычного охранника за несколько месяцев превратился в управляющего. Прибыль постепенно падала, и Марине было ясно, что он ее просто кладет в свой карман. Еще она подозревала, что в кафе теперь приторговывают запрещенными веществами. Доказательств не было, но интуиция и некоторые факты, которые иногда выбалансировала Женьку, только убеждали в правильности предположений. Никакие аргументы и доводы на Женьку не действовали, любовь снесла крышу, она не воспринимала происходящее адекватно. Нужно было решать проблему на месте.

Она задумчиво шла по залу прилета, как вдруг ее окликнул знакомый голос:

– Марина! Ты как здесь?

Подняв глаза, увидела собственную мать, рядом с которой шел пожилой высокий господин с седыми висками. Марина остановилась, встреча с матерью обычно вызывала безотчетную агрессию, а после сюрприза с отцами Марина предпочла бы ее никогда не видеть. Поэтому зло смотрела, как та подплывает как ни в чем не бывало в сопровождении человека, который, возможно, и есть ее отец.

– Ты чего тут делаешь? – так же зло спросила она.

– А здороваться тебя не учили? – вопросом на вопрос ответила мать. – Приехали на несколько дней на конференцию. Познакомься. Это, – она замялась, не решаясь сказать «твой отец», и наконец нашлась, – это мой муж.

– Тебе видней, чему ты меня учила, – огрызнулась Марина, но все же выдавила из себя приветствие: – Очень приятно.

К своему удивлению, она не смогла сказать ничего грубого. Мужчина, сопровождающий мать, смотрел на нее с такой любовью, что она растерялась. Он молча склонил голову, здороваясь, и Марина физически почувствовала: этот человек от волнения не может сказать ни слова.

– Так, может быть, завтра встретимся, в ресторане посидим? – предложила мать, обрадованная ее смирением.

– Позвони завтра, там видно будет, – ответила она.

– Нас машина встречает, можем тебя подвезти, – предложила мать.

– Меня тоже встречают, – отозвалась она, радостно бросаясь в объятия Женьки. Пожалуй, никогда в жизни она так не радовалась встречающему ее человеку.

Как Марина и опасалась, разговор с Женькой не получился. Она не понимала, в чем, собственно, дело и почему приятельница волнуется. По ее представлению, все было замечательно: с ней рядом любимый человек, они оба заняты любимым делом. Чего еще желать? То, что ресторан работает практически в ноль, не смущало, она считала это временной трудностью. Более того, она собиралась замуж. Марина поняла: нужно действовать. У нее появился план, но для его исполнения был срочно нужен муж, который находился

в Японии. В очередной раз посетовала, как трудно в России решить любой вопрос без мужской помощи. Русский мир был и остается насквозь мужским, и никакие эмансипации ничего не изменили. Пока Марина привлекла Женьку к сборам в ресторан на встречу с мамой и ее новым мужем, который одновременно еще и отец. Нужно было подобрать приличный наряд, в котором не стыдно пойти в пафосный ресторан, в то же время не особенно выпендриваясь.

Женька выслушивала ее историю, не переставая удивляться, как интересно складывается у той жизнь:

– Ничего себе «Санта-Барбара»! Как у тебя все намешано: отец нашелся на старости лет и пара братьев в придачу. Про детективные истории и говорить нечего.

– Спасибо, что про старость напомнила, – усмехнулась Марина, – а то я все молодой прикидываюсь. И да, детективные истории у меня случаются чаще, чем в книжках Донцовой. Не успею где появиться, там труп. У меня недавно в ресторане повара убили.

И она вкратце рассказала эту печальную историю. Женька слушала, раскрыв рот, не уставая удивляться. Вскоре они решили, что это платье сидит отлично, смотрится Марина в нем превосходно.

Во время сборов она высказала сомнения, которые не давали покоя:

– А как Юлька относится к твоему ухажеру?

– Никак, – погрустнела Евгения, – на дух не переносит, а то я бы давно за него выскочила. Как Тимур появляется в доме, прямо шипеть начинает, чисто кошка. Ей еще четырнадцати нет, не отселишь, и так жить невозможно. Что делать, не знаю, – грустно ответила приятельница.

– А ты не думала, что у нее могут быть причины? Может быть, он к ней приставал? Девчонка красивая, вся в мать, – польстила Марина.

– Да ты что?! – звилась та. – Она же маленькая еще!

– Это она для тебя маленькая, а для мужика очень лакомый кусочек. Просто так не будет девчонка на человека злобиться, она у тебя воспитанная и умеет себя вести прилично.

– Так сказала бы мне, если что, – с сомнением отозвалась Женька. – Да ну тебя, одни детективы на уме. А она просто ревнует.

– Смотри, тебе жить. Не укараулишь в одной квартире. И потом она же расти будет, хорошеть, а если домогаться станет, психику сломает, жизнь? А наркота, которой он приторговывает в клубе? Если он ее на наркотики подсадит? Пропадет девчонка, ты себе не простишь.

– Прекрати! С чего ты выдумала про наркоту? И что, мне теперь замуж не выходить? Я на себе крест должна поставить?

– А ты себе ответь, кто тебе важнее: дочь родная или мужик залетный, темная лошадка? Женится, потом прикопает в лесочке или напоит, за руль посадит – и амба. Он – счастливый наследник квартиры, машины, ресторана, а еще отчим законный. Будет с твоей Юлькой жить себе на радость.

Разговор получился слишком неприятным, нервы у Женьки не выдержали, она разрыдалась. В конце концов созналась, что мысли о дочери не дают покоя, а тут еще Марина со своими домыслами.

– Не понимаю твоего горя. Зачем замуж выходить? Ты что, девочка, без подвенечного платья и штампа в паспорте жить не можешь? Понятное дело, ты еще молодая здоровая женщина, но зачем всякую гадость в дом тащить?

– Он так не хочет. Хочет, чтобы серьезно, семью. Иначе уйдет, – рыдала Женька.

– Я тебе объяснила, зачем ему женитьба, а ты думай. Себя не жалко, дочку пожалей. Себя угрошишь и ребенка, – уверчивала Марина, – пусть ищет другую дуру богатую.

– Какая я богатая? Нашла богачку. Что, меня без денег нельзя любить?

– Очень даже можно тебя любить и нужно. Только это не тот случай, никакая не любовь. Видела я твоего Тимура, когда еще охранником был и только клинья подбивал к тебе. Сразу все про него поняла, думала, и ты раскусишь. У кого ничего нет, любое имущество – богатство. Твоя квартира в центре Петербурга чего стоит. Короче, ты уже большая девочка. Главное, замуж не спеши. Уйдет – твое счастье: живой останешься, – она решила больше не давить на Женьку и, посеяв сомнения в голове приятельницы, отправилась на встречу с родителями.

10

Когда Марина рассталась с первым мужем, сердечные раны уезжала лечить в Питер. Накопившиеся отгулы, праздничные дни она старалась провести в любимом городе. Гостиницы были не по карману, снимать квартиру – дорогое удовольствие, приходилось довольствоваться комнатой. Однажды она оказалась в квартире Виктории Павловны и с тех пор останавливалась только у нее. Марина рано потеряла близких людей, потому привязалась к ней всем сердцем. Знала, что в Питере ее любят и всегда ждут. В один из приездов случайно узнала, что Вики, так коротко она называла хозяйку, собралась передавать свою квартиру в муниципалитет за небольшую сумму и пожизненное содержание, потому что не доверяла коммерческим организациям. Завещать собственность все равно было некому, а так сохраняла за собой жилье и решала материальные проблемы. Марине сразу пришла в голову мысль купить квартиру с правом пожизненного проживания, и она предложила намного больше, чем муниципалитет. Хотя это была не коммерческая стоимость, Виктория Павловна согласилась, для нее главное было – остаться в своем доме. Средства Марина выручила от продажи квартиры, которая досталась в наследство от бабушки. Мать никогда не могла простить бабушке, что та лишила ее наследства в пользу внучки, а заодно не могла простить этого дочери.

За те годы, что Марина приобрела квартиру у Вики, они стали практически родными людьми. Когда-то у Виктории Павловны имелась семья. Муж, инженер-кораблестроитель, умер в девяностые. Тогда многие умирали, не выдержав крушения страны и своей жизни, а еще безнадежности впереди. Русские люди привыкли жить верой в будущее, мечтали, что оно будет непременно светлым, это помогало переносить тяготы настоящего. Привыкли тяжело работать, веря, что строят лучшую жизнь для потомков, но все рухнуло, жертвы оказались напрасными. Не всем удалось справиться с этим. Дочь умерла при родах, внука тоже спасти не удалось. Сын, пытаясь найти свое место в новой жизни, пошел по кривой дорожке, оказался в тюрьме, заболел туберкулезом и умер. Так за одиннадцать лет она потеряла всю семью и осталась одна.

Вики живо интересовалась жизнью Марины, была в курсе семейных дел, потому в тот вечер ожидала ее возвращения, не терпелось узнать, как прошла встреча с отцом. Но та вернулась поздно, не стала ничего рассказывать, сославшись на усталость, и обещала рассказать все утром. Ей хотелось самой разобраться в событиях вечера.

Утром за чашкой кофе Марина выполнила обещание:

– Вначале было немного напряженно, но потом мы разговорились. Отец оказался очень интересным человеком. За весь вечер умудрился не сказать ничего банального, я, право слово, боялась выглядеть в его глазах дурочкой. Он разбирается в литературе, живописи, его окружают талантливые люди, он почти весь мир повидал. Так обо всем захватывающе рассказывает! Заслушаешься. Пригласил меня танцевать, как он здорово танцует! – Марина помолчала, вспоминая. – И мама в его присутствии изменилась. Как подсолнух за солнцем, глаз с него не сводит, улыбается, глаза сияют. Я не припомню, когда видела ее такой счастливой. Подумала, что теперь, соединившись с любимым, она стала настоящей, а «такой вредной была, потому что у нее лиса-педа не было», – Марина не смогла удержаться от цитаты из мультика.

– Вот и хорошо, теперь вы с мамой наконец примиритесь, а то мать и дочь – самые близкие люди, а как кошка с собакой, – порадовалась Виктория Павловна.

– Я тоже подумала, что теперь, когда она счастлива, ко мне смягчится. Шутка ли, сорок лет любить и жить в разлуке, но все оказалось не совсем так, – грустно ответила Марина, – когда мы увлеченно разговаривали с отцом, я нечаянно перехватила взгляд, полный такой жгучей ревности, что чуть сознание не потеряла. Тогда окончательно все поняла про нее. Материнский инстинкт в ней не проснулся. Она меня ненавидела с детства, считала, что я сломала ей жизнь, всегда была помехой. Теперь только до меня дошел смысл бабушкиных и папиных слов: «Ребенок не виноват». Она не могла простить, что пapa любил ее, но, не добившись взаимности, перенес любовь на меня. Не могла простить, что ее любимый всю жизнь интересовался мной и поддерживал отношения благодаря общему ребенку. Она меня всегда ревновала, просто инфантильная тетка, которая так и не повзрослела, – Марина снова замолчала надолго.

– Девочка моя, – жалостливо сказала Виктория Павловна, – может быть, ты ошибаешься? – Она положила руку ей на голову, бережно погладила. – Не надо так убиваться.

– Ничего, Вики, я не убиваюсь, просто все встало на свои места. Я не хочу мешать ее счастью. Заполучила своего академика, пусть живет и радуется. Она рассчитывала, что я любила папу и не стану общаться с отцом. Так поначалу и случилось, но неожиданная встреча в аэропорту смешала карты. Я согласилась на общение, и мы нашли общий язык. Ты бы видела, как восхищенно он смотрел на меня, какая любовь была в его взгляде. Этого она мне никогда не простит. Его любви она мне не простит никогда, – повторила Марина как бы про себя. – И знаешь, я впервые пожалела ее. Она всю жизнь нуждалась в родительской любви. Бабушка ушла от ее отца, когда девочке было три года, много работала, ей было не до нежностей. Мама всю жизнь отчаянно нуждалась в любви, но сама любить не умела, потому что была ее лишена. Таков нерадостный итог нашей встречи, и давай к этому больше не возвращаться. Вики, сыграй мне лучше что-нибудь из Скрябина.

Бывшая преподавательница музыкального училища Виктория Павловна сохранила отличную технику игры на рояле и до сих пор занималась с учениками. В деньгах она не нуждалась, и бывшие коллеги направляли к ней талантливых ребят, тех, кто не имел возможности платить за дополнительные уроки. Это помогало скрашивать одиночество и поддерживать форму. Марина, окончившая музыкальную школу по классу рояля, очень любила слушать ее, и сегодня душа запросила музыки. Музыка для нее всегда была способом вернуть покой и душевное равновесие.

Во время импровизированного концерта она вспомнила, что один из однокурсников, имя которого не помнила, переехал на жительство в Петербург и неплохо бы возобновить отношения. Свой человек в органах будет нeliшним в ситуации с подозрительным Тимуром.

«Мало ли, что может случиться в свете последних событий. Ты, Марина Алексеевна, с детективом, похоже, сроднилась. Шаг влево – детектив, шаг вправо – криминал», – думала Марина.

Она позвонила Павлу и выяснила, что в Питере давно живет их однокурсник Николай Изотов.

– Не помню, кто это, имя знакомое, а вспомнить не могу, – поморщилась она.

– Как не помнишь? Его все звали Коля Неволя, – удивился Пашка.

– А, тот худющий рыженький, его так прозвали за словечко «невольно». Все у него было «невольно»: опоздал невольно, двойку получил невольно, влюбился невольно. Смешной такой. А где он работает? Может быть, телефон есть? Не знаешь?

– Зачем он тебе? С чего вдруг? – насторожился Павел.

– Просто я в Питере сейчас, бываю тут часто. Вспомнила, про однокурсников, почему бы не встретиться.

– Темнишь, – продолжал подозревать Пашка, – опять встремля в историю? Про Николая не помню, я его не видел, только слухи были, что в Госнаркоконтроль приглашали работать.

Марина постаралась погасить его подозрительность, и они еще немного поговорили про житейские дела. Передав привет Ксю, она отключилась.

«Этот Пашка прямо чует неладное. Мне сейчас только его нотации не хватает. Как мне Изотова искать в огромном городе? Зацепка, прямо скажем, хилая, – размышляла она, – и фамилия распространенная».

Позвонив на удачу в Управление по контролю за оборотом наркотиков, получила от секретаря номер телефона отдела, в котором работал Николай, а в отделе его сразу пригласили к телефону. Надо ли говорить, что бывший однокурсник не сразу понял, кто ему звонит, но, когда узнал, обрадовался и сам предложил встретиться в небольшом ресторанчике после работы. Марина посчитала легкость, с которой нашла однокурсника, хорошим знаком и, радостная, отправилась на встречу. Она не сразу узнала в высоком представительном мужчине под сорок бывшего худощавого паренька. Рыжие вихры передели, были постриженены «под ежик», а цвет сделался коричневато-серым. «Хорошо хоть не красится, – мелькнула неуместная мысль. – Бог мой, как он постарел!»

Зато Николай узнал ее сразу. Марина из красивой девчонки превратилась в красивую молодую женщину, ухоженную и явно благополучную.

Она протянула руку, и бывший однокурсник взял ее в свои большие теплые ладони и осторожно прикоснулся губами:

– Ты совсем не изменилась.

– Коля, я, конечно, люблю лесть, но не до такой же степени, – засмеялась она, – мне скоро сороковник стукнет.

В ответ по-дружески поцеловала его в щеку, с удивлением заметив, как лицо и даже шея Николая залилась краской: «Надо же, что значит рыжий: до старости краснеет, как мальчишка».

– А мне уже стукнуло, ты же самая младшая на курсе была, – ответил тот, смутившись, что неожиданно для себя покраснел.

Заказав кофе, они начали обычный для однокурсников разговор: кто где, кто чем занимается. Они оживленно перебирали общих знакомых, пока Марина случайно не обмолвилась, что живет в Нижнем.

– Чего это вы с Юркой в Нижнем забыли? – удивился Николай.

– При чем тут Юрка? Я в Нижний замуж вышла, уже седьмой год там обитаю. Ты что? Не знаешь, что мы развелись? – удивилась она в свою очередь. – Мы с ним с десяток лет не живем.

– Откуда я могу знать? Мы встречались через три года после окончания института, потом я в Питер уехал. И больше никого не видел, ничего ни о ком не знаю.

– Ну да, зачем тебе, ты у нас столичная штучка, – не преминула съязвить Марина. – Юрка влюбился в другую барышню, женился, она через три года разбилась на мотоцикле. Он теперь в Иркутске живет. Сын от второй жены, дочка от третьей, своя адвокатская контора. Я тоже вышла замуж, муж – айтишник, шестеро детей, ресторанчик в Нижнем, юристом работаю в двух конторах, – скороговоркой сообщила она новости последних лет жизни.

– Живут же люди. Как в кино, – вздохнул Николай, – расходятся, женятся, переезжают. Постой, как шесть детей?

– Не удивляйся, троих усыновили, сын и двойня, – разъяснила Марина.

– Я ж говорю, как в кино. У Анджелины Джоли тоже сын, двойня и трое усыновленных детей. А тут живешь-живешь, и ничего не происходит, сплошной день сурка, – огорчился однокурсник.

– Как меня все достали с этой Анджелиной, ну хоть бы один не сравнил.

– А с чего ты ресторатором заделалась? Неожиданно, – высказал однокурсник удивление.

– Случайно. Люблю чешские колбаски, решила кормить студентов дешевой вкусной едой. Подвернулось помещение, открыла подобие чешского ресторана.

– Трудно, наверное? Дети, работа, еще и бизнес.

– Нелегко. Но у меня муж золотой, в любом деле всегда поможет. Трудно женщине в России без мужской поддержки. Смешно до коликов, когда некая леди вещает, что она «все сама, исключительно сама всего добилась». Я в Нижнем тоже «все сама», муж не вмешивается в мои дела, но все знают, кто за моей спиной. Это как вести дела с людоедами из племени мумбо-юмбо. Одно дело, когда ты торгуешь с ними из лодки, а рядом маячит грозный корвет с пушками на борту, тогда торговля заканчивается к общему удовольствию. Другое – торгуешь в той же лодке, но за спиной никого. У тебя отбирают товар, и через пару часов от тебя остаются только косточки. Такая печальная фильма.

– Ох, Маринка, умеешь ты насмешить, – Николай снова покраснел, но уже от сдержанного смеха, – очень наглядно.

Потом они еще пару часов просидели в ресторанчике, вспоминая былые дни, студенческие проказы, экзамены, гулянки, профессоров и все, чем полна студенческая жизнь. А потом однокурсник опомнился, ему срочно нужно домой. Он предупредил жену, что задержится на часок, а они незаметно проговорили больше трех.

Расставаясь, Николай пригласил Марину в гости, но она, улыбнувшись, спросила:

– Ты уверен, что жена обрадуется твоей бывшей однокурснице?

Вспомнив сорокалетнюю жену, которой нельзя было дать ни годом меньше, он понял, что не обрадуется. Предложил подвести ее до дома и, высаживая из машины, спросил:

– Марин, а ты чего хотела-то? Я так и не понял.

– Так, мелочь. Не поможешь пару килограммов героина прикупить по сходной цене? – насмешливо улыбнулась она.

Николай завис, размышляя над просьбой, потом радостно улыбнулся:

– Опять шутишь? Так ты просто захотела встретиться?

– Век зачета не видать! – и, заходя в подъезд, крикнула: – Спасибо за встречу! Чем черт не шутит, может быть, снова пересечемся.

11

Марина посчитала встречу с однокурсником удачной. Николай воспринял ее дружелюбно, это немного придало уверенности и вселило надежду, что она может в случае чего рассчитывать на его помощь. Перестала приставать к Женьке, не стоит форсировать события. Про ухажера помалкивала, считая, что информация к размышлению подкинута и постепенно принесет свои плоды. Сама получала удовольствие от любимого города, не зря же приехала. Днем совершила длительные прогулки или уезжала в пригороды, где было по-осеннему голо-прозрачно и от этого особенно романтично. Бродила по многочисленным музеям, а вечерами они с Викторией Павловной отправлялись на концерт или спектакль.

Собравшись с духом, посетила любимое прежде заведение. Женевкино кафе было уютное, двухуровневое. На второй этаж вела изящная кованая винтовая лестница, под ней устроен крошечный прудик с золотыми рыбками и черепахами. Небольшая сцена располагалась на втором, но была видна с первого этажа. Раньше на сцене выступали небольшие джаз-банды, играли классическую музыку, приглашались вокалисты и даже читали стихи питерские поэты. Там же стоял рояль, на котором периодически играла и сама Марина, теперь его убрали, а посередине сцены установили шесть, на котором крутились полу голые девицы. Терпеть такую пошлость было трудно, и как только Женьке не стыдно быть владелицей этого «кабаре с помесью кабака». Она параллельно являлась арт-директором кафе, и что поделаешь, если хороший вкус затрещал и осыпался, как штукатурка со стариинного заброшенного здания. Да и был ли он? Если был, то гормональный взрыв уничтожил его, если не навсегда, то надолго.

Марина вернулась в Нижний до приезда Стаса, а потом еще с неделю не могла найти удобного момента для разговора. Муж приезжал из Японии с «японскими глазами», как она выражалась, и требовалось некоторое время, прежде чем он вновь становился обычным и родным. Постепенно жизнь вернулась в привычную колею, и однажды вечером среди общего разговора Марина поделилась тревогой за старинную приятельницу. И во всех подробностях рассказала про Женяку с подозрительным ухажером, запрещенные препараты, которые он наверняка распространяет в кафе, и прочие подводные камни. Разделив ее беспокойство, Стас предложил вместе поехать в Питер.

– Я поеду с тобой, и на месте будем посмотреть. Если нужно, подключу знакомых. А то встрянешь одна, а ты встрянешь, я тебя знаю, – предупредил он ее возражение, – не с твоим криминальным счастьем бороться с наркоторговцами.

Марина не возражала, с мужем будет спокойней, в обиду не даст. А он продолжил:

– Опять придется закон нарушать. Мне нужен номер его телефона, брошу программку, будем слушать, может быть, интересное всплынет, и прокручу по всем сетям и базам. Если что есть за душой темного, найдем.

Прошло несколько дней. Марина не приставала, не спрашивала о результатах, знала: будет информация – сообщит. Она начала немного успокаиваться насчет Тимура. Раз муж так долго ищет информацию о нем, криминального следа за ним, может, и не водится, а ей все померещилось. Зря тревожится за неразумную соседку. Женяка жила в одном подъезде с ее хозяйкой, и они познакомились, когда Марина начала снимать у той комнату.

Однажды, когда дети были отправлены спать, муж работал, она позволила себе роскошь: почитать книжку новомодного автора, которую посоветовала Ольга. В последнее время читать доводилось редко, и она испытывала волнение, как перед первым свиданием. Читать любила с детства и читала запоем. Книга, вопреки ожиданиям, не произвела впечатления, она собиралась забросить ее и отправиться

спать, как в комнату заглянул Стас. В руках был планшет, он явно собирался порадовать новостями.

– Не спиши? – спросил муж. – Удивила меня в очередной раз, чутье у тебя, как у настоящего детектива. А нюх, как у собаки, а глаз, как у орла, – пропел он.

– Опять дразнишься? Не буду слушать, – обиделась Марина.

– Куда ты денешься... – он сделал небольшую паузу. – Рассказ будет долгим. Наш герой родился в Дербенте, ничем особо не отличался. В девятнадцать лет женился, за семь лет брака детей не случилось, развелся, переехал в славный город Ростов. Через год женился снова на симпатичной обеспеченной даме, старше на пять лет. Счастье продолжалось недолго, через пару лет жена погибла. На парковке ее сбил автомобиль, водитель скрылся, не оказав помощи. Брошенную машину нашли недалеко от места происшествия. Выяснилось, что автомобиль угнали от парикмахерской, где владелице в этот момент делали стрижку. У нее – алиби, у нашего героя тоже оказалось железное, по мнению полиции, алиби. Он в это время был в командировке, всю ночь пил со случайными знакомыми в гостинице. Водителя так и не нашли.

– Та-дам! – пропела Марина. – И зачем мне биография этого славного малого? Спасибо про детский сад не рассказал.

– Слушай дальше. Наш герой через шесть месяцев получает наследство и перебирается в город на Неве. Снова встречает большую любовь и женится на даме симпатичной, чуть постарше его и главное – состоятельной. Они едут в свадебное путешествие...

– И жена там погибает? – она вытянулась стрункой, глаза засияли.

«Ай, молодца! – подумал про себя Стас, – след почуяла, аж стойку сделала».

– Нет, – сказал вслух, улыбаясь, – они благополучно возвращаются, но продолжают путешествовать, деньги у жены имеются, почему бы не ездить. Не прошло и года, как в поездке в Египте на нее нападает не то мурена, не то рифовая акула. Наш герой с риском для жизни доставляет жену на берег, бьется в отчаянии на глазах

у отдыхающих. Увы, поздно, от ран, несовместимых с жизнью, она умирает до приезда скорой на руках любимого. Скорбя о потере, возвращается в Питер, хоронит, через шесть месяцев получает наследство. Финиш.

– Обалдеть! – отреагировала слушательница. – Какой талант! Я так понимаю, доказать ничего нельзя?

– А что тут докажешь? Очевидно, что все хитро подстроено, но все сошло ему с рук.

– У меня есть версия, – взволновалась Марина, – в первый раз алиби было тщательно продумано. Командировка не случайна. Тимур заранее обзавелся собутыльниками, напоил. Думаю, те благополучно уснули, а когда проснулись (или разбудил), отправились в ресторан догуливать. Пока они спали, угнал авто. Найти заранее машину, которой давно не пользовались, угнать, а потом вернуть на место, большого ума не надо, а если еще спидометр подкрутить... Добрался, снова угнал первую плохо стоящую машину, сбил жену, машину бросил. Вернулся, отправился праздновать дальше. С питерской женой еще проще. Нанял местного дайвера, тот с прирученной «рыбешкой» напал на них в море. Жена, как и задумано, погибла. Потом, скорее всего, дайвера притопил, чтобы свидетелей не осталось. Дайвера утопить – ничего проще, часть кислорода выпустить, никто даже не подумает на убийство и искать не будет. Тем более в Египте этих дайверов – как мух. Элементарно.

– Я же говорю, Агата ты моя, Кристи. Живописуешь очень интересно, даже убедительно, пора детективы писать, зря ты писательское ремесло забросила. Но доказать ничего не сможем, особенно в Египте, – охладил фонтан красноречия Стас.

– Что нам делать? Женьку он тоже грохнет. Но она не такая богатая, как прежние жены, и у нее дочь есть, наследница. И откуда это нарыл, не с телефона же?

– Раньше были сыщики-следопыты, находили по следам, оставляемым преступниками, потом криминалисты искали по отпечаткам пальцев, а сейчас – Ее Величество Цифра. Человек за собой везде оставляет цифровой след. Это еще не все, сейчас второе действие

Марлезонского балета. Прослушка – самое интересное. На Женьку твою у него другие планы, на тебя, кстати, тоже. Слушай. Кто предупрежден, тот вооружен.

Он включил диктофон, на который записывал разговоры Тимура.

– Эта подружка мне поперек горла встала. Ей, видите ли, новая концепция кафе не нравится. Еще в прошлый приезд Женьку настраивала против меня. Ей надо, чтобы в кафе евреи на скрыпичках пиликали и в сакс дудели. Голые девицы, видите ли, не нравятся. Хорошо, хоть живет в другом городе, наезжает редко. Вредная тетка, настраивает овцу мою против меня. Начала вопросы задавать про прибыль, про «колеса». Кажется, подозревает.

– Может, ее убрать по-тихому? – подал голос собеседник.

– Мокрухи нам только не хватало. Уехала сейчас, надо срочно жениться, а то вернется, опять начнет отговаривать.

– А от пассивии твоей сюрпризов не будет? – отозвался подельник.

– Эта под моим контролем. Вот женюсь, буду полноправным владельцем кафе. А еще у меня роман с другой рестораторшей закрутился. Она замужем, за сорок, влюбилась в меня по уши. У нее два ресторана. Прикинь! Мы там тоже дело замутим. Только синтетику я не жалую, натуральный товар лучше.

– Там посмотрим, на что спрос попрет, то и будем брать. При чем тут твои предпочтения? Главное, что потребитель желает. Товар придет – позвоню. Бывай.

Стас отключил запись.

– Это нарезка, выбрал самое интересное. Обсуждают, что от тебя лучше избавиться. Умеешь ты в историю попасть, а вдруг дружок не послушает и решит тебя прикончить? Я один в Питер поеду, ничего лезть на рожон.

– Еще чего! Никто меня не будет убирать, и ты будешь рядом – защитишь. Мне с тобой безопасно. Он что, совсем идиот? По телефону такие вещи обсуждать? – поразилась Марина.

– Симка без регистрации. Я предположил, что у него не один телефон, потому что ничего интересного по официальному номеру не говорил. Вычислил номер, который с ним все время в одной

соте. Вуаля. Он и болтает без опасения, – ответил Стас, – только не пойму, куда он деньги дел от наследства. Не нашел ни следа. Только родителям большой дом купил, но это капля в море.

– Может быть, он родственникам налом раздает или брюликов купил. Или в наркоту вкладывается, как мы по телефону слышали. Деньги криминальные, вот и осторожничает. Какое нам дело до его денег, поймают, спросят, кому положено, – закрыла тему Марина.

Марина старалась ездить в любимый город одна, за время совместной жизни со Стасом они ни разу не были в Питере вместе. Ей казалось, у нее с городом существует телепатическая связь, о которой никому не рассказывала, вела мысленные диалоги, и казалось, город ее слышит, понимает, откликается, посылая только им обоим понятные знаки. Думала, что, появиввшись в Питере с мужем, даст городу повод для ревности. Такая странная фантазия. На деле все оказалось иначе: Петербург узнал своего студента и, как показалось, одобрил их союз. Понравился он и Веронике Павловне.

Переговоры Тимура находились под контролем Стаса. Нужно было установить, когда и где управляющий получает очередной груз. Когда они установили место и время получения партии, Марина поняла, что без помощи Николая не обойтись. В конце концов, он по должности должен бороться с наркотиками, ему и карты в руки. Пришло звонить однокурснику и просить о встрече.

– Коль, ты извини, что я тебе беспокою, но неожиданно у меня оказалась инфа, которая тебя может заинтересовать, – заинтриговала однокурсника Марина.

Они быстро договорились о встрече, на это раз она пригласила его к себе в гости. Вести такие разговоры в присутствии чужих ушей было неразумно. Вначале она рассказала, что заинтересовалась Тимуром, переживая за приятельницу и соседку Женьку, которая собралась за него замуж, он казался подозрительным человеком, поэтому попросила мужа нарушить закон, прослушать разговоры Тимура. Хотела убедить соседку, что он собирается жениться просто из выгоды, а сам обманывает и крутит романы с другими женщинами.

Доказательства его неверности они добыли, но случайно выяснилось, что управляющий промышляет наркотиками и в ближайшее время должен получить крупную партию.

– Вот, это ты должен знать, – Марина включила Николаю диктофон с записью разговоров. После прослушивания попросила: – Используй, пожалуйста, эту информацию как положено. Не хотелось бы только засветиться, закон мы нарушили, но ты же можешь считать эти сведения оперативной разработкой и источник не разглашать.

– Ну ты даешь, подруга, – присвистнул однокурсник, – не ожидал такого подарка, считай, можно и внеочередную звездочку заработать.

– Не время звездочки считать, надо задержание еще провести успешно. Я буду продолжать его прослушивать, чтобы обойтись без сюрпризов, – добавил Стас.

– Неплохо бы за ним слежку установить, вдруг они поменяют условия и договорятся об этом не по телефону, очень не хочется, чтобы этот «бандитто» сорвался с крючка, – вклинилась в разговор Марина.

– А то он без тебя не знает, что делать. Гроза бандитов ты наша, – прервал ее муж.

– Не беспокойтесь, ребята, все организуем как надо, никуда не денутся.

Дальнейшие мероприятия по отслеживанию и задержанию наркодилеров прошли мимо наших «сыщиков», чем Марина была раздосадована. От Николая они узнали окончательные итоги: партия была крупная, взяли всю цепочку, хотя не факт. Тимур вместе с подельниками находится под следствием и получит приличный срок, но это будет решать суд. Только звездочку Николаю не дали, начальство ограничилось благодарностью с занесением в личное дело, что тоже неплохо.

12

Женька пережила известие о задержании Тимура болезненно, рыдала, бегала по следователям. Только к подследственным никого

не пускают. Даже записку с уверениями, что она не верит в его виновность, а если вдруг случится худшее, будет дожидаться любимого из заточения, у нее не приняли. Марина как могла утешала и соболезновала, благоразумно помалкивая о своей роли в этом деле. Наконец, решила поделиться информацией о реальном отношении к ней ухажера и романе с замужней дамой, который он крутил одновременно. Стас сделал запись, где говорилось только то, что касалось ее лично. Прослушав откровения «любимого», Женька чуть было не сиганула из окна. Хорошо, что Марина была рядом, а Юлька как раз вернулась из школы.

Они обе еле удержали ее и собирались вызывать скорую, когда она, отлежавшись на диване, неожиданно начала говорить довольно бесцельно:

– Ты меня предупреждала, а я не верила. А Юлька? Ребенка не обманешь, не зря его на дух не переносила. Наркотики! Какой ужас! Любовница, старая тетка! Какие мы, бабы, дуры! Он ведь с Юлькой мог сотворить что угодно, тебе со стороны виднее было. Господи! Спасибо тебе, что забрал это чудовище из нашей жизни! Так ослепнуть! – она некоторое время молчала и сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, потом заговорила снова: – Самое смешное, он прав: русских теток нельзя уважать. Смазливое лицо, несколько льстивых фраз – и мы на все готовы. Мозг отключается, а вспомнить, что в их религии женщина – никто. Мы думаем, что так они относятся к своим женщинам, а к европейкам иначе. Все наоборот, если их женщина живет по законам, ее уважают, а если нет, просто убьют. Это мы для них никто.

– Женя, хватит себя казнить, просто влюбилась, а тут у всех женщин думалка ломается. Это правда, тебе здорово повезло, что его арестовали, а то могла сесть вместе с ним. Попробуй докажи, что наркотики в клубе продавали без твоего ведома. Он может дать показания, что ты его заставила, ты хозяйка, главная наркодилерша всего Петербурга и Ленинградской области в придачу.

Женька подняла на нее испуганные глаза:

– Что, правда? И ему поверят?

– Почему нет, он умеет бедной овечкой прикидываться, весь белый и пушистый. Да шучу, шучу! До этого не дойдет, его с поличным взяли.

Через несколько дней Женька пришла к ним домой и с порога заявила:

– Марина, я решила кафе продать! В последние дни все думаю, думаю. Бизнесвумен из меня не получилось, сейчас обошлось, так мало ли что еще приключится. Этот мерзавец все запустил, кучу денег из оборота вывел себе в карман. А у меня сил нет заново начинать, – она грустно помолчала и добавила: – И желания. Пока окончательно в долги не влезла, продам и куплю магазинчик женского белья или на проценты буду жить.

– Не выдумывай! У тебя очень хорошо получалось! – воскликнула Марина. – Но в кафе теперь нужно вложить массу средств, чтобы вытянуть его на прежний уровень. У тебя сейчас депрессия, нужно отдохнуть, и все наладится.

– Здорово! – услышав это, воскликнул Стас. – Покупатель перед тобой. Я готов купить твой симпатичный ресторан. Стану ресторатором, как моя жинка.

– Ничего себе! Как ты из Нижнего будешь им управлять? Зачем тебе эта головная боль? – засомневалась Марина.

– Ладно, я найду хорошего управляющего, буду контролировать из дома, а мы будем сюда чаще наведываться. Если хочешь, оставлю тебя арт-директором, – предложил он Женьке. – Хорошо бы восстановить то, что было прежде. Только зарплата будет невысокой, с прибылями пока у тебя негусто.

Женька радостно закивала.

– Еще бы, конечно! То, что здесь творилось, было почти без моего ведома, этот меня в кафе не допускал, – она не хотела произносить имя бывшего любовника.

Проблемы остались в прошлом, жизнь вновь потекла неспешно и размеренно. А Марина задалась вопросом о криминале в своей жизни. Ведь прожила она тридцать два года, ни с чем противозаконным не сталкиваясь, не считая мелких студенческих грешков.

«Марина Алексеевна, живи спокойно и радуйся, так нет, сиплется на голову не одно, так другое. Надоело вливать в разные истории, надеюсь, эта была последней» – так рассуждала она после питерского приключения.

Однажды вечером, сидя на любимом месте на террасе, ожидала закат, когда вошел Стас с небольшим подносом, на котором стояла кружка с горячим чаем, вазочка с медом и лимон.

– Ну что, сидишь? Место встречи заката неизменно?

– Я не люблю мед, ты же знаешь, – с хрипотцой в голосе отозвалась Марина.

Она вчера промочила ноги, провалившись в покрытую тонким ледком лужу, и Стас боялся, что она может простудиться.

– Нет бы спасибо сказала, мед точно не помешает.

Он уселся на кресло, стоящее неподалеку, она взяла его руку, стала рассматривать узкую кисть с длинными пальцами.

– Какие у тебя руки красивые. – Прижалась к руке мужа щекой. – Как я тебя все-таки люблю!

– Похоже, у тебя температура, раз начала в любви признаваться.

– Разве я не могу сказать, что люблю собственного мужа? – и после короткой паузы заговорила. – Что со мной не так? Почему последние семь лет я постоянно попадаю в криминальные истории? И тебя впутываю. Раньше ничего такого со мной не случалось.

Он задумался, потом ответил:

– Ты неравнодушная. Другой пройдет мимо: «Меня это не касается». С той же Женькой. Она не слушала предостережений. Что сделала бы другая на твоем месте? Уехала и потом говорила: «Я же предупреждала». А ты бросилась в бой, Женьку спасла, наркотрафик раскрыла, преступников поймали.

– Да ну, нынче я ничего не делала. Инфу ты нарыл, преступников Николай задержал, – возразила Марина, – а дело получилось почти как в Вене, – продолжила она, – наркотики, программа-шпион, прослушка, полиция, которая всех поймала.

– Сейчас компьютер в расследовании на первое место выходит, а дела, они в принципе все похожи. А кто нас привлек? Ты. Без тебя

бы ничего не было, – засмеялся муж и, обняв одной рукой, привлек к себе.

– По поводу детективов, – продолжил Стас, – вспомнил выскакивание одного психиатра, я тебе уже говорил, кажется. Он пациентам внушал, что если с призраками не бороться, они не опасны. Ты начала бороться с преступниками, и к тебе начали притягиваться преступления.

– Если ты внимательно смотришь в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя. Ты это имеешь в виду?

– Возможно. Так что постараися не замечать преступления, и они будут обходить тебя стороной. Я надеюсь, – засмеялся Стас.

– Возможно, ты прав... Как мне повезло, что у меня такой умный муж, – совершенно искренне заключила Марина.

Наступило новогодье, так Марина называла время между католическим Рождеством и старым Новым годом. Лерке выпал короткий отпуск, и она приехала к подруге раньше других, чтобы помочь с предпраздничными хлопотами: в гости напросились оба новоявленных брата. Друзья Стаса, ее родственники и друзья – компания подбиралась разношерстная, и Марина волновалась, пытаясь организовать достойный прием.

– И зачем мне нужна такая кутерьма? – вслух задала вопрос сама себе. – Я так люблю Новый год в тихом семейном кругу.

– Ага, тихом! С этакой оравой детей! – подхватила Лера. – Просто ты по всем нам соскучилась. Мы так редко видимся. – После недолгого молчания заговорила вновь: – Мы с тобой все обсудили? Ничего не упустили?

– Все на сто раз перепроверено. Фейерверки, гирлянды, горку Стас взял на себя. Даже тройка будет. Елки расставлены, наряжены, еду из ресторана привезут.

– Хорошо свой ресторан иметь: не надо готовить, оливье тазиками нарезать, – произнесла Лера.

– Оливье будет по старинной рецептуре, от самого старика Оливье, – засмеялась Марина, – а ты не завидуй.

– Кто завидует? – возразила подруга. – Я хочу, чтобы все прошло на высшем уровне, иностранный гость никак ожидается (младший брат Семен жил в Англии и приезжал специально познакомиться с сестрой). Люблю, когда год хорошо заканчивается, – продолжила она, – а этот год хороший, все здоровы, никто не умер, дефолтов не случилось. Что новый принесет?

– Старый неспокойный был, но, твоя правда, никто не умер, и славно, – согласилась Марина. – А новый год – високосный, и у меня юбилей грядет. Страсть как не люблю ни того, ни другого. Еще с двадцатого года начинается новый цикл по восточному календарю, а это всегда к потрясениям. И первое животное цикла неприятное... – Она передернула плечами... – Крыса.

– Не дрейфь, прорвемся! Другие високосные пережили и этот переживём. Красивое двойное число: двадцать – двадцать, то есть две тысячи двадцатый. Поживём – увидим и, как всегда, будем надеяться на лучшее.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. <i>Старые письма</i>	3
Часть 2. <i>Случайная встреча</i>	77
Часть 3. <i>Чужих детей не бывает</i>	146
Часть 4. <i>Доми наши</i>	221

Литературно-художественное издание

Катрич Татьяна

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ ДРАЙВ

Редактор *E. B. Фефелова*

Корректор *H. B. Стрелкина*

Компьютерная верстка и дизайн обложки
Л. А. Астанковой

12+

Подписано в печать 07.10.2022. Формат 60×84 ¼. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,32. Тираж 300 экз. Заказ № 114

Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвузиздат»:
650993, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Кирова, 45.
Тел. 8 (3842) 36-36-00, 36-12-14. E-mail: 58293469@mail.ru

